

РУССКОЕ СЛОВО ГОРИЗОНТЫ АНАЛИЗА

*(к 80-летию со дня рождения
Людмилы Григорьевны Яцкевич)*

Сборник статей

Вологодская областная универсальная научная библиотека
Вологодский государственный университет

**РУССКОЕ СЛОВО:
ГОРИЗОНТЫ АНАЛИЗА**

(к 80-летию со дня рождения Людмилы Григорьевны Яцкевич)

Сборник научных статей

Вологда
ВОУНБ
2024

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Р88

Утверждено научным советом ВоГУ

Научные редакторы:

Е. Н. Ильина, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ;

И. Е. Колесова, канд. филол. наук, учёный секретарь ВОУНБ.

Рецензент:

О. В. Никитин, д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания
Московского государственного областного университета.

Р88

Русское слово: горизонты анализа: (к 80-летию со дня рождения Людмилы Григорьевны Яцкевич) : сборник научных статей / Вологодская областная универсальная научная библиотека, Вологодский государственный университет ; [научные редакторы Е. Н. Ильина, И. Е. Колесова]. – Вологда : ВОУНБ, 2024. – 112 с. : ил., табл. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-904318-97-0

В сборник вошли материалы всероссийской научной конференции «Русское слово: горизонты анализа», посвященной 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Людмилы Григорьевны Яцкевич (1944–2022). Она вошла в историю российского языкознания как исследователь, в научном творчестве которого нашли отражение многие направления изучения русского слова. В данном сборнике представлены исследования по грамматике русского языка, лингвистической поэтике и проблемам филологического краеведения.

Издание рекомендовано ученым-филологам, учителям русского языка, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами теоретического и прикладного языкознания.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-904318-97-0

© БУК ВО «Вологодская областная
универсальная научная библиотека»,
2024

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Е. Н. Ильина).....	2
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА ЛЮДМИЛЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ЯЦКЕВИЧ	3
РАЗДЕЛ 1. ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	
<i>Бурцев В.А.</i> Порядок слов в одах М. В. Ломоносова в отношении к синтаксической норме: попытка формального анализа в рамках описания структуры предложения.....	13
<i>Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.</i> Гапаксы в писательских частотных словарях: к постановке вопроса.....	19
<i>Катышев П.А., Лушпей А.А.</i> Словообразовательный тип: к вопросу о вариативности интерпретаций.....	27
<i>Килина Л.Ф., Загребина У.С.</i> О грамматическом синкретизме имен прилагательных в диахроническом аспекте (на примере слова <i>злой</i>).....	32
<i>Патроева Н.В.</i> Из истории имен глагольного происхождения в русском языке....	37
<i>Петрова М.Ю.</i> Словообразование в практике языковой игры (на материале «Словаря русского языка коронавирусной эпохи»).....	43
<i>Федосеева Л.Н.</i> Словообразовательные типы глаголов с локативным значением: функциональный аспект.....	53
РАЗДЕЛ II. ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРАКТИКЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ	
<i>Боброва М.А.</i> Наивная лексикография как средство сохранения и формирования региональной идентичности.....	60
<i>Большакова В.В.</i> Организация ономастического пространства в детских рассказах В. И. Белова.....	66
<i>Военушкина Е.А.</i> Семиотическая реализация категории достоверности в севернорусских быличках.....	70
<i>Жданова Е.А.</i> К вопросу о локальной лексике города Ижевска.....	75
<i>Коконова А.Б.</i> Лексема <i>обход</i> в севернорусских говорах: семантика и этнокультурная составляющая.....	80
<i>Рулева А.Е.</i> Функционирование глагола <i>мочь</i> в речевых жанрах диалектной коммуникации (на материале русских говоров Среднего Приобья).....	86
<i>Ставрова А.Д.</i> Слот «причина болезни» и его вербализация в диалектной речи (на материале русских говоров Среднего Приобья).....	93
<i>Филиппова А.О.</i> Языковые средства и способы выражения речевого жанра «отказ» в диалектной коммуникации (на материале русских говоров Среднего Приобья).....	98
<i>Шашкова Е.В.</i> Степной край как зона культурного пограничья: к вопросу о региональной идентичности.....	104
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	111

ВВЕДЕНИЕ

Всероссийская научная конференция «Русское слово: горизонты анализа» посвящена памяти доктора филологических наук, профессора Людмилы Григорьевны Яцкевич. Её научная биография неразрывно связана с Русским Севером: получив высшее образование в Череповецком государственном университете, она почти тридцать лет проработала на кафедре русского языка Вологодского государственного университета, защитила кандидатскую и докторскую диссертации в Ленинградском (позже Российском) государственном педагогическом институте (университете) им. А. И. Герцена. Поэтому сложнейшие вопросы грамматической теории раскрываются в трудах учёного на фоне пристального внимания к северномусскому слову, народной речевой культуре, эстетическому идеалу писателей-северян. Доказательство тому – статьи и монографии Л. Г. Яцкевич по морфологии и словообразованию вологодских говоров, её участие в создании «Словаря вологодских говоров», руководство научным коллективом, изучавшим поэтический язык Николая Клюева, публикации на основе творчества Василия Белова, Николая Рубцова, Владимира Калачева и других писателей-вологжан.

Статьи участников конференции, известных российских учёных и начинающих исследователей из различных регионов России, стали творческим продолжением интереса к живому русскому слову, а через него – к народной ментальности, закономерностям отражения в языке социально-политических и культурных трансформаций общества. Вместе с тем эти размышления имеют в своей основе строгий научный подход, весьма обширную источниковую базу и достойный филологический контекст. Проблематика статей, представленных в сборнике, позволила выделить в нём два раздела: первый посвящен проблемам грамматики русского языка в его пространственной, временной и функциональной динамике, а второй объединил публикации о различных феноменах народной речевой культуры, размышляя о проблемах формирования и сохранения региональной идентичности в практике филологического краеведения.

Хочется надеяться, что научное наследие доктора филологических наук, профессора Людмилы Григорьевны Яцкевич найдет отклик в трудах следующих поколений российских филологов, привлекая их энциклопедической ёмкостью научной проблематики, блестящей логикой доказательства сложных теоретических положений, безукоризненным качеством лингвистического анализа языковых фактов и произведений речевой деятельности, а также горячей убежденностью учёного в силе мысли и важности учительского слова.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА ЛЮДМИЛЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ЯЦКЕВИЧ

Яцкевич Л. Г. О внутренней форме слов в русском и белорусском языках в условиях билингвизма / Л. Г. Яцкевич // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма: материалы к конференции. – Минск, 1975. – С. 538-541.

Яцкевич Л. Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи / Л. Г. Яцкевич // Филологические науки. – 1977. – № 4. – С. 101-106.

Яцкевич Л. Г. О разграничении лексической и словообразовательной многозначности слова / Л. Г. Яцкевич // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 1983. – № 1. – С. 39.

Яцкевич Л. Г. Способы выражения предметности в русском языке / Л. Г. Яцкевич // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 77-83.

Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования. Функционально-типологический подход в морфологии (на примере имен существительных): монография / Л. Г. Яцкевич. – Минск, 1987.

Яцкевич Л. Г. Функциональная морфология русского языка: Учебное пособие по одноименному спецкурсу для студентов специальности 02.17 Русский язык и литература / Л. Г. Яцкевич. – Минск, 1988.

Яцкевич Л. Г. Морфологическая парадигма как комплексная единица формообразования / Л. Г. Яцкевич // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4. – С. 111-121.

Яцкевич Л. Г. Лингвистический анализ поэтического текста (на материале поэзии М. Цветаевой) / Л. Г. Яцкевич // Литературное произведение - предмет анализа. межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1993. – С. 61-87.

Яцкевич Л. Г. Морфемика современного русского языка: монография / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 1993.

Яцкевич Л. Г. О предпосылках создания словаря поэта: (пути и средоточия поэтического слова Н. Клюева) / Л. Г. Яцкевич // Материалы по истории литературы и поэтике: [сборник]. – Вологда, 1995. – С. 67-73.

Яцкевич Л. Г. Стихотворение «Зимняя песня»: лингвистическая структура лирического сюжета / Л. Яцкевич // Поэзия Николая Рубцова: материалы по поэтике. – Вологда, 1997. – С. 63-78.

Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Л. Ю. Зорина, Л. М. Кознева, Л. Г. Яцкевич и др. – Т. 7-12. – Вологда, 1997-2007.

Яцкевич Л. Г. Особенности лексико-семантической структуры лирического сюжета стихотворений Н. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Традиции и новаторство в современной школе: тезисы докладов науч.-практ. конф., [Вологда], 2-3 декабря 1997 г. – Вологда, М., 1998. – Ч. 2. – С. 54-55.

Яцкевич Л. Г. Концептуальные и символические основы поэтической фразеологии слова ДУША в творчестве Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: тез. докл. межвуз. науч. конф., 13-15 окт., 1998 г. – Вологда, 1998. – С. 132-133.

Яцкевич Л. Г. «... Вся жизнь моя отмечена Тобою ...»: (о жизни и поэзии Н. М. Ивановой-Романовой) / Л. Г. Яцкевич // Череповец: краевед. альм. – Вологда, 1999. – Вып. 2. – С. 502-512.

Яцкевич Л. Г. «Свобода» и «воля» в произведениях А. С. Пушкина // Источник. – Вологда, 1999. – № 3 (май-июнь). – С. 46-54.

Яцкевич Л. Г. Структура поэтического текста: учеб. пособие / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 1999. – 238 с.

Яцкевич Л. Г. Тематические парадигмы в поэтическом словаре Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Ключевский сборник. – Вологда, 1999. – С. 33-35.

Яцкевич Л. Г. Концептуальные архетипы слова "мир" в поэзии Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич, С. Б. Виноградова // Ключевский сборник. – Вологда, 1999. – С. 76-87.

Яцкевич Л. Г. Проект поэтического словаря Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич, С. Х. Головкина // Ключевский сборник. – Вологда, 2000. – С. 5-36.

Яцкевич Л. Г. Словарь топонимов и этнонимов Н. А. Клюева. Алфавитный частотный словоуказатель / Л. Г. Яцкевич, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина // Ключевский сборник. – Вологда, 2000. – С. 37-46.

Яцкевич Л. Г. Поэтическая система топонимов и этнонимов в творчестве Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Ключевский сборник. – Вологда, 2000. – С. 46-69.

Яцкевич Л. Г. «Сильны не железом...»: (отражение национального самосознания в поэзии Н. А. Клюева) / Л. Г. Яцкевич // Вологда: краевед. альм. – Вологда, 2000. – Вып. 3. – С. 367-374.

Яцкевич Л. Г. Поэтическая география Николая Клюева / Л. Яцкевич // Вытегра: краевед. альм. – Вологда, 2000. – Вып. 2. – С. 154-195.

Яцкевич Л. Г. Функционально-типологический подход к изучению диалектной морфологии / Л. Г. Яцкевич // Актуальные проблемы диалектологии. Материалы межвузовской научной конференции. – СПб, Вологда, 2000. – С. 53-54.

Яцкевич Л. Г. Поэтические парадигмы местоимения "я" в творчестве Н. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Проблемы лингвистической семантики - 2. Межвузовский сборник научных работ. – Череповец, 2001. – С. 59-71.

Яцкевич Л. Г. Осевое пространство и время в поэзии М. Цветаевой и Н. Клюева / Л. Яцкевич // Век и вечность: Марина Цветаева и поэзия XX века: сборник работ. – Череповец, 2002. – Вып. 1. – С. 21-27.

Яцкевич Л. Г. Китоврас: Имя. Архетипы. Поэтические образы / Л. Г. Яцкевич // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси : [межвузовский сб. науч. работ]. – Вологда, 2002. – С. 109-128.

Морфемика и словообразование русского языка: монография / Л. Г. Яцкевич, М. В. Богданова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, И. Ю. Рыбакова, Е. Н. Ильина. – Вологда, 2002.

Яцкевич Л. Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнёзд / Л. Г. Яцкевич // Слово. Семантика. Текст. Сборник научных трудов, посвященный юбилею профессору В. В. Степановой. – СПб, 2002. – С. 76-79.

Яцкевич Л. Г. Символические образы хлеба в поэзии Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич, Е. А. Черкашина // Ключевский сборник. – Вологда, 2002. – С. 171-192.

Яцкевич Л. Г. Имена Бога и Богородицы в поэзии Н.А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Клюевский сборник. – Вологда, 2002. – С. 19-26.

Яцкевич Л. Г. Библейские имена в поэзии Н.А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Клюевский сборник. – Вологда, 2002. – С. 26-32.

Яцкевич Л. Г. "На золотом пороге немеркнущих времен..." Предисловие / Л. Г. Яцкевич // Клюевский сборник. – Вологда, 2002. – С. 3-8.

Яцкевич Л. Г. Материалы к "Словарю имен собственных в поэзии Н.А. Клюева" / Л. Г. Яцкевич, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина // Клюевский сборник. – Вологда, 2002. – С. 9-19.

Яцкевич Л. Г. Вологодские топонимы в поэзии Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Вологда: ист.- краевед. альм. – Вологда, 2003. – С 367-382.

Яцкевич Л. Г. Родное слово в творчестве В. И. Белова // Духовность и патриотизм как основа современного образования. – Вологда, 2003. – С. 156-171.

Яцкевич Л. Г. Процессы семообразования в структуре исторических корневых гнёзд (концепт "красота") / Л. Г. Яцкевич // Русское слово в тексте и в словаре. – Вологда, 2003. – С. 4-23.

Яцкевич Л. Г. Эволюционные процессы в структуре исторических корневых гнёзд / Л. Г. Яцкевич // Слово. сборник научных статей. / Редколлегия: С. Ю. Лаврова, Р. Л. Смулаковская, А. В. Чернов. – Череповец, 2003. – С. 9-14.

Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь / [авт.-сост. Л. Г. Яцкевич]. – Вологда, 2004. – 214 с.

Яцкевич Л. Г. Категориальные значения частей речи: функционально-типологическое исследование / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004. – 157 с.

Яцкевич Л. Г. Слова со связанными основами: словарь-справочник / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2006. – 174 с.

Поэтическое слово Николая Клюева: монография / Л. Г. Яцкевич, С. Х. Головкина, С. Б. Виноградова. – Вологда, 2005.

На золотом пороге немеркнущих времен: поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева: монография / С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2006.

Структурные типы русских слов: наречие: монография / М. В. Богданова, Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2006.

Яцкевич Л. Г. Мутационные словообразовательные типы отсубстантивных имен существительных в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи. – Вологда, 2006. – С. 170-184.

Яцкевич Л. Г. Функциональная категория модальности имен существительных: когнитивные и типологические аспекты / Л. Г. Яцкевич // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи. – Вологда, 2006. – С. 20-38.

Яцкевич Л. Г. Святоотеческие традиции употребления слова ум в русской литературе / Л. Г. Яцкевич // Проблемы текста. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева. Словесность. – Вологда, 2006. – С. 3-19. 1

Яцкевич Л. Г. Направления семантического развития слов тематической группы "человек" в поэзии Н.А. Клюева / Л. Г. Яцкевич, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина //

XXI век на пути к Ключеву. материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Ключева и проблемы этнопоэтики», посвящённой 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Ключева / Составитель и научный редактор Е. И. Маркова. – Петрозаводск, 2006. – С. 98-110.

Яцкевич Л. Г. Этнокультурное содержание имён собственных в поэзии Н. А. Ключева в свете исторической поэтики / Л. Г. Яцкевич // Словоупотребление и стиль писателя / Под редакцией Д. М. Поцепни. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 170-173.

Яцкевич Л. Г. Родное слово в творчестве В. И. Белова...» / Л. Г. Яцкевич // Вологодский ЛАД. – 2007. – № 3. – С. 228-238.

Яцкевич Л. Г. Святой Никола в жизни и творчестве Н. А. Ключева / Л. Г. Яцкевич // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве: [материалы и исслед.] / [под ред. А. А. Рыбакова (отв. ред.) и др.]. – М., 2007. – С. 85-88.

Яцкевич Л. Г. Грамматические факторы эволюции морфемной структуры глаголов в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. – СПб, Вологда, 2007. – С. 216-239.

Яцкевич Л. Г. О национальной самодостаточности русского языка и призраке транзитивной философии / Л. Г. Яцкевич // Слово и предложение: Исследования по русскому языку и методике преподавания. Сборник научных статей в честь 70-летия профессора В. П. Проницева. – СПб., 2007. – С. 224-240.

Яцкевич Л. Г. Лексика Обонежья в поэзии Н. А. Ключева / Л. Г. Яцкевич // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. / Ответственный редактор Г.В. Судаков. – Вологда, 2007. – С. 760-768.

Яцкевич Л. Г. Модальная транспозиция имён нарицательных в собственные имена в поэзии С. С. Бехтеева / Л. Г. Яцкевич // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 2007. – С. 142-155.

Яцкевич Л. Г. «Новый с поля поэт придет...». О жизни и творчестве В. С. Калачёва / Л. Г. Яцкевич // Вологодский ЛАД. – 2007. – № 2. – С. 142-153.

Яцкевич Л. Г. «Узорнее аксамита моя золотая дума»: поэтическое слово Николая Ключева / Л. Яцкевич // Вологодский ЛАД. – 2008. – № 1. – С. 160-170.

Яцкевич Л. Г. Тематическая структура поэтического словаря Н. А. Ключева / Л. Г. Яцкевич // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов / [редкол.: Г. В. Судаков]. – Вологда, 2008. – Ч. 1. – С. 257-268.

Яцкевич Л. Г. Эволюционные процессы в историческом корневом гнезде с алломорфами -рез- // -реж- // -раз- // -раж- // -роз- // -рож- в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Говоры Вологодского края: аспекты изучения. Сборник научных трудов. – Вологда, 2008. – С. 168-181.

Яцкевич Л. Г. Морфемный анализ диалектных слов в функционально-типологическом и эволюционном аспектах / Л.Г. Яцкевич // Слово и текст в культурном сознании эпохи. сборник научных трудов. – Вологда, 2008. – С. 203-207.

Яцкевич Л. Г. «...Семь негасимых лампад...»: о жизни и творчестве Н. М. Ивановой-Романовой / Л. Яцкевич // Вологодский ЛАД. – 2009. – № 4. – С. 209-215.

Яцкевич Л. Г. «Взойдёт любовь на вечный срок...» (Христианский идеал любви в поэзии Н.М. Рубцова) / Л. Г. Яцкевич // Н. М. Рубцов и православие: сб. ст. / [сост., предисл.: В. А. Алексеев]. – Москва, 2009. – С. 307-316.

Яцкевич Л. Г. Словообразовательная база концепта "ум" в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Русское народное слово в языке и речи. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара. – Арзамас, 2009. – С. 429-434.

Яцкевич Л. Г. Лингвистические классификации в морфологии в свете современной теории классификаций / Л. Г. Яцкевич // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сборник научных трудов. – М., Архангельск, 2009. – С. 296-307.

Яцкевич Л. Г. Типология сигнификативно слабых формативов в русской морфологии / Л. Г. Яцкевич // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. – Вологда, 2009. – С. 72-79.

Яцкевич Л. Г. Красота по-вологодски / Л. Г. Яцкевич, Л. Ю. Зорина // Вологодский ЛАД. – 2009. – №1. – С. 209-216.

Яцкевич Л. Г. Виды классификаций в морфологии и морфологическая систематика русского языка / Л. Г. Яцкевич // Филологические науки. – 2010. – № 56. – С. 86-95.

Яцкевич Л. Г. Вторичная грамматикализация имен существительных в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. – Вологда, 2010. – Ч. 4. – С. 278-282.

Яцкевич Л. Г. Русское формообразование: процессы деграмматикализации и грамматикализации / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2010. – 279 с.

Яцкевич Л. Г. Аналитические квантитативы в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. Международная научная конференция: сборник научных статей. – Иваново, 2010. – С. 211-216.

Яцкевич Л. Г. Структурные особенности диалектных местоимений в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. – Вологда, 2011. – Ч. 7. – С. 274-285.

Слово о родной деревне / [авт.-сост. Л. Г. Яцкевич (Калачёва)]. – Вологда, 2011. – 271 с.

Яцкевич Л. Г. Процессы грамматикализации собирательных имён существительных в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // И нежный вкус родимой речи.... Сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Климковой. – Арзамас, 2011. – С. 524-527.

Яцкевич Л. Г. Грамматические концепты частей речи и формы их существования в структуре русского языка / Л. Г. Яцкевич // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Материалы X Международной научно-практической конференции / Редколлегия: Т. Г. Аркадьева, М. И. Васильева, Т. Г. Шарри. – СПб, 2011. – С. 53-59.

Яцкевич Л. Г. Грамматические концепты частей речи в функциональном аспекте / Л. Г. Яцкевич // Проблемы концептуализации действительности и моделирования

языковой картины мира. Материалы V Международной конференции. – Архангельск, 2011. – С. 246-249.

Яцкевич Л. Г. Эволюционные процессы морфемообразования на базе праславянского корня *-pel- в русских народных говорах (статья первая: исторический алломорф *-pel-) / Л. Г. Яцкевич // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. – 2011. – Т. 2. – С. 95-104.

Яцкевич Л. Г. Партикулярные кластеры в структуре местоимений вологодских говоров / Л. Г. Яцкевич // Филология в образовательном пространстве города Череповца: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Череповец, 24-25 ноября 2011 г. – Череповец, 2012. – С. 89-94.

Яцкевич Л. Г. Развитие лексической когерентности в структуре исторического корневого гнезда / И. Е. Колесова, Л. Г. Яцкевич // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2 (39), Т. 2. – С. 94-96.

Яцкевич Л. Г. Дистрибуция «блуждающей частицы» ка/ко/к/ки/ке/кю в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2 (39), Т. 2. – С. 163-164.

Яцкевич Л. Г. Структурная и функциональная дистрибуция первообразной дейктической партикулы с консонантным элементом С (СЕ/СИ/СЬ/СЮ/СЯ) в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. – Вологда, 2012. – Ч. 10. – С. 301–307.

Яцкевич Л. Г. Отражение старообрядческого мира в антропонимах и топонимах в поэзии Н.А. Ключева / Л. Г. Яцкевич // «А мне глаголати неленостно...». Раскол и старообрядчество в современной рефлексии. Сборник научных трудов / [сост. И. А. Едошина]. – Кострома, 2012. – С. 260-263.

Яцкевич Л. Г. Типы грамматикализации глагольной лексики в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Живое слово Севера. Сборник научных трудов. – Архангельск, 2012. – С. 57-63.

Яцкевич Л. Г. Словообразовательный потенциал местоимений в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Севернорусские говоры. – 2012. – № 12. – С. 55-63.

Яцкевич Л. Г. Словесное творчество жителей деревни Квасюнино (первая половина XX века) / Л. Г. Яцкевич // Образы национальной ментальности в текстах русского Севера: сб. науч. ст., Вологда, 28-29 октября 2013 г. – Вологда, 2013. – С. 73-81.

Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров: монография / Л. Г. Яцкевич; [науч. ред. Л. Ю. Зорина]. – Вологда, 2013. – 243 с.

Яцкевич Л. Г. Структурная и функциональная дистрибуция первообразной дейктической партикулы с консонантным элементом т в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Русское слово и костромской край. Сборник статей: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Русское слово и костромской край: памяти А. В. Громова» (Кострома 16–17 ноября 2012 г.). – Кострома, 2013. – С. 266-272.

Яцкевич Л. Г. Словесная культура жителей деревни Квасюнино / Л. Г. Яцкевич // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира. Сборник научных трудов. – Архангельск, 2013. – С. 284-291.

Яцкевич Л. Г. Эволюционные причины вторичной грамматикализации категории рода имен существительных в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича (1838–1923). Материалы международного научного семинара. – Петрозаводск, 2013. – С. 75-78.

Яцкевич Л. Г. Местоименные морфемы, восходящие к общеславянской партикуле с консонантным элементом *s, как средство формирования темпоральных дейктических концептов в севернорусских говорах / Л. Г. Яцкевич // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сборник научных трудов. – М., Архангельск, 2013. – С. 249-256.

Яцкевич Л. Г. Слова, которым тысячи лет / Л. Г. Яцкевич (Калачева) // Премьер. – Вологда, 2014. – 25 февраля. – С. 19.

Яцкевич Л. Г. Праславянская лексика в «Словаре вологодских говоров» / Л. Г. Яцкевич // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Материалы международной научной конференции. – Ярославль, 2014. – С. 360-366.

Яцкевич Л. Г. Пророческие тексты М. Лермонтова и Н. Клюева: культурные истоки, жанры, темы, образы, символы / Л. Г. Яцкевич // Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Материалы международной научной конференции / Отв. редактор Л. Л. Шестакова, Н. В. Патронева. – Петрозаводск, 2014. – С. 58-61.

Яцкевич Л. Г. Словообразовательная категория степени интенсивности признака в русских народных говорах / Л. Г. Яцкевич // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. – СПб, 2014. – С. 700-733.

Яцкевич Л. Г. Процессы деграмматикализации и грамматикализации категории рода имен существительных в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Севернорусские говоры. – 2014. – № 13. – С. 41-57.

Яцкевич Л. Г. Живая и мертвая вода слова: (читая Николая Рубцова) / Л. Яцкевич // Вологодский литератор. – 2015. – № 2 (8) апр. – С. 2.

Яцкевич Л. Г. Терпение – дом души: (о трех рассказах А. А. Цыганова) / Л. Яцкевич // Вологодский литератор. – Вологда, 2015. – № 5-6 (11-12) дек. – С. 2.

Яцкевич Л. Г. Тотальное – это не всенародное / Л. Яцкевич // Вологодский литератор. – 2015. – № 5-6 (11-12). – С. 6.

Яцкевич Л. Г. «Словарь исторических корневых гнезд»: опыт составления / Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 97-101.

Яцкевич Л. Г. Процессы морфемообразования в историческом корневом гнезде с этимологическим корнем *- џei- / Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 5 (66). – С. 84-86.

Яцкевич Л. Г. Семантические и словообразовательные особенности этимологического гнезда слов с праславянскими корневыми морфами *ват-/*вот- в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 6 (67). – С. 107-113.

Яцкевич Л. Г. Архаичные явления в лексической и словообразовательной системах режского говора / Л. Яцкевич // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим: монография. – Вологда, 2015. – С. 10-23.

Яцкевич Л. Г. Символические функции слова «ракита» в поэзии Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Вологодский текст в русской культуре: сборник статей по материалам конференции. – Вологда, 2015. – С. 85-95.

Яцкевич Л. Г. Уроки русского / Л. Г. Яцкевич // Литературная Вологда-2015: альманах вологодских писателей. – Вологда, 2015. – С. 341-355.

Яцкевич Л. Г. Фольклоризмы в поэзии Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа. Сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Петрозаводск, 2015. – С. 133-135.

Яцкевич Л. Г. Словообразовательная категория залоговости в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Севернорусские говоры. – 2015. – № 14. – С. 120-140.

Яцкевич Л. Г. «Полон мир несбывшейся любви...»: размышления о поэзии Михаила Карачева / Л. Г. Яцкевич // Вологодский литератор. – 2016. – № 1-2 (13-14). – С. 3-4.

Яцкевич Л. Г. Образы поэтов-современников в творчестве Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Беловский сборник. – Вологда, 2016. – Вып. 1. – С. 112-124.

Яцкевич Л. Г. Лирические, трагические и смеховые начала квасюнинских частушек: [д. Квасюнино Шекснинского района] / Л. Г. Яцкевич // Беловский сборник. – Вологда, 2016. – Вып. 2. – С. 149-159.

Яцкевич Л. Г. Семантические модели словообразовательных парадигм когерентных имен существительных в русских народных говорах / Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 65-74.

Яцкевич Л. Г. Тема войны в стихах и письмах Владимира Калачева / Л. Г. Яцкевич // Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления: материалы Всерос. науч. конф., г. Вологда, 23-25 апреля 2015 г. – Вологда, 2016. – С. 152-157.

Яцкевич Л. Г. Грамматический синкретизм неизменяемых знаменательных частей речи в русских народных говорах / Л. Г. Яцкевич // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / Ответственный редактор С. А. Мызников. – СПб, 2016. – С. 488-509.

Яцкевич Л. Г. Особенности ситуативной метонимии диалектных имен прилагательных / Л. Г. Яцкевич // Севернорусские говоры. – 2016. – № 15. – С. 157-169.

Яцкевич Л. Г. Семантический синкретизм как источник ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности диалектных лексем / Л. Г. Яцкевич // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2016. – № 1 (1). – С. 91-97.

Яцкевич Л. Г. Грамматический синкретизм неизменяемых знаменательных частей речи в русских народных говорах / Л. Г. Яцкевич // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – 2016. – С. 68.

Яцкевич Л. Г. «Россия, ты дышишь молитвою»: (о духовных мотивах поэзии Н. П. Сидоровой) / Л. Яцкевич // Вологодский литератор. – 2017. – № 1 (15) март. – С. 2.

Яцкевич Л. Г. Красота в глазах смотрящего: (о рассказе А. Цыганова «Садовник») / Л. Г. Яцкевич // Вологодский литератор. – 2017. – № 4 (18). – С. 4.

Яцкевич Л. Г. Крестьянская смеховая культура в произведениях В. И. Белова: языческие и христианские традиции / Л. Г. Яцкевич // Беловский сборник. – Вологда, 2017. – Вып. 3. – С. 142-153.

Яцкевич Л. Г. Особенности ситуативной метонимии диалектных глаголов / Л. Г. Яцкевич // Севернорусские говоры: межвуз. сб. – Санкт-Петербург, 2017. – Вып. 16. – С. 167-184.

Яцкевич Л. Г. Остроумие квасюнинских пословиц, поговорок, присловий и прибауток / Л. Г. Яцкевич // Родная речь: сб. науч. ст. – Вологда, 2017. – Вып. 1. – С. 208-228.

Яцкевич Л. Г. Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора: монография / Л. Г. Яцкевич. – [2-е изд.]. – Вологда, 2017. – 167 с.

Актуальные проблемы морфологии. Функциональная теория частей речи: Учебно-методическое пособие / Л. Г. Яцкевич, Л. А. Берсенева. – Вологда, 2017.

Яцкевич Л. Г. Проективные типы грамматической композиции ранних стихотворений Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Грамматические исследования поэтического текста. Материалы международной научной конференции / Ответственные редакторы Л. Л. Шестакова, Н. В. Патроева. – Петрозаводск, 2017. – С. 113-118.

Яцкевич Л. Г. Символы русского севера в поэзии Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Притяжение Севера: язык, литература, социум. Материалы I Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Петрозаводск, 2018. – С. 300-308.

Яцкевич Л. Г. Структурные типы традиционных поэтических формул шекснинских частушек / Л. Г. Яцкевич, А. А. Медведева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 3 (84). – С. 103-111.

Яцкевич Л. Г. Морфемообразование на базе этимологического корня *ег- в русских народных говорах / Л. Г. Яцкевич // Фортунатовские чтения в Карелии. Сборник докладов международной научной конференции. В 2-х частях. / Под научной редакцией Н. В. Патроевой. – Петрозаводск, 2018. – С. 247-251.

Яцкевич Л. Г. Некоторые аспекты исследования процессов морфемообразования в русских народных говорах / Л. Г. Яцкевич // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. / Ответственный редактор С. А. Мызников. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 642-660.

Яцкевич Л. Г. Духовный смысл слов «грех» и «искушение» в произведениях современных вологодских писателей / Л. Г. Яцкевич // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы Междунар. науч. конф. 18-20 октября 2018 г., Архангельск. – Архангельск, 2018. – С. 122-128.

Яцкевич Л. Г. Русская грусть: о повести В. И. Белова «Невозвратные годы» / Л. Г. Яцкевич // Беловский сборник / [редкол.: Г. В. Судаков и др.]. – Вологда, 2018. – Вып. 4. – С. 4-12.

Яцкевич Л. Г. Типологические особенности русского диалектного словообразования / Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова. – Вологда, 2018. – 214 с.

Яцкевич Л. Г. Не потерять надежду: о книге Александра Цыганова «Помяни мое слово» / Л. Яцкевич // Вологодский ЛАД. – 2019. – № 1 (37). – С. 180-188.

Яцкевич Л. Г. Мудрость и безумие крестьянской жизни в рассказах Станислава Мишнева / Л. Г. Яцкевич // Беловский сборник: материалы Научного собрания и Регионального конкурса молодежных социально-экономических проектов по развитию сельских территорий / под общ. ред. С. Ю. Баранова. – Вологда, 2019. – С. 180-195.

Яцкевич Л. Г. По былинам нашего времени: о повести Николая Олькова «Мать сыра земля» / Людмила Яцкевич // Берега. – Калининград, 2019. – № 2 (32) апрель. – С. 158-163.

Яцкевич Л. Г. Православное слово в творчестве вологодских писателей / Л. Г. Яцкевич. – М., Вологда, 2019. – 386 с.

Яцкевич Л. Г. Не быть у времени в плену: о пророческой переключке Владимира Калачева и Николая Ключева / Л. Г. Яцкевич // Красное знамя. – Вытегра, 2020. – 27 окт. (№ 78). – С. 5.

Яцкевич Л. Г. Мудрость и безумие крестьянской жизни в рассказах Станислава Мишнева / Л. Яцкевич // Вологодский ЛАД. – 2020. – № 1 (38). – С. 179-183.

Яцкевич Л. «Не приведи Бог видеть русский бунт...»: о повести Александра Цыганова «Курдюг» (Современная исповедь) / Л. Яцкевич // Север. – 2020. – № 7/8. – С. 191.

Яцкевич Л. Г. Лирическая проза Сергея Багрова: размышления над книгой «Последняя передышка» / Л. Г. Яцкевич // Вологодский ЛАД. – 2021. – № 1 (39). – С. 179-181.

Яцкевич Л. Г. Вологодские портреты: [размышления и очерки о писателях]; О национальной самодостаточности русского языка и призраке трансгуманизма: [очерк] / Л. Г. Яцкевич // Северное ожерелье: лит.-худож. альм. / ред., сост. А. А. Цыганов. – Вологда, 2021. – С. 525-590.

РАЗДЕЛ I. ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Бурцев В. А.

ПОРЯДОК СЛОВ В ОДАХ М. В. ЛОМОНОСОВА В ОТНОШЕНИИ К СИНТАКСИЧЕСКОЙ НОРМЕ: ПОПЫТКА ФОРМАЛЬНОГО АНАЛИЗА В РАМКАХ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В центре внимания статьи организация порядка слов в торжественных одах Ломоносова в отношении к синтаксической норме. В качестве критерия нормализации рассматривается принцип проективности. Используется формальный способ описания структуры предложений в виде расположенных деревьев подчинения. Дается количественная характеристика деревьев подчинения. Делается вывод о соответствии порядка слов в стихотворном языке Ломоносова принципу проективности.

Ключевые слова: порядок слов, М. В. Ломоносов, проективность, торжественная ода.

Введение. Данная статья является продолжением работы [Бурцев, Абреимова 2023], в которой ставилась задача выяснить механизм словорасположения в торжественных одах М. В. Ломоносова. Объект и предмет настоящей статьи такие же – это, соответственно, деревья подчинения, отражающие синтаксическую структуру предложений и их фрагментов, и организация порядка слов (ПС) в одах Ломоносова в отношении к синтаксической норме. В связи с продолжающимся характером исследования в нем анализируется только одна ода Ломоносова. Тем не менее корпус уже проанализированных торжественных од, практически треть от их общего количества (шесть), дает основания предположить, что в торжественных одах Ломоносова мы имеем дело с такими вариантами словорасположения, которые свойственны принципам ПС в современном русском языке. Данное предположение не вполне согласуется с достаточно резкими критическими оценками нормализаторской деятельности Ломоносова в области синтаксиса и, в частности, ПС, сделанными как в русском классическом, так и в современном языкознании [Греч 1840: 110; Давыдов 1816: 114; Исаченко 1958: 27; Хютль-Ворт 1978: 200]. Однако необходимо отметить, что оценка ПС как неупорядоченного и запутанного в языковой практике Ломоносова опирается в основном на материал не поэтических, а прозаических произведений писателя. Что касается ПС в поэзии Ломоносова в ее отношении к литературной норме, то этот вопрос изучался только в плане исторической стилистики [Ковтунова 1969].

При обращении к проблеме организации ПС в одах Ломоносова в отношении к синтаксической норме обсуждения дополнительно требуют два важных вопроса. Во-первых, можно ли рассматривать поэтический язык XVIII в. как источник синтаксической нормы, и, во-вторых, что можно рассматривать в качестве критерия нормализации ПС в литературном языке XVIII в. Эти вопросы обсуждаются в разделе

1 настоящей статьи. В разделе 2 дается определение проективности дерева подчинения, обосновывается применение принципа проективности качестве критерия нормативной оценки ПС в диахронии. В разделе 3 приводятся результаты описания деревьев подчинения в анализируемом тексте.

1. Поэтический язык XVIII в. как источник синтаксической нормы. Дискуссионным является вопрос о том, может ли строение стихотворного синтаксиса, на который налагаются специфические интонационно-ритмические ограничения, быть показателем синтаксической нормы применительно к литературному языку XVIII в. Согласно работам Г. Н. Акимовой [Акимова 1983: 31; Акимова 2012: 22], влияние стиха на синтаксис в поэзии Ломоносова значительно. В то же время показано [Акимова 1973], что данное влияние проявляется, прежде всего, в размерах предложений, которые в одах значительно короче, чем в разножанровой прозе Ломоносова.

Другая точка зрения состоит в том, что реформы языка в XVIII в. больше всего происходили именно в области поэтического языка, т.к. именно он занимал центральное место литературе XVIII в. Эта точка зрения высказана в работах [Колесов 2004: 424; Виноградов 1941; Виноградов 1959: 854; Патроева 2005: 4]. Как пишет В. В. Виноградов: «В истории русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. стихотворное искусство господствует над прозой. Стиховой стиль занимает центральное место в системе средств литературного выражения. Стихи являются той художественной лабораторией, в которой выковываются нормы и формы нового национального русского литературного языка» [Виноградов 1941: 517].

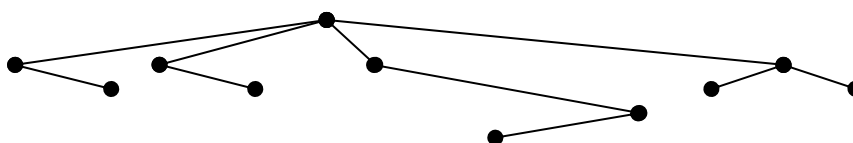
Поскольку, как показывает дальнейшее исследование, грамматический фактор ПС в одах (проективность) не подавляется стихом, мы принимаем точку зрения В. В. Виноградова и других исследователей, т.е. считаем, что специфические интонационно-ритмические ограничения стихотворной речи не выступали как существенный фактор ПС в одах Ломоносова.

2. Определение проективности дерева подчинения. В истории языка определение критериев нормализации, в том числе в отношении ПС, – одна из самых неразработанных проблем описания нормы [Хютль-Ворт 1978: 198]. Мы рассматриваем в качестве критерия нормализации принцип проективности, считая проективность, вслед за [Кобзарева 2008: 12; Фитиалов 1962: 106, Падучева 1964 и др.], параметром грамматически правильного предложения, производным от ПС. Как показывают исследования [Гладкий 1985: 23; Кобзарева 2008: 12; Ревзин 1977: 192; Тестелец 2001: 94], диахронический стихотворный материал также, как синхронный и прозаический, предоставляет возможность рассмотреть проблему нормализации словорасположения на основе свойств линейной структуры предложения, обусловленной проективностью синтаксических связей.

Во всех определениях проективности представление о ней опирается на понятие расположенного поверхностного дерева зависимостей (подчинения) [Фитиалов 1962:105-106; Ревзин 1977: 191; Падучева 1964: 103; Гладкий 1985: 20; Севбо 1981: 28. и др.]. В данной работе мы пользуемся определением проективности по И. П. Севбо [Севбо 1981: 28]: при двумерном способе изображения расположенное дерево

является проективным, если выполняются два условия: а) отсутствует пересечение каких бы то ни было дуг; б) никакие дуги не пересекают вертикальных линий координатной сетки, идущих от более верхних узлов.

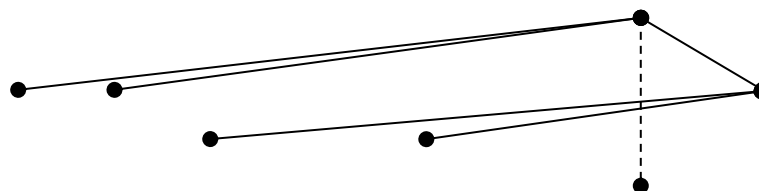
«Формально-графическое» определение проективности расположенного дерева подчинения дает возможность получить наглядное представление проективности или непроективности [Гладкий 1973: 302]. В соответствии с определением И. П. Севбо нами использовался также предложенный ею способ графического изображения дерева зависимостей: это двумерная схема (т.е. на ней возможно отобразить вертикали, на Рис. 2 это пунктирная линия) с дугами, оба конца которых обозначают узлы дерева. На Рис 1. изображено проективное дерево.

И как Орфей с собой веде В торжествен лик древа и воды ...

Рис. 1. Проективное дерево зависимостей

На Рис. 2 проиллюстрировано непроективное дерево, в котором нарушено условия проективности б): дуга, направленная от узла *наветы* к узлу *противных*, пересекает вертикальную линию координатной сетки, идущую через более верхний узел *разрушит*.

Рукою Он Елисаветы Противных разрушит наветы

Рис. 2. Непроективное дерево зависимостей

3. Результаты описания деревьев подчинения в тексте Оды 1742 г. В настоящем исследовании сплошному анализу были подвергнуты предложения из оды 1742 г. «Ода на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации» [Ломоносов 1959]. Данный текст выбран в силу своего объема, эта ода почти в два раза превышает по количеству слов любое другое одическое произведение Ломоносова. Следовательно, можно было бы ожидать высокий процент тех конструкций, деревья зависимости которых непроективны (т.е. носят запутанный характер и иллюстрируют неоптимальный выбор Ломоносовым средств построения предложений). Примеры предложений или их фрагментов с непроективными деревьями подчинения представлены в Таблице 1. В данной таблице символы «С», «У», «П» обозначают соответственно «Согласование», «Управление» и «Примыкание».

В графах «перенос» и «без переноса» знаком + отображались конструкции, в которых непроективность линейной структуры предложения сопровождается анжамбеманом, т.е. на проективность, очевидно, как-то влияет интонационно-ритмическая организация стиха. Полужирным шрифтом в графе «Примеры» выделены разрывные фрагменты предложений.

Таблица 2 представляет результирующие количественные данные. В этой таблице аббревиатура ЛСС значит «линейные синтаксические структуры»: это линейные отрезки предложения, которые представляют собой цепочки словоформ, связанных отношением синтаксической зависимости с вершиной сказуемым. Аббревиатура НЛСС обозначает «непроективные линейные синтаксические структуры».

Таблица 1.

№ п/п	Примеры	Типы синтаксических отношений в непроективных деревьях			перенос	без переноса
		С	У	П		
1	Мы славу Дщери зрим Петровой , Зарей торжеств светящу новой	+				+
2	Внушай свои вселенной речи	+				+
3	Моя число умножит звезд , возвысившись до горних мест		+			+
4	Моя число умножит звезд, возвысившись до горних мест			+	+	
5	Вся тварь со многим страхом внемлет , Великих зря монархов Дщерь			+	+	
6	Вся тварь со многим страхом внемлет, Великих зря монархов Дщерь	+				+
7	Котору в свете он своем Прославив, щедро к ней взирает	+			+	
8	Котору в свете он своем Прославив, щедро к ней взирает	+				+
9	Что вверил власти Я Твоей	+				+
10	В бесчисленны промчится роды Доброт Твоих неложный слух	+				+
11	В бесчисленны промчится роды Доброт Твоих неложный слух	+			+	
12	Там, видя выше горизонта Входяща Готфска Фаэтона Против течения небес		+		+	

13	Родили лавры нам зелены	+				+
14	Багрова там земля тряслась	+				+
15	Россиян твердо грудь стояла		+			+
16	Где орды ей собирают дани, По ней всегда готовы к брани	+			+	
17	Рукою Он Елисаветы Противных разрушит наветы		+			+
18	Рукою Он Елисаветы Противных разрушит наветы		+			+
19	Их гордый исторгая дух	+				+
20	Простри свое чрез воды око	+				+
21	Уже простертой вам рукой Дарует мирные оливы	+				+
22	Что с лютыми пасутся львами	+				+
23	К тебе от восточных стран спешат уже Американски волны В Камчатской порт , веселья полны		+			
24	Как лютый мраз она прогнавши Замерзлым жизнь дает водам		+			+
25	И светлый Дщери взор Петровой Нас жизнью озаряет новой	+				+
26	И светлый Дщери взор Петровой Нас жизнью озаряет новой	+				+
27	И светлый Дщери взор Петровой Нас жизнью озаряет новой	+				+
28	Еще горит во мне охота Торжественный возвысить тон	+				+
29	Преступных он мятет врагов	+				+
30	Блаженны Дщерью мы своею	+				+
31	В угрюмых кроется лесах	+				+
32	Я вящи учиню премены	+				+
33	Превыше будут те Мемфийских Монархов славою Российских	+				+
34	Когда бы было нам возможно Рожденным в Росской быть стране		+			+
35	Когда бы было нам возможно Рожденным в Росской быть стране	+				+
36	Когда бы было нам возможно Рожденным в Росской быть стране В сие благословенно время		+		+	
37	Что станут позны честь потомки	+				+
	ИТОГО	26	9	2	7	30

Таблица 2.

Кол-во слов в оде	Количество ЛСС	Количество НЛСС	Соотношение между ЛСС и НЛСС
2031	311	37	11,9 %

Таблица 2 показывает, что принцип проективности в рассмотренной оде (и в других по: [Бурцев, Абреимова 2023]) служит общим правилом построения предложения. Следовательно, восприятие ПС в торжественных одах Ломоносова как запутанного не может быть связано исключительно с дислокациями слов в составе предложения.

Возникает вопрос о том, какой процент непроективностей в тексте следует считать низким, средним или высоким. Данный вопрос никем не исследовался. Мы предлагаем считать полученный процент непроективностей в рассмотренной оде Ломоносова низким. Дело не только в самом количестве непроективных деревьев, но также и в том, что большая их часть могла бы не учитываться в результатах. Как показано в [Гладкий 1985: 24], ряд непроективных структур являются неузуальными случаями словорасположения, поэтому они не влияют на общее правило проективности, свойственное русскому языку. Применительно к данной работе предлагаем исключить все словосочетания на основе согласования, т.к. они в принципе являются узуальными для стихотворной речи [Ковтунова 1976: 213].

Таким образом, число непроективных деревьев составит всего 7, что, безусловно, является свидетельством отражения нормы ПС в данной оде Ломоносова.

Литература

Акимов, Г. Н. Размер предложения как фактор стилистики и грамматики (На материале русского литературного языка XVIII в.) / Г. Н. Акимов // Вопросы языкознания. 1973. – № 2. С. 67–79.

Акимов, Г. Н. Язык М. В. Ломоносова и русский литературный язык // Ломоносов: Сб. ст. и материалов. Вып. VIII. Отв. ред. Э. П. Карпеев. – Л.: Наука, 1983. – С. 27–40.

Акимов, Г. Н. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова / Г. Н. Акимов // Грамматика и стилистика современного русского языка в синхронии и диахронии: очерки. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 13–292.

Бурцев, В. А., Абреимова, Г. Н. Особенности порядка слов в торжественных одах М. В. Ломоносова при формальном описании структуры предложения (сдана в печать)

Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова / В. В. Виноградов // М. Ю. Лермонтов. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – Кн. I. – С. 517—628.

Виноградов, В. В., Андреев, А. И., Блок, Г. П. От редакции / В.В. Виноградов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том восьмой. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1959. – С. 843–863.

Гладкий, А. В. Формальные грамматики и языки / А. В. Гладкий. – М.: Наука, 1973. – 368 с.

Гладкий, А. В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения / А. В. Гладкий. – М.: Наука, 1985. – 143 с.

Греч, Н. И. Чтения о русском языке, Николая Греча. Ч. 1-2 / Н. И. Греч. – СПб.: тип. Н. Греча, 1840. – Ч. 1.

Давыдов, И. И. Опыт о порядке слов / И. И. Давыдов // Труды Общества любителей российской словесности. – М., 1816. – Ч. 5. – С. 113-125.

Исаченко, А. В. Ответ на вопрос: «Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?» / А. В. Исаченко // IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по языкознанию. – М., 1958. – С. 27.

Кобзарева, Т. Ю. Иерархизация синтаксического анализа на основе свойств линейной структуры русского предложения / Т. Ю. Кобзарева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 28 с.

Ковтунова, И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы / И. И. Ковтунова. – М.: Наука, 1969. – 231 с.

Ковтунова, И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.

Колесов, В. В. Слово и дело: из истории русских слов / В. В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 701 с.

Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. Том восьмой. Поэзия. Ораторская проза. Надписи / М. В. Ломоносов. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1959. – 1280 с.

Падучева, Е. В. О способах представления синтаксической структуры предложения / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1964. № 2. – С. 99 – 113.

Патроева, Н. В. Типы и функции осложняющих конструкций в языке русской поэзии XVIII-XIX вв. / Н. В. Патроева: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб.: С.-Петербур. гос. ун-т., 2005.

Ревзин, И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы / И. И. Ревзин. – М.: Наука, 1977. – 263 с.

Севбо, И. П. Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика / И. П. Севбо. – Киев: Наукова думка, 1981. – 192 с.

Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М.: РГГУ, 2001. – 796 с.

Фитиалов, С. Я. О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике / С. Я. Фитиалов // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 100 – 114.

Хютль-Ворт, Г. К нормализации русского литературного языка нового времени / Г. Хютль-Ворт // Восточнославянское и общее языкознание. – М.: Наука, 1978. – С. 197–201.

Ганцовская Н. С., Неганова Г. Д.

ГАПАКСЫ В ПИСАТЕЛЬСКИХ ЧАСТОТНЫХ СЛОВАРЯХ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Аннотация. В статье в сравнительном плане анализируются гапаксы в частотных словарях языка Н. А. Ключева и А. Н. Островского. Указывается их количественный состав, речевой статус и роль в составе лексических средств произведений писателей в аспекте проблемы *книжное/разговорное*. Определяется

важность изучения редких слов для определения состояния современного русского литературного языка, отражённого в текстах писателей, в разные периоды его существования.

Ключевые слова: гапаксы, частотные словари писателей, современный русский язык.

Памяти Людмилы Григорьевны Яцкевич

Статья посвящена памяти Людмилы Григорьевны Яцкевич, серьёзного, тонкого и многогранного филолога. Грамматика, словообразование, морфонология, современный русский литературный язык и вологодские говоры, славистика, краеведение, язык писателей, фольклор, лексикографическая деятельность – вот далеко не полный перечень её интересов.

Благодаря инициативе Л. Г. Яцкевич как руководителя и как участника проекта вместе с группой единомышленников – М. В. Богдановой, С. Б. Виноградовой, С. Х. Головкиной, С. Н. Смольниковым, любителей поэзии Н. А. Клюева (1884–1937) и постоянных соавторов исследований его творчества, в 2007 г. увидел свет 1-й выпуск «Поэтического словаря Николая Клюева» (ЧСК), представляющий собой ряд частотных словоуказателей. В кратком, но содержательном предисловии к словарю поставлены цели и задачи данного издания, указаны его источники, приложен список литературы, таблицы. Основной целью его является «представление полного состава слов, употребляемых в поэтических произведениях данного автора с указанием количества употреблений данного слова в тексте, т. е. его частоты» (ЧСК: 7), для чего использовалось 15 источников. Первой частью Частотного словаря Клюева является «Алфавитный частотный указатель слов» (14 625 слов); второй – «Частотный указатель слов, в котором слова расположены по убыванию частоты»; третьей – «Алфавитный частотный указатель имён собственных» (2 266 слов); четвертой – «Тематическая структура словаря» – указана частотность в тематических группах слов. Особо представлены таблицы «Грамматическая структура словаря Н. А. Клюева» и «Статистическая структура словаря Н. А. Клюева».

Среди знаменательных слов ЧСК относительно мало высокочастотных. Среди существительных это слово *душа* (203), среди прилагательных – *белый* (203), числительных – *один* (49), местоимений – *я* (808), глаголов – *быть* (239), причастий – *убитый* (29), деепричастий – *шурша* (8), наречий – *как* (1 041), категории состояния – *нет* (52). Как обычно в словарях подобного типа, ЧСК фиксирует сверхчастотность служебных слов по отношению к знаменательным: среди предлогов выделяется *в* (3 179), союзов – *и* (3 179) и *чтобы (чтоб)* – (298). Однако оказывается, что большая часть слов, представленных в этих словоуказателях, относится к низкочастотной, редкой (два-три слова и соответственно малое количество словоупотреблений) и единичной по количественному составу лексике, т. е. гапаксам. Что из себя представляют самые редкие слова – гапаксы – как единицы языка в речевом репертуаре поэта, чем объясняется их роль в данном произведении – это сложная и многоаспектная задача, требующая длительного и скрупулёзного разрешения. Здесь же мы ограничимся постановкой вопроса о сущности гапаксов на материале жанра частотных словарей, в аспекте разрешения проблемы *книжное/разговорное*, одной из

важнейших характеристик свойств литературного языка разной типологии, состава и периодов его развития, что до сих пор вообще ни в какой степени не затрагивалось исследователями гапаксов. Эта задача решается нами в сравнении его с данными Частотного словаря языка А. Н. Островского (ЧСЯО), вошедшего в книгу «А. Н. Островский. Энциклопедия» (ЧСЯО 2012).

ЧСЯО отразил сочный и полнокровный язык произведений А. Н. Островского (чей двухсотлетний юбилей мы отмечаем в 2023 г.), несравненный по богатству и разнообразию лексических средств русского языка и мастерскому их представлению в живых, часто идиоматических народных выражениях, что до сих пор является самой привлекательной частью его творчества. В ЧСЯО представлена самая разнообразная по фреквентивным (частотным) и иным качествам лексика (о богатстве лексики в ЧСЯО см., например, в наших публикациях [Ганцовская 2008; Ганцовская, Неганова 2009; Ганцовская, Неганова 2014; Ганцовская, Неганова 2017; Ганцовская, Неганова 2018; Неганова 2011; Неганова 2017] и др., отдельно выделена «Тысяча самых частых слов», но и очень велика доля гапаксов. Гапаксы – значительная часть литературного наследия писателей, объективно отражающая живую языковую действительность.

Гапаксы – это единичные слова, которые встречаются в памятниках письменности, документах прошлых эпох, исторических и диалектных словарях. В настоящее время к ним приковано внимание многих исследователей, и отношение к ним неоднозначное. Или же сугубо отрицательное, когда они воспринимаются как результат ошибочного прочтения и недостоверного воспроизведения данных из текста-источника, или же как одна из тех лексических редкостей, которая несёт в себе уникальную информацию, что в будущем может быть поддержано находками подобного плана. Ж. Ж. Варбот называла сложным вопрос относительно происхождения, квалификации, статуса количественно ограниченных лексики и гапаксов в славянских языках и, говоря о праславянских диалектизмах, гапаксах славянских языков и относительной хронологии лексики реконструируемого праславянского лексического фонда, признавала «очевидным, что принцип допустимости количественно ограниченной фиксации означает внимание также и к гапаксам отдельных славянских языков» [Варбот 2023а: 88]. В статье «Уже не гапаксы» она говорит о том, что «единичность фиксации какого-либо слова (так называемый гапакс) в одном из существующих диалектных или исторических лексикографических источниках часто является основанием для сомнений в правильности записи слова и даже в компетентности и добросовестности автора-лексикографа. Опыт показывает, однако, что подобные сомнения нередко впоследствии опровергаются появлением новых фиксаций, так что неизбежен вывод о необходимости введения в диалектные словари всех единичных записей, имея в виду вероятную перспективу их позднейших подтверждений, тем более что соответствующие лексемы могут оказаться весьма ценными для истории языка» [Варбот 2023б: 159].

«Весьма ценными для истории языка», и не только, и перспективными относительно выяснения условий их бытования в современном русском языке оказываются гапаксы в составе словников словарей языка писателя. Вот что, например, об этом говорит О. В. Творогов: «Доля редких слов достаточно велика в

любом тексте. Так, в ПВЛ из 4 699 разных слов по одному разу употреблено 2 187 слов, или 46,5 % словника... Во всех произведениях, статьях и письмах А. С. Пушкина употреблено 21 197 слов, из них по одному разу 6 388 слов, или 30,14 % словника...» [Творогов 1995: 14].

Безусловно, гапаксы в писательских текстах появились не ошибочно, о чем говорит их большой количественный вес и разнообразный качественный состав. Нами же здесь в качестве постановки вопроса, как уже говорилось, предпринята попытка выявить функционально-стилистические и некоторые иные качества гапаксов в аспекте дилеммы *книжное/разговорное*, что другими словами можно трактовать и как *высокое (элитарное)/сниженное (профанное)*, *новое/старое*, *аффективное/нейтральное* и др. Тем более, что именно на крайних их полюсах (периферии) обнаруживается наибольшее количество гапаксов.

Однако возникает вопрос, корректно ли сравнивать такие несовпадающие по объему, полноте охвата лексикона национального языка и хронологическим рамкам, да и представленные в разных жанрах (драматургия, поэзия), словники таких словарей, как ЧСК и ЧСЯО? Думается, что да. Это писательские словари современного русского литературного языка, а язык художественной литературы (вопреки расхожему мнению о том, что он не равен литературному языку) – это отражение общелитературного национального языка, который имеет своё ядро, т. е. строго кодифицированную лексику, и периферию, или пассивную часть, граничащую с внелитературными образованиями (диалектами, просторечием, жаргонами) или отражающую особые, нетипичные для его современного статуса состояния (это историзмы, архаизмы, экзотизмы, неологизмы). Правда, ЧСЯО охватывает полувековой период развития русского литературного языка середины XIX в. (40-е – 80-е гг.), ЧСК же – в основном период, называемый модерном русского искусства первых десятилетий XX столетия, но все это со времен Пушкина и до наших дней считается современным русским литературным языком. Также надо отметить в основных чертах идентичность лексики основной части описываемых словарей, ее ядра, и отличия в области ее периферии, пассивного запаса (о пассивном запасе словарей русского языка см., например, [Самотик 2005]).

Если лексический состав произведений А. Н. Островского, судя по ЧСЯО, как кажется, можно в определенной степени уподобить словнику Толкового словаря В. Даля, словаря полного типа, сокровищницы русского языка, то ЧСК, своеобразие которого во многом создают авторские неологизмы, можно считать как бы его дополнением, дифференциально построенным словарем, результатом развития русского литературного языка в определенный период и в определенных социальных условиях.

При выделении в ЧСК лексики в аспекте *книжное/разговорное* мы ориентировались в основном на его «Алфавитный частотный указатель слов», где произвели выборку соответствующей нашим намерениям лексики, как и в ЧСЯО, избрав литеры А и О. В заданном масштабе на литеры А и О подавляющую часть в ЧСК составляет книжная лексика, к разговорной же на литеру А можно отнести только слова *азям, аржаной, межд. ага, ась, ахти, ахти-ахти*, из которой исконно русскими можно считать, как известно, только служебные части речи. Междометия же и другие

подобные им слова, новоизобретённые поэтом, т. е. неологизмы – *ай-ла, айна-ала*, полагаем, ввиду их искусственного происхождения надо отнести к книжной лексике. Многочисленные неологизмы поэта – это слова всех частей речи, среди них немало глаголов: *аллилуить, обагриться, обагрять, обезголотиться, обезлистветь, обожить, обожиться, обряжаться-крутиться, обыматься, оголосить, ожелезить, ожелезиться* и др., причастий, деепричастий: *обвешалый, обезглавленный, безветренный, безлиственный, обратя, осеняющий, отроствив, отряхаясь, отшедший, отягчённый* и др., но особенно заметно пристрастие поэта к использованию разного рода характеризующих наименований в виде прилагательных и существительных, особенно сложных: *август-дед, альбатрос-капитан, агатовый, алмазно-рудный, ангелок-лампадка, папа-апостол, апостолы-медведи, аспидно-синий, оазис-изба, обливанец-бекас, песни-олени, душа-олень, деды-овины, орёл-рыбогон, братья-орлы, солнце-орёл, ключница-осень, звезда-осётр, осётр-сатана, осётр-человек, заря-осинушка, страдалец-отец, отец-древодел, стихи-огневица, огневодный, огнеглазый, огнезарый, огнезобый, огнекопытный, огнеокий, огнепёрый, огнецвет, оголтело-татарский* и др.

Любопытно наблюдать в ЧСК целые серии гапаксов в виде словообразовательных гнезд, иногда протяженных, в составе рядов с более частотной лексикой, что наглядно говорит об интра- и экстралингвистических вкусах поэта и что было в определенной мере не чуждо и другим модернистам того времени, детям Серебряного века. Приведем примеры этих рядов с включением более частотной лексики (с указанием в скобках частотности): *орёл* (40) – *собратья-орлы* – *солнце-орлы* – *сын-орёл* – *орлёнок* (4) – *орленый* – *орлеокий* – *орлец* – *орлий* (2) – *орлиный* (15) – *орлить* – *орлица* (9); *отец* (43) – *страдалец-отец* – *отец-древодел* – *отецкий* – *отец-медведь* – *отеческий* – *отеческий* – *отечество*; *огневица* (3) – *огневица (стихи-огневица)* – *огневка (лиса-огневка)* – *огневодный* – *огневой* (14) – *огневщик* – *огнеглазый* – *огнедышащий* (2) – *огнезарый* – *огнезобый* – *огнекопытный* – *огнекрылый* (2) – *огненный* (27) – *огнеокий* – *огнепально* – *огнепальный* (9) – *огнепёрый* – *огнецвет* – *огниво* (2) – *огнистый* (3). Здесь видно, что гапаксами чаще всего являются неологизмы.

Список лексики, которую можно посчитать разговорной, невелик в ЧСК и на литеру О – примерно третья часть перечня книжной лексики: *обидеть, обижать, обиженный, облять, облезть, облетать, обливаться, облизывать, облинять, обложить, обмакнуть, обман, обмелеть, обмен, обмолвиться, **обмолот**, обносить, обогнуть, **ободок**, обождать, обозвать, оборванный, **оборка**, оборонить, обороняться, обратно, обритель, оброк, обсушиться, обугливать, обузить, обхват, объезжать, обычный, овдовевший, овеать, **овершье, овечка, овинник**, оводный, овражный, овсянка, **овчарник, оглобля, оглядеть, лиса-огнёвка** и т. д.* Здесь полужирным шрифтом выделена лексика, которую можно посчитать деревенской, диалектной, а в городе функционально просторечной. К поданному выше на литеру О примерному списку разговорной лексики можно прибавить и последующие по алфавиту просторечные слова: ***ожерелок, крошка, олашка, омлет, омылок, опилки, осокорь, осочье, остожье, откуль-неоткуль, откуля, отродье, оттуль, охальный, охота*** (катег. сост.), ***ощениться, ощерить***.

Частотный словарь языка А. Н. Островского включает более 34 тысяч лексем, распределённых по 3-м периодам его творчества, большая часть которых (21 тыс.) выявлена в художественных текстах драматурга. Объём слов на литеру А составляет около 350 единиц, на литеру О – более чем в 4,4 раза, около 1 550 единиц. Около половины, почти в равных соотношениях, в них представлены слова, встречающиеся в текстах А. Н. Островского по 1–2 раза (А – 54 %, О – 47 %), преимущественно *hа*рах *legomenon*. Без учета имен собственных, в массиве слов на литеру А лексических единиц с частотностью 1 выявлено немногим менее 140, на литеру О – немногим более 500.

На литеру А в ЧСЯО лексика славянского происхождения представлена служебными словами, звукоподражаниями и производными от них: *а, а-а, а-а-й, а-ах, авось, агу, агунюшки, ай, ай-ай, ай-ли, ай-люли, аже, аль-ля-ля, аки, али, ату, ах-ах-ах-ах, ах-ах, а-я-яй, ая-я-я-яй*, русскими диалектизмами, отражающими аканье: *аказия, акстись, аттедова*, которые можно причислить к аффективно разговорным. Остальная лексика иноязычного происхождения, подана в двух неравных долях: большая часть – книжная лексика, слова в литературной форме, меньшая, примерно в три раза, – в народно-разговорной, с искажением фонетического облика (малопроризмы), а также словообразовательные дериваты, допустимые только в просторечии: *абвокат, абвокатство, австрицкий, австрияка, адвокатишко, акедемический, акедемия, алёхонький, алистократ, алистократишко, ампренёр, академский, анбар, анбарный, антиресный, антриган, антрыга, апекит, апельсик, аполет, апрезан, артист, аффект, ахтёр, ахтриса*. Эти слова – неологизмы, но отнюдь не авторские, а народно-разговорные, демонстрирующие фонетические и словообразовательные качества русского языка, приобретающие новую модальность в массиве кодифицированного литературного языка. Так же, как многочисленные антропонимы – личные имена персонажей произведений А. Н. Островского, поданные не в канонически-церковной, а в народно-разговорной форме типа Аксюша, Аксюшка, Аксёныч, Арина Архиповна, Афимья, Афоня, Афонька.

Предварительный обзор лексики на литеру О в ЧСЯО обнаружил ту же тенденцию употребительности гапаксов, что и в ЧСК – на крайних полюсах (периферии) книжной и разговорной стихий в аспекте *высокое/сниженное*, так что в этом плане нейтральная (средняя) лексика чаще попадала во вторую часть противопоставления.

Книжная лексика	Разговорная лексика
<i>обагриться, обвести, обвивать, обвить, обдуманность, Обер-Везель, Оберлаништейн, обернуть, обер-прокурор, обескураживать, обеснувший, облагораживать, обладание, облегчить, облегчение, обличить, облобызать, обложение, обложиться, обобщать, обогнуть, обозначать, обозначаться, обозрение, оболгать,</i>	<i>обалдуй, обвал, обваляться, обвестись, обворовать, обдавать, обдать, обделывать, обделываться, обдёргиваться, обдывать, обдуматься, обеденка, обеднение, обежать, обезобразить, обезьяний, обезьянствовать, обёртка, обжечь, обжечься, обжимать, обжить, облиться, облокотиться, облупиться,</i>

<i>обольстительный, обольщаться, обонянье, оборона, оборонительный и т. д.</i>	<i>обмахивать, обменить, обменяться, обмерить, обметать, обойщик, оборвыш и т. д.</i>
--	---

Нетрудно заметить, что у Островского в сопоставлении с Ключевым приоритет по частоте употребления имеет разговорная лексика по сравнению с книжной. На этом фоне генетически церковнославянская лексика, ядро русской книжности, например, отглагольные существительные на *-ение, -ость* в виде гапаксов воспринимаются как неологизмы. И это легко наблюдать на фоне гнезд слов подобной, но конкретной семантики в ЧСЯО с более высокой степенью употребительности: *обеспеченность* (1), *обеспечивать* (18), *обеспечиваться* (5), *обеспечение* (27), *обеспечить* (77); *обидчица* (1), *обидчик* (12), *обида* (174), *обидеть* (260), *обидеться* (47), *обидно* (72), *обидный* (45), *обидчивый* (5), *обижать* (141), *обижаться* (34); *обеднение* (1), *обеднеть* (3), *бедненький* (10), *бедненько* (2), *бедность* (175), *бедные-заклѹченные* (2), *бедный* (495), *бедняга* (1), *бедняжка* (2), *бедняк* (13).

Интересно сравнить, ориентируясь на ЧСЯО, распределение на шкале *книжное/разговорное* рядов слов со славянским корнем *-*bog-*, генетически восходящих к русскому и церковнославянскому языкам с малой частотной книжной лексики первого ряда (*оборона* – 1, *оборонительный* – 1, *оборонить* – 3, *оборониться* – 2, *обороняться* – 2, *бороться* – 25, *борьба* – 21) и относительно продуктивной нейтрально-разговорной лексикой второго ряда с единственным гапаксом – аффиксированным прилагательным новейшего происхождения (*бранить* – 43, *браниться* – 35, *бранный* – 9, *бранчивый* – 1, *брань* – 80).

Таким образом, заданный нами с определенными целями краткий обзор редкой лексики в виде гапаксов в творчестве таких разных, но выдающихся русских писателей, как А. Н. Островский и Н. А. Ключев, внесших неоценимый вклад в развитие современного русского литературного языка, языка послепушкинского периода, один как писатель-классик, другой как модернист, показал богатые потенции развития лексики современного русского национального языка, её многослойность, семантическую и структурную, стилистическую неоднозначность и творческое разнообразие.

Источники

ЧСК – Поэтический словарь Николая Ключева. Вып.1: Частотные словоуказатели / сост. М. В. Богданова, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич. – Вологда : [б. и.], 2007. – 256 с.

ЧСЯО – Частотный словарь языка А. Н. Островского / под. ред. Н. С. Ганцовской // А. Н. Островский. Энциклопедия / главный редактор и составитель И. А. Овчинина. – Кострома : Костромаиздат ; Шуя : Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – С. 530–658.

Литература

Варбот, Ж. Ж. Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского лексического фонда / Ж. Ж. Варбот // Варбот, Ж. Ж. Память славян в словах.

Этимологические этюды. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023а. – С. 88–94.

Варбот, Ж. Ж. Уже не гапаксы / Ж. Ж. Варбот // Варбот Ж. Ж. Память славян в словах. Этимологические этюды. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023б. – С. 159–161.

Ганцовская, Н. С. Лексическое богатство языка А. Н. Островского (Частотный словарь: лексика продуктивная и раритетная) / Н. С. Ганцовская // А. Н. Островский. Материалы и исследования : сборник научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. И. А. Овчинина. – Шуя : Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2008. – С. 227–234.

Ганцовская, Н. С., Неганова, Г. Д. Диалектная лексика частотного словаря художественных произведений А. Н. Островского в соотношении со «Словарем русских народных говоров» / Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова // Диалектная лексика – 2009. – СПб. : Наука, 2009. – С. 314–320.

Ганцовская, Н. С., Неганова, Г. Д. Иллюстрации из текстов А. Н. Островского в «Словаре современного русского литературного языка» и данные «Частотного словаря языка А. Н. Островского» / Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников, М. Н. Приемышева, Е. В. Пурицкая. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2018. – С. 177–185.

Ганцовская, Н. С., Неганова, Г. Д. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова и А. Н. Островского: ландшафтная лексика / Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова // Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова : материалы международной научной конференции (3–5 июня 2014 г., г. Петрозаводск) / отв. ред. Л. Л. Шестакова, Н. В. Патроева. – М. ; Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. – С. 24–27.

Ганцовская, Н. С., Неганова, Г. Д. Частотный словарь языка А. Н. Островского как средство описания лексического богатства русского языка (ландшафтная лексика) / Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сборник научных статей / редкол.: И. Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2017. – С. 484–487.

Неганова, Г. Д. Ландшафтная лексика народно-разговорного характера в Частотно-аналитическом словаре языка А. Н. Островского / Г. Д. Неганова // Диалектная лексика – 2013 / отв. ред. О. Н. Крылова. – СПб : Нестор-История, 2013. – С. 254–259.

Неганова, Г. Д. Частотный словарь языка А. Н. Островского: ландшафтная лексика / Г. Д. Неганова // Славянская диалектная лексикография: материалы конф. / отв. ред. С. А. Мызников, О. А. Крылова, И. В. Бакланова. – СПб : Наука, 2011. – С. 77–78.

Самотик, Л. Г. Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, неологизмы, диалектизмы и просторечие / Л. Г. Самотик. – Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2005. – 454 с.

Катышев П. А., Лушпей А. А.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП: К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Аннотация. Вектор изучения словообразовательного типа в русском языке представляет собой эволюцию научной мысли от теоретических положений о содержании и границах термина до конкретного языкового наполнения термина в зависимости от поставленных исследовательских задач: выявление внутренней формы типа на диалектном, разговорном и кодифицированном материале; отражение синхронно-диахронного аспекта функционирования дериватов; корреляция развития общества и вербализации реалий, отражающих этот процесс.

Ключевые слова: словообразовательный тип, имя существительное, словообразовательная категория.

Вопрос о границах и наполнении термина «словообразовательный тип» – достаточно дискуссионный, что связано как с самим языковым материалом в аспекте его междисциплинарного рассмотрения, так и со сложившимися подходами к дифференциации дефиниций.

Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица в западных среднерусских говорах Тверской области является предметом исследования в кандидатской диссертации М. Е. Щербаковой. Значимым, на наш взгляд, является междисциплинарный подход к рассмотрению производной диалектной лексики – пусть даже и не в рамках одного словообразовательного типа, включающий корреляцию словообразовательной и культурологической парадигмы. «Данные словообразовательного анализа позволяют реконструировать фрагменты языковой картины мира диалектоносителей, поскольку производные, мотивированные слова – продуктивное средство пополнения инвентаря языка, привносящее в него видение мира данным языковым коллективом, опосредованное уже имеющимися в языке значениями слов и морфем. Для создания слов – личностных характеристик людей – крестьянин использовал наименования знакомых ему предметов, окружающих его реалий: предметов быта, инструментов, традиционных продуктов питания, животных, растений и т.д., поэтому можно сказать, что акты номинации лиц в говорах окрашены в национально-культурные цвета» [Щербакова 2006].

В аспекте диалектного словообразования рассматриваются конкретные имена существительные в смоленских говорах Е. С. Луньковой посредством описания словообразовательных типов (106) и морфемных моделей в сопоставлении с фактами литературного языка; здесь важным оказывается метод полевого описания словообразовательных типов, что позволяет говорить о центрированных и менее центрированных микрополях производных существительных. «Незначительное

удаление от центра микрополя приводит к изменению словообразовательного значения в типах и появлению диалектных формантов, не отмеченных в РГ-80: во II зоне отсубстантивных существительных изменяется значение в 25 типах и появляется девять диалектных аффиксов, во II зоне отглагольных изменяют словообразовательное значение пять типов, во II зоне отадъективных существительных изменяется словообразовательное значение в шести типах и отмечается три диалектных форманта» [Лунькова 2006].

В рамках антропоцентричного подхода представляется возможным взглянуть на определение словообразовательного типа с когнитивных позиций. Словообразовательный тип как категория, организующая опыт, может рассматриваться как одна из упаковок языкового материала в долговременной памяти человека, отвечающая «уровням членения информации и выделения в ней наиболее существенных для жизнедеятельности человека смыслов» [Кубрякова 1998: 56], и как один из способов познания мира. Объединение производных слов в рамках одного словообразовательного типа не является результатом чисто логических операций. Словообразовательный тип рассматривается нами как «ментально-языковая категория, в границах которой через сложную сеть ассоциаций в пределах пропозициональных структур, на языковом уровне эксплицируемых через формально-семантическую организацию взаимоотношения мотивирующих одного лексико-грамматического класса и мотивированных, оформленных единым формантом, представляет фрагмент языковой картины мира, являющий собой внутреннюю форму типа» [Араева 2002: 23].

Рассмотрение словообразовательного типа как ментально-языковой категории – отличительная черта диссертационных исследований Кемеровской дериватологической школы. Так, в работе Т. В. Жуковой словообразовательный тип представлен «в виде ментально-языковой категории, которая, эксплицируя в языковой форме деятельности механизм работы мозга, является вместе с тем самодетерминирующейся и саморазвивающейся системой. Основным принципом этой самоорганизации является принцип фрактального подобия всей системы в целом и отдельно составляющих ее частей. Принцип фрактальности реализуется при описании семантической организации поля типа и при описании такой структурной единицы типа, как многозначное производное слово» [Жукова: 2002].

Л. А. Араева рассматривала словообразовательный тип как категорию, представляющую собой иерархически организованную структуру, в пределах которой можно выделить уровни семантической категоризации. В целом в структуре СЗ выделяются следующие виды словообразовательного значения: «инвариантное словообразовательное значение (ИСЗ), грамматико-словообразовательное значение (ГСЗ), частное словообразовательное значение (ЧСЗ), словообразовательно-субкатегориальное значение (ССЗ), словообразовательно-пропозициональное значение (СПЗ), лексико-словообразовательное значение (ЛСЗ), индивидуальное лексико-словообразовательное значение (ИЛСЗ)» [Араева 1994: 33-54].

Уровень словообразовательно-пропозиционального значения представляется возможным определить как базовый уровень, исходя из понимания пропозиции как минимальной структуры знания. На существование пропозициональных структур

знания первым обратил внимание Н. Хомский. Ученый считал правомерным различать «поверхностную структуру предложения, систему категорий и составляющих, которая прямо связана с физическим сигналом, и лежащую в ее основе глубинную структуру, также систему категорий и составляющих, но более абстрактного характера» [Хомский 1999: 39].

«Наиболее полное выражение пропозиция получает в предложении, в остальных случаях наблюдается та или иная степень ее компрессии» [Янценецкая 1992: 4]. Такие механизмы «свертывания» пропозиции при словообразовании и «развертывания» при толковании мотивированного слова предопределены способами мышления о мире. В сознании говорящего зафиксирована некая сетка отношений, проектирующих ментальное отражение действительного мира и определяющих пути языкового кодирования результатов этого отражения. Пропозиционные структуры выявляют глубинный уровень логических отношений, упорядочивающих и предопределяющих отражение мира посредством языка [Ростова 2000: 159].

Словообразовательно-пропозиционный уровень, как базовый уровень данной категории, находится в середине иерархии общего – конкретного. Генерализация идет вверх от базового уровня, категоризация на вышеразположенных уровнях происходит автоматически, на основе имплицитных моделей, изначально заложенных в сознании носителя языка.

На каждом из уровней словообразовательного значения представлены в том или ином виде знания носителя языка об окружающей действительности. Таким образом, не только словообразовательный тип в целом является «хранилищем» знаний мира Действительного, но и каждый его уровень представляет собой свернутое представление о том или ином предмете.

И. В. Евсеева делает вывод, что любой тип, называемый словообразовательным, рассматривается с точки зрения всевозможных когнитивных преобразований, что представляет собой четко организованную структуру направления [Евсеева 2011]. Следует отметить, что такой вывод является логичным продолжением определения словообразовательного типа, представленным ранее в кандидатской диссертации исследователя, где словообразовательный тип описывался «как особым образом структурированная словообразовательная категория, единица хранения знания, репрезентанты которой достаточно специфично представлены в “светлом поле” сознания человека (одни являются прототипичными, другие находятся на периферии языкового сознания, причем прототипичные и периферийные компоненты являются динамичными и реализация их обусловлена целым рядом экстралингвистических и лингвистических факторов» [Евсеева 2011].

Современный научный дискурс относительно исследований словообразовательных типов содержит в основном рассмотрение производных слов (диалектных и относящихся к литературной подсистеме русского национального языка), их классификацию и особенности функционирования.

Так, Т. Г. Борисова, опираясь на положение о словообразовательном типе как о микросистеме со сложной организацией вертикальных и горизонтальных микрополей, описывает словообразовательные типы, формирующиеся простыми

суффиксальными дериватами с вещественным значением, отмечая высокую их эмпирическую продуктивность в области минералогической, кристаллографической и петрографической терминосфер [Борисова 2016]. Важным для настоящего диссертационного исследования здесь является выявление корреляции между изменениями в жизни общества, развитием научно-технического прогресса и уровнем продуктивности словообразовательных типов с формантом, отвечающим за образование новых производных терминов.

Междисциплинарный подход к изучению производной лексики с конкретно-предметным значением (номинация русской традиционной посуды и утвари) в рамках словообразовательного типа реализует в своей работе В. Г. Фатхутдинова. Словообразовательный тип здесь рассматривается как важнейшая системообразующая единица словообразования, аккумулирующая национально-специфическую и лингвокультурную информацию, т.е. выполняющая мемориативную функцию: «этнолингвистическая интерпретация словообразовательного типа позволяет выявить в его составе культурологически маркированные лексические единицы, свидетельствующие об идиоэтническом характере деривационно-номинативных процессов. В результате анализа внутренней формы производных слов могут быть установлены и охарактеризованы мотивирующие признаки, которые для представителей русской лингвокультуры на определенном этапе развития языка являлись (или до сих пор являются) коммуникативно и концептуально значимыми» [Фатхутдинова 2012: 139]. Разграничение синхронного и диахронного подхода к изучению культурологически маркированной лексики определяет и положение производных слов с определёнными формантами в системе словообразовательного типа: элементы, изначально являющиеся ядерными в полевым устройстве, со временем могут переходить в периферийную зону, что связано с изменениями в жизни общества, укладом и способом организации бытовых процессов носителями языка.

Т. Н. Попова рассматривает книжные словообразовательные типы с формантом *-ствие* в русских говорах: диалектные дериваты с таким суффиксом в настоящее время находятся на периферии системы словообразовательных типов с тенденцией к увеличению своего состава, однако такое положение не говорит об их малой значимости, наоборот, свидетельствует об особенностях развития человеческого общества и государственного строя: «увеличение имен на *-ствие* в диалектах отмечается к нашему времени, что обусловлено распространением на селе средств массовой информации, более тесным языковым контактированием литературной и диалектной речи в связи с урбанизацией, ростом престижа высшего образования, повышением общекультурного уровня» [Попова 2008: 100].

Рассмотрение словообразовательных типов на конкретном языковом материале – общая тенденция исследований в области словообразования. Так, Н. Д. Голев и И. П. Фаломкина в одной из совместных работ изучают производные существительные с модификационным значением женскости и незрелости, мотивированные субстантивами одной тематической группы (названия копытных млекопитающих); словообразовательный тип определяется ими «как синергичное поле, в котором лексическая энергетика реальности и словообразовательная

энергетика потенциальности находятся в отношениях принципиального взаимодействия» [Голев, Фаломкина 2020: 166]. Описание деривационного потенциала слова на материале, представленного на просторах Интернета, а не только в словарях, позволяет отразить актуальные словообразовательные процессы в русском языке, детерминированные потребностью носителей языка в вербализации значимых для них реалий.

Литература

Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы / Л. А. Араева. - Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994. - 222 с.

Араева, Л. А. Истоки и современное осмысление основных проблем словообразования / Л. А. Араева // Лингвистика как форма жизни : сборник научных трудов. - Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. - С. 4-24.

Борисова, Т. Г. Словообразовательный тип как микросистема / Т. Г. Борисова // Гуманитарные и юридические исследования. - 2016. - № 4. - С. 191-194.

Голев, Н. Д. Словообразовательный тип в аспекте его лексической реализации (к проблеме лакунарности словообразовательной системы русского языка) / Н. Д. Голев, И. П. Фаломкина // Сибирский филологический журнал. - 2020. - № 2. - С. 166-184.

Жукова, Т. В. Словообразовательный тип и многозначное производное слово как системные взаимодействующие факторы : дис. ... канд. филологических наук : 10.02.01 / Т. В. Жукова. - Кемерово, 2002. - 172 с.

Евсеева, И. В. Комплексные единицы русского словообразования : когнитивный подход / И. В. Евсеева. - Москва : Либроком, 2011. - 312 с.

Евсеева, И. В. Комплексные единицы словообразовательной системы / И. В. Евсеева // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2011. - № 3 (47). - С. 188-194.

Кубрякова, Е. С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков / Е. С. Кубрякова // Научные доклады филологического факультета МГУ. - Москва, 1998. - Вып. 3. - С. 53-70.

Лунькова, Е. С. Конкретные существительные в смоленских говорах: словообразование, морфемика : автореф. дис. ... канд. филологических наук : 10.02.01 / Е. С. Лунькова. - Смоленск, 2004. - 24 с.

Попова, Т. Н. Когнитивный аспект русского диалектного словообразования / Т. Н. Попова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2009. - № 2. - С. 88-97.

Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания / А. Н. Ростова. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. - 193 с.

Щербакова, М. Е. Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица в западных среднерусских говорах Тверской области : дис. ... канд. филологических наук : 10.02.01 / М. Е. Щербакова. - Тверь, 2006. - 178 с.

Фатхутдинова, В. Г. Этнолингвистическая интерпретация словообразовательного типа / В. Г. Фатхутдинова // Филология и культура. - 2012. - № 2. - С. 137-140.

Хомский, Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания / Н. Хомский. - Благовещенск, 1999. - 252 с.

Янценецкая, М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских диалектологов) / М. Н. Янценецкая // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири : материалы Всесоюзной научной конференции «Говоры и разговорная речь». - Кемерово, 1992. - С. 4-33.

Килина Л. Ф., Загребина У. С.

О ГРАММАТИЧЕСКОМ СИНКРЕТИЗМЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА ЗЛОЙ)

Аннотация. В исследовании на примере слова *злой* рассматривается явление именного синкретизма, которое было обусловлено нерасчлененным представлением древнего человека об окружающей действительности и обнаруживается в ранних русских текстах. Проведен анализ словарных материалов и данных Национального корпуса русского языка. Сделан вывод о том, что в русских текстах XI–XVII вв. употребляется прилагательное *злой*, а также субстантиваты *злой, злое (злая)*, причем для древнерусского периода субстантивное употребление является узуальным. С этого времени за субстантиватом *злое* начинает закрепляться стилистическая функция: он используется в текстах религиозной тематики и отражает церковно-славянскую традицию. Изначально синкретичное представление о зле постепенно конкретизируется, у субстантивата *злое (злая)* формируются значения ‘несчастья, беды’, ‘зло, грех’. Однако уже с XVIII в. отмечается противоположная тенденция, вследствие чего в современных словарях слово *злое* имеет обобщенное значение ‘то же, что зло’. Употребление слова *злой* в функции подлежащего или дополнения было характерно для русского языка на ранних этапах его развития, но не является актуальным в современном русском языке.

Ключевые слова: синкретизм, корпус, употребление, прилагательное, субстантиват.

В лингвистической науке проблема взаимосвязи лексики и грамматики рассматривается с различных ракурсов. Так, В. В. Виноградов отмечает, что значение любого слова зависит от свойств той части речи, к которой оно примыкает [Виноградов 1980: 165], Л. П. Клименко приходит к выводу, что «грамматические признаки слова не безразличны к его значению», а «в ряде случаев учет лексической семантики необходим для конкретизации значения грамматических структур» [Клименко 1984: 4].

Несмотря на то, что изучением имени прилагательного ученые занимаются длительное время, его семантические и грамматические особенности до сих пор не описаны в полной мере. По мнению ученых, прилагательное является особой частью речи в грамматической структуре русского языка: «...русский человек активно воспринимает и интерпретирует мир через совокупность признаков его отдельных фрагментов, формируя таким образом его атрибутивный портрет» [Климова 2008: 124]. Трудности, возникающие при описании семантики прилагательных, обусловлены зависимостью от контекста: «Чем обобщеннее обозначаемый

прилагательным признак, тем шире круг явлений, которым он может быть приписан, и соответственно шире сочетаемость прилагательного с существительными, называемыми эти явления» [Терентьева 2014: 134]. В этом отношении наибольший интерес представляет диахронический подход к исследованию лексических и грамматических особенностей прилагательного, с помощью которого возможно установить основные направления изменения его смысловой и грамматической структуры.

Как известно, еще в древнейшую дописьменную эпоху прилагательное начало выделяться из общей категории имени [Потебня 1958: 69], однако от существительного оно отличалось немногим: если первое обозначало сам предмет, то второе – его признак. Таким образом, прилагательное употреблялось в атрибутивной функции, обозначая качество предмета или лица: «Имя прилагательное – часть речи, обозначающая свойства, качества и признаки предметов, явлений и лиц, которая развивалась на синтаксической основе определения с помощью специальных средств языка» [Колесов 2010: 218]. Важно отметить, что категория качества является важнейшей категорией в интерпретационной деятельности человека с древнейших времен. В этнокультурном языковом сознании славян атрибутивная характеристика предметов и явлений окружающей действительности занимала особое место. Прилагательное как самостоятельная часть речи выделяется позже, долгое время представление о качестве сливалось с представлением о предметности. Различные типы прилагательных выделялись в следующей последовательности: предметное имя – притяжательное – относительное – качественное, что выражает «конкретное отношение к другому предмету или лицу – личное свойство предмета или лица или – совершенно отвлеченный признак» [Там же, с. 218-219].

Сегодня уже очевидно, что для древнерусской языковой системы был характерен лексико-семантический синкретизм, проявляющийся в изначальной семантической нерасчлененности, обусловленной нерасчлененностью восприятия окружающего мира. Данное явление довольно хорошо исследовано историками русского языка, в то же время грамматический синкретизм в диахронии еще не разработан в достаточной мере [Пименова 2011: 21]. Изучая особенности употребления имен в древнерусских текстах, мы обратили внимание на то, что в ряде случаев категориальный статус языковых единиц (имя прилагательное, имя существительное) можно установить достаточно точно, однако есть примеры, в которых сделать это не представляется возможным: «В то же время выделение существительных и прилагательных как обособленных классов слов из прежде нерасчлененной категории имени в процессе их синтаксической, словообразовательной и семантико-понятийной специализации может быть подтверждено, например, фактами древних славянских, в частности древнерусских, текстов, так как в них существуют хоть и затемненные словообразовательными и грамматическими дифференциаторами, но все же показательные примеры нерасчлененности имени» [Баранов 2003: 10].

Таким образом, в средневековом сознании слово – это синкретически воспринимаемое единство звучания и написания, формы и значения, термина и стиля. Именно по этой причине древнерусское слово имело сложную семантическую

структуру; то или иное значение лексической единицы проявлялось в контексте, который мог быть очень узким. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведены следующие значения прилагательного *злой* (зълъ): ‘плохой, дурной // неблагоприятный, неудобный // неблагозвучный’, ‘злой, свирепый, жестокий’, ‘враждебный, недоброжелательный, свойственный недоброжелательному’, ‘неправедный, нечестивый’, ‘очень сильный по степени проявления, жестокий’, ‘губительный, пагубный // гиблый // труднодоступный, опасный’, ‘крепкий, острый’ (злой укус), а также в значении существительного ‘злой, дурной человек’ (Сл XI–XVII 6: 23–24). Кроме того, в отдельной словарной статье указаны существительные *злая* и *злое* со значениями ‘несчастья, беды’, ‘зло, грех’ (Сл XI–XVII 6: 14–15). Как видим, словарь отражает не только несколько разных значений, но и разный грамматический статус единиц (сейчас бы их назвали, скорее всего, функциональными омонимами), при этом *злой* в мужском роде помещается в словарную статью прилагательного, а в среднем роде отдельно. Основываясь на этих данных, мы можем утверждать, что употребление лексемы *злой* в качестве субстантивата было характерно для древнерусского периода, при этом более частотным, вероятно, был вариант в среднем роде. Рассмотрим на примерах.

В Национальном корпусе русского языка можно осуществлять поиск по лемме, т.е. по начальной форме, эта функция доступна сегодня и в исторических корпусах (древнерусском и старорусском). Так, задав запрос *зълъи*, в древнерусском корпусе (215 текстов, 781322 слова) мы получили 40 текстов и 419 примеров (данные на 1.10.2023). В этом корпусе также есть функция поиска единицы в значении существительного, применив ее, получаем 24 текста и 118 примеров. Следовательно, согласно корпусным данным, четвертая часть всех употреблений указанного слова приходится на контексты, в которых оно обозначает не признак, а субстанцию, например:

(1) *о таковыхъ бо р(ч)е пр(о)ркѣ. сири суть пролити кровь бес правды. си общеваются крови собирают себе. зла сихъ путиѣ суть. събирающе безакониѣ. неч(ѣ)тъемъ бо свою дѣю объѣмлютъ; а биси всегда на злою ловатъ всегда завидяще юму. понеже видить члвка бомъ почтена. и з(а)видяще юму на злою шлеми и ск(о)ри суть.* Нестор Печерский. Чтение о Борисе и Глебе (вторая пол. XI в.).

(2) *Не бесьдоу съ зълъими-шни бо пооучають та на зълую; а о тебѣ лѣннѣтьсѣ ти не добръ тебе оуправить то съ зълъими осудитьсѣ.* Изборник 1076 г. (перевод X в. [Болгария]).

Приведенная статистика является очень показательной и свидетельствует о том, что для древнерусского периода субстантивное употребление является узуальным, притом чаще мы встречаем субстантиваты *злая*, *злое*, т.к. они конкретизируют понятие о зле, которое в таких случаях проявляется в каких-то поступках (отсюда значение ‘грех’), его замечают другие люди, оно напрямую связано с религиозной тематикой, поэтому встречается в различных церковных текстах (житиях, сказаниях, молитвах и т.д.). Можно сказать, что уже в древнерусский период субстантиват *злое* начал приобретать стилистическую окраску.

В старорусском корпусе отсутствует возможность поиска по грамматическому параметру использования в другой части речи, поэтому затруднительно представить

статистику, поскольку с леммой *злой* в Национальном корпусе русского языка содержится 2115 примеров. Однако здесь мы также наблюдаем большое количество случаев использования субстантивата *злое*:

(3) *уроженцы, творящеи доброе, ищутъ благодать блугу; пришелицы ищуще зла, не яко **злая** постигнетъ ихъ; ведомо мирное поставление крепце в мире чистъ, уни же не согласни і не стоятъ, крѣстопреступне летъ лѣсть в сердцы дѣлающемъ **злая***. С.У. Ремезов. Ремезовская летопись по Мировичеву списку (1690–1700).

(4) *и онъ умысля **злое** и хотя плѣнити православную державу Государя нашего*. Книга глаголемая летописец Федора Кирилловича Нормантского (1474–1560 гг.) (вторая половина XVII в.).

Закрепление субстантиватов *злое*, *злая* за религиозными контекстами прослеживается и в старорусском корпусе. Примечательно, что данные единицы отмечаются и в других словарях, например, в «Словаре русского языка XVIII в.» в качестве первого значения прилагательного *злой* указано ‘творящий зло; исполненный зла, порочный, грешный’, здесь же с пометой субст. обнаруживаем *злой*, *злые* (о людях) и *злое*, *злая* (второе также с пометой слав.), например: <Бог> ѿнцѣ свое сияет на благия и **злыя**, и дождит на праведныя и неправедныя. Буж. Гангут 4; Да не пройдет благая мимо, А **злая** да не даст плода. Нклв Тв. I 151 (СРЯ XVIII в.). В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой в словарной статье прилагательного *злой*, где приведено значение ‘закрывающий в себе зло’, есть слово *злое* ‘то же, что зло’ (с пометой в знач. сущ.), например: Отчего **злое** может привлекать? Злое не должно быть красивым! Тургенев, Затишье. (МАС). В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова в самом конце словарной статьи прилагательного *злой* также приведено *злое=зло*, причем указано только, что это слово среднего рода: *З. не может привлекать. Видеть з. в окружающем мире* (БТС). Здесь мы наблюдаем совершенно другой процесс по сравнению с тем, который отражен в текстах древнерусского и старорусского периодов: уже в XVIII веке отмечается тенденция к генерализации значения, а в современных словарях *злое* слилось с обобщенным представлением о зле, что подтверждается и примерами из Национального корпуса русского языка:

(5) *А уже после этого глаза их встретились, и чувство любви исправило все **злое***. Василий Гроссман. Все течет (1955–1963).

(6) *А я говорю вам: не противься **злему***. Виктор Бондарев. Над пропастью во лжи (2003).

Употребление субстантивата *злое* в разные периоды развития русского языка характерно в большей степени для текстов религиозной тематики. Интересны случаи использования слова *злая* как формы множественного числа среднего рода в текстах XVIII–XIX веков, в которых указанная единица является по сути стилистическим средством, отсылающим к церковно-книжной традиции, неслучайно частотными в таких текстах являются различные формулы типа *(со)творить злая*, *помышлять злая* и др.:

(7) *во дни скорби нашея, сотвори, да и ненавидящие нас и творящие и желающие нам **злая** познали истину Твою и любовь Твою*. митрополит Антоний (Блум). Любовь всепобеждающая (1966).

(8) *но зле видит, зле слышит, ноги имеет стремительны к злодеянию, руки, творящие беззаконие, и сердце, помышляющее злая...* епископ Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке (1862).

(9) *и всяк помышляет в сердце своем прилежно на злая во вся дни, и помысли Бог, яко сотвори человека на земли, и размысли.* архиепископ Платон (Левшин). Слово на день рождения Пресвятыя Богородицы (1777).

В других контекстах слово *злой* как субстантиват в современном русском языке встречается намного реже, кроме того, в некоторых случаях не совсем ясно, действительно ли оно является субстантиватом. Так, часто *злой* используется в неполных предложениях, в которых легко восстанавливается существительное:

(10) *Щенок начал искать... Ленивый спит, злой рычит, незлой злого лижет – уговаривает не сердиться.* Е. И. Чарушин. Тюпа, Томка и сорока (1946).

Итак, в древнерусском языке в зависимости от контекстного окружения слово могло выступать в той или иной синтаксической функции, в этот период части речи с их категориальными признаками еще только формировались. В языковом сознании изначально существовало обобщенное (синкретичное) представление о зле, которое со временем начинает конкретизироваться, так появляются прилагательное *злой*, субстантиваты *злой*, *злое (злая)* и существительное *зло*. В XVIII в., согласно данным словарей, еще функционируют все указанные субстантиваты, однако, чем ближе к современности, тем чаще их употребление становится окказиональным, кроме того, слова *злое* и *злая* становятся средством стилизации в религиозных текстах. В целом можно сказать, что употребление слова *злой* в функции подлежащего или дополнения было характерно для русского языка на ранних этапах его развития, но перестало быть актуальным в современном русском языке.

Источники

Большой толковый словарь русского языка. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.10.2023). – Текст : электронный.

Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.10.2023). – Текст : электронный.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 6 (Зипун-Иянуарий). – М. : Наука, 1979. – 359 с.

Словарь русского языка XVIII в. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 01.10.2023). – Текст : электронный.

Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 01.10.2023). – Текст : электронный.

Литература

Баранов, В. А. Формирование определительных категорий в истории русского языка / В. А. Баранов. – Казань : Издательство Казанского государственного университета, 2003. – 390 с.

Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1980. – 640 с.

Клименко, Л. П. Взаимодействие лексики с другими уровнями языкового строя в истории русского языка / Л. П. Клименко // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Взаимодействие лексики и грамматики. – Горький : Изд. Горьк. ун-та, 1984. – С. 3–18.

Климова, Ю. А. Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира / Ю. А. Климова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2008. – Вып. 69. – С. 122–127.

Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / В. В. Колесов. – Учебно-методический комплекс по курсу «Историческая грамматика русского языка». – СПб. : СПбГУ, 2010. – 512 с.

Пименова, М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии / М. В. Пименова // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 19–48.

Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Том 1 / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.

Терентьева, Е. В. Семантическое содержание прилагательных в функции собственно интенсификаторов / Е. В. Терентьева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2014. – Вып. 5. – С. 134–139.

Патроева Н. В.

ИЗ ИСТОРИИ ИМЕН ГЛАГОЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена истории слова *суть* – именного грамматического омонима формы третьего лица множественного числа настоящего времени в парадигме глагола *быть* – в русском литературном языке. Как свидетельствуют материалы «Национального корпуса русского языка», функционирование формы *суть* в качестве имени фиксируется уже в 1780-е гг. – первоначально в публицистике, в жанре путешествия – и постепенно расширяется с 1830-40-х гг. и далее в художественных текстах. Распространение имени *суть* в русской литературной речи с самого начала характеризуется фразеологической связанностью, тяготением к формированию структур с ослабленной степенью синтаксической членимости, формульностью, употреблением во вводной конструкции (*суть дела, вся суть в, по сути* и т.п.).

Ключевые слова: морфолого-синтаксические процессы, морфологическая транспозиция, грамматическая конверсия, грамматическая омонимия, коллокация.

Л. Г. Яцкевич отмечала, что в ходе языковой эволюции показатели морфологических значений и классов «вступают в различные отношения: а) с другими морфемами, б) с лексическим значением слова, в) с категориальным значением части речи» [Яцкевич 2010: 49], поэтому история слов и устойчивых оборотов речи отражает эволюцию не только лексико-фразеологической подсистемы, но разных уровней языковой иерархии, о чем свидетельствует, в

частности, развитие грамматической омонимии и морфологического синкретизма. Особенно важным Л. Г. Яцкевич представлялось изучение не только продуктивных процессов морфолого-синтаксической конверсии, но и «таких, которые являются периферийными» [Там же: 22] для языковой системы, однако при этом ярко характеризуют ее специфику.

Специфическая диахроническая связь лексики и грамматики ярко проявляется, например, в истории бытования в русской литературной речи именной лексемы *суть* – по происхождению супплетивной формы связки 3 лица множественного числа в парадигме настоящего времени глагола *быть*.

Эпоха становления норм современного русского литературного языка дает начальные примеры использования слова *суть* в значении имени (редкий процесс перехода личной глагольной формы в существительные – ср. также с омонимией императивов и существительных типа *нагоняй, поцелуй* и т.п.), которые первым, вероятно, специально анализировал акад. В. В. Виноградов в своих докладах и очерках середины XX в. по истории слов. При этом продолжавшееся параллельно использование глагольного омонима – старославянизма *суть* – вполне соответствовало традиции употребления церковнославянской лексики в поэзии.

Представляется интересным проследить историю появления и начального бытования слова *суть* в качестве существительного в поэзии, прозе и публицистике на материале источников XVIII – первой половины XIX столетия – периода формирования новых общелитературных норм.

В. В. Виноградов полагает, что «существительное *суть* могло образоваться в ту эпоху, когда функции соответствующей формы глагола *быть*, особенно в книжной речи, стали совершенно неопределенными и опустошенными, т. е. не ранее XVII – начала XVIII в.» [Виноградов 1999: 674] (см. также: [Виноградов 1959: 31-37]) и «получило права литературного гражданства не ранее 30–40-х гг. XIX в., иными словами – оно влилось в русский литературный язык вместе с потоком других профессиональных и народных выражений, подхваченным и расширенным реалистической художественной литературой» [Виноградов 1999: 673] уже после Карамзина, Жуковского, Пушкина и Гоголя. Указывая на поддержанную семантикой конструкции с отвлеченной связкой, в которой утверждается тождество двух понятий или характеризуются существенные признаки предмета синонимией значений церковнославянизма *существо*, связанного по происхождению с причастием *сущий*, и слова *суть* – отглагольного новообразования морфолого-синтаксического способа деривации¹, академик Виноградов уточняет, что впервые лексема *суть* как имя вокабулы была зафиксирована² в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, который на основании личных разысканий и жизненных наблюдений возводил подобное словоупотребление к канцеляриту,

¹ В русских пословицах фиксируется субстантивация формы *есть*: «*Есть* с. об. и *естье* ср. (Акд. ошибч. *гъстье*) добро, худоба, животы, все, что есть у кого, имущество, достатокъ, обиліе. *Дѣвичье нѣтъ дорожъ естя. Изъ нѣта не выкроишь естя. По естю старецъ келью ставитъ. По естю и нѣтъ живетъ. При ести грошъ мѣдный; при нѣтъ серебряный. Изъ-за естя работаютъ. Отъ естя люди не плачутъ*» (Даль 1: 538). В литературном языке используется слово *естество* как суффиксальное производное от формы *есть*, но формы, зафиксированные В.И. Далем, остались принадлежностью диалектной речи.

² «*Суть* ж. сущность, существо, самость, основаніе, самое главное, важное въ дѣлѣ; зерно, ядро, нутро. *Дойти до сѹти. Самая суть бытія отъ насъ сокрыта. Суди по сѹти*» (Даль 4: 374).

вобравшему многие архаические черты, давно утраченные за пределами делового общения. Далее В. В. Виноградов приводит контексты, демонстрирующее постепенное проникновение имени существительного *суть* в активный запас языка, из произведений художественной прозы В. И. Даля, И. С. Тургенева, В. В. Крестовского 1860-х гг., а также мемуаров, рецензий, начиная с относящейся к 1826 г. записи в «Дневнике» А.В. Никитенко [Виноградов 1999: 676], профессора Санкт-Петербургского университета, историка русской литературы, цензора, а следовательно, в соответствии с профессиональным статусом строго относившегося к своему слогу автора (правда, дневник вышел из печати впервые только на рубеже 1880-х и 1890-х годов и первоначально, возможно, и не предназначался для опубликования): *Мы вообще мало любим останавливаться на предметах и углубляться в их **суть***. (А.В. Никитенко. «Дневник», 1826)³. Вероятно, на этом основании В.В. Виноградов считал, что возникновение именного функционирования *суть* ранее всего наблюдалось не только в книжно-письменной речи – прежде всего – в канцелярской, но также в учебной и ученой речи [Виноградов 1999: 675].

Возможно, самое раннее письменное свидетельство трансформированного функционирования связки *суть*, к тому же сопровождаемое филологическим комментарием, содержится в «Российской грамматике» 1783-1788 г. (московский список). А.А. Барсов решительно отвергает использование *суть* в качестве имени, считая это неправильным: «...множественное число *суть* малоупотребительно, и кажется какъ бы дико, такъ что нѣкоторыми на пр. въ выраженіи, *суть дворянѣ* или *суть дворяне* за существительное имя, или за нѣчто другое, только не за глаголь принималось, да и нѣ въ шутку но въ правду, въ спорѣ и доказательство» [Российская 1981: 194]. Интересно сопоставит эту теоретическую рекомендацию с реальной речевой практикой постломоносовской эпохи.

Для выявления динамики использования слова *суть* как существительного в книжно-письменной русской речи были привлечены данные основного и поэтического подкорпусов «Национального корпуса русского языка». Самый ранний документ, свидетельствующий об употреблении формы *суть* в значении и функции существительного, относится к ставшему в последней трети XVIII в. очень популярным жанру путешествия: *Облотская, стольный город Облот, жителей в ней 150 тысяч душ мужского пола, дохода, кроме рудников и других промыслов, 200 [тысяч] фиеров, протекающие реки **суть**: Облот, Био, Шиширка и другие, довольно плодородная **по своей сути** земля...* (М. М. Щербатов. «Путешествие в землю Офирскую г-на С., шведского дворянина», 1783). Примечательно, что в одном и том же предложении здесь функционируют оба омонима, причем имя используется в формульном обороте *по (самой / своей) сути*. Эту же коллокацию находим во вводном употреблении и в произведении, датированном 1821 годом и написанном также в жанре путешествия: ***По сути**, рядом со старой вискокурней построили новую.* (И. В. Мальцев. Путешествие виски: Легенды Шотландии», 1821).

Контекст, говорящий уже не о фразеологически связанном, а о свободном номинативном употреблении слова *суть*, представлен в «ученой» речи за 1816 г., характеризующей умонастроение членов масонских лож: *Для победы над нечистой*

³ В дальнейшем иллюстрации приводятся по НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru>).

силой Орден нас не только учит теоретической науке, но посредством учения его через теорию дается нам вернейшее познание и **суть** к практическому познанию Бога, натуры и самого себя. (А. А. Жеребцов. «Речь, говоренная 20-го сентября 1816-го года Великим Провинциальным Мастером А. А. Жеребцовым при закрытии Великой Директоральной [ложи масонской] Владимира к порядку», 1816).

Помимо публицистических памятников, пушкинская эпоха дает еще только два примера использования имени **суть** в художественной прозе: в аллегории Ф.Н. Глинки и в рассказе М. П. Погодина: *Красота, добро, истина — сии три великие идеи в начале своем **суть** одна и та же. Руссо еще сказал, хотя и мимоходом, мудрое, великое слово, что добро есть красота в действии...* (М. П. Погодин. «Сокольницкий сад», 1825); *Въ это время, въ этомъ мѣстѣ нашелъ я младшую сестру. Она сидѣла спокойно въ густомъ лѣсу, на изломанномъ бурей деревѣ. **Суть** ея, казалось, ловилъ переливы свистящихъ вихрей, въ ея очахъ изображалось какое-то юродивое забвение...* (Ф. Н. Глинка. «Двѣ сестры, или: которой отдать преимущество?», 1827). В аллегории Федора Глинки слово **суть** используется в вариативной форме мужского рода со значением 'существо, душа, дух', вытесненной впоследствии третьим женским склонением⁴, что, вполне возможно, обусловлено эффектом ритмизации автором своего философско-психологического размышления (см. о ритмизованной прозе Ф. Глинки в работе [Орлицкий 2009]). Заметим, что языке М. П. Погодина А. С. Пушкин высказывал не самое лестное мнение: «Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоанн с Новым городом. Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений – тьма», – однако потом прибавлял: «Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность» [А. С. Пушкин 1990: 349].

Для прозаических художественных произведений следующие по времени примеры вхождения существительного **суть** датируются уже только 1850-60-ми гг.: *В полуфранцузской ее речи резко промелькивали народные технические именованья, свидетельствующие, что она очень хорошо изучила всю подноготную **суть** деревенских доходов и оброчных статей.* (В. А. Соллогуб. Старушка (1850); *Другой смотрит в дело и видит в нем фигу, а Порфирий Петрович сейчас приметит самую настоящую «**суть**», — ну и развивает ее как следует.* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Губернские очерки», 1856-1857); *Душу мою знают, **суть** мою знают...* (Ф. М. Достоевский. «Скверный анекдот», 1862).

В поэзии использование имени существительного **суть** отмечается впервые у Ивана Мятлева в его популярной «макаронической» поэме: *Старичок когда-то был Мальчиком и всё ходил С портфелем за Вольтером, И таким-то-де манером Он всю **суть** его узнал...* (И. П. Мятлев. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею...», 1840). Последующие репрезентации относятся к 1860-80-м гг. и характеризуются устойчивостью сочетания нового существительного с местоимением *весь* (в форме *вся*), *тот* (*том*) и предлогом *в*, что свидетельствует о формировании связанной валентности, поддержанной живым устным

⁴ Подобное употребление **суть** в форме мужского рода В. В. Виноградов отмечал в прозе В. И. Даля (см.: [Виноградов 1999: 675]).

употреблением коллокации (вся) *суть* (заключается, состоит) в (том, что), повлиявшим на еще более демократизировавшуюся под пером поэтов середины XIX в., чем это наблюдалось в пушкинское время, стихотворную речь: *Я в каждом старшем видел гения, **Всю суть** наук...* (В. С. Курочкин. «Старичок в отставке», 1861); *Там какой-то аптекарь, не то патриот, Пред толпою ученье проводит: ... **Вся же суть** в безначалье народа.* (А. К. Толстой. «Поток-богатырь», 1871); ***Суть** в созданном людьми, их тяжкими трудами, В каменьях, не в лучах, играющих на них, **Суть** в исчезаньи сил, когда-то столь живых...* (К. К. Случевский. «Думы. В Киеве ночью», 1881); *Красота... **Да суть не в том!** Вифлеемское тут было, Что-то райское кругом!* (А. Н. Майков. «Мариэтта», 1886).

В художественной прозе и публицистике второй половины XIX в. так же, как и в поэзии, наблюдается использование коллокаций *вся суть, суть дела*: ... *трудно среди их болтовни уловить **суть** их дел или просто следить за нитью чтения.* (М. А. Корф. «Из дневника», 1838-1839); *Чтобы разом показать вам, в чем дело, в чем **суть** статьи, я только назову вам... автора азартной статьи...* (А. А. Григорьев. «Мои литературные и нравственные скитальчества», 1862); — *В академии художеств, в остроге-с тутошнем, где я впервые всю **суть** познал-с и произошел.* (Г. П. Данилевский. «Беглые в Новороссии», 1862); *Остроумные пустозвоны, считающие в ловкой захлестке речи всю **суть** дела!..* (А. Ф. Писемский. «Взбаламученное море», 1863).

Документы, датированные второй половиной XVIII – началом XIX столетия, демонстрируют тесную контекстуальную связь слов *суть, существо, дело, суд*, которая станет в дальнейшем основой расширения синонимических связей или обусловит хождение и варьирование пословиц и поговорок⁵. Приведем наиболее яркие примеры: ... *время уже в просвещенный век наш снимать личину с порочных людей и представлять их свету таковыми, каковы они в самом **существо** **суть**.* (Н. И. Новиков. «Живописец», 1775); ... *но иные **суть** суды Божия, иные мнения человеческия.* (Архиепископ Платон (Левшин). «Слово в неделю Мытаря и Фарисея», 1776); *Какия же **суть дела** тьмы, и какия дела света; сие различие теперь нам узнать есть и полезно и нужно.* (Архиепископ Платон (Левшин). «Слово в день преображения Господня», 1777); *Ты оплакиваешь своего возлюбленного, но ты им любима, и несчастья его не **суть дело** твое...* (Д. И. Фонвизин. «Иосиф», 1769); *Разумна от века **суть** Богу вся **дела** его, по словам писания святого.* (Архиепископ Платон (Левшин). «Слово в день рождения Ея Императорскаго Величества», 1775); *Я говорю здесь единственно о тех причинах, которые находятся во власти и в естестве человека, действуют во всех веках на судьбу народов и могут быть полезны для законодателей... Некоторые из них **суть дело** рока; большая часть зависит от человеческого искусства и благоразумия.* (Н. М. Карамзин. «Политические отрывки гражданина Эшассерио (одного из лучших политических Авторов Франции)», 1802); *Сняв покров хитрости, которым одела их светская развратность, найдем, что приятности не **суть дело***

⁵ Например, оборот *пока суть (суд) да дело* является результатом искажения устойчивого словосочетания *пока суд да дело*, известной в развернутом варианте *Суд да дело – собака съела*; контаминация могла возникнуть влиянием паремии *Где суд, там и суть* (т.е. сутяжничество), зафиксированной В. И. Далем. У В. И. Даля в вокабулу «Суть» вошла паремия *Суди по сути*.

условия, а внешность любезных свойств, или, если смею сказать, благоухание чувства. (Н. М. Карамзин. «О нежности», 1802); *Формы не суть дела...* (Н. И. Тургенев. «Письма Николая Ивановича Тургенева к Сергею Ивановичу Тургеневу 1811-1822 гг.», 1818).

Закрепление способности существительного *суть* управлять генитивом зависимого существительного (например, *суть статьи, суть дела* и пр.) могла быть поддержана употреблением связки *суть* при именном предикате, выраженном генитивом – гораздо более редкий случай, чем при номинативе и Тв.п., например: ... *в самую ту минуту созерцает сие Святый и Праведный, Его же очи светлейшии суть сияния солнечнаго.* (Архиепископ Платон (Левшин). «Слово в день Нерукотворенного образа», 1780).

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим заключениям: 1) употребление слова *суть* в значении и функции имени существительного фиксируется в качестве отдельных, редких еще репрезентаций, сопровождающихся варьированием формы рода, в книжно-письменных текстах не ранее последней четверти XVIII в. – первоначально в публицистических сочинениях; 2) на протяжении конца XVIII – первой половины XIX столетия снижается активность параллельного использования в высоких жанрах поэзии, научных и публицистических произведениях вспомогательного и полнозначного бытийного глагола в форме 3 л. мн. ч. настоящего времени, однако предикативное функционирование создает препятствия для расширения использования *суть* в качестве имени – подлежащего; 3) употребление номинатива-омонима постепенно расширяется в художественных и публицистических произведениях не ранее второй половины XIX в. и с самого начала характеризуется формированием устойчивых, формульных контекстов *по сути, вся / самая суть в, суть дела в* – коллокаций в позиции вводного слова или в составе предложения с ослабленной степенью синтаксической членимости, тяготеющей к фразеологизации структуры, что было поддержано, вероятно, влиянием официально-делового стиля и устного узуса; 4) представленные данные могли бы стать важным дополнением к имеющимся уже опытам словарно-справочного описания норм русского языка эпохи становления общелитературных норм национального периода (см., напр.: [Еськова 2008]).

Источники

Даль 1 – Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] Владимира Даля. В 4 томах. Т. 1. А–З. – 2-е изд. – С-Пб. ; М. : М. О. Вольф, 1880-1882. – 1880. – LXXXIV, 723 с.

Даль 4 – Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] Владимира Даля. В 4 томах. Т. 4. Р–У. – 2-е изд. – С-Пб. ; М. : М. О. Вольф, 1880-1882. – 1882. – 704 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.09.2023)

Литература

А. С. Пушкин об искусстве : в 2-х т. Т. 1. – Москва : Искусство, 1990. – 363 с.

Виноградов, В. В. Из истории русской литературной лексики / В. В. Виноградов // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. – 1959. – № 12. – С. 31–37.

Виноградов, В. В. История слов.: Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1999. – 1138 с.

Еськова, Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII-XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи / Н. А. Еськова. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 960 с.

Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. В 11 томах. Т. 7. Труды по филологии. 1739-1758 гг. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389–583

Орлицкий, Ю. Б. «Опыты аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе» Ф. Глинки и традиция жанра «Стихотворений в прозе» в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий // Глинка Ф. И. Опыты аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе / Сост., авт. ст. и прим. Ю. Б. Орлицкий. – М. : Изд-во РГГУ, 2009. – С. 246–264.

«Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 776 с.

Яцкевич, Л. Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации / Л. Г. Яцкевич. – Вологда : Изд-во ВГПУ, 2010. – 280 с.

Петрова М. Ю.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ПРАКТИКЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ»)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект РНФ № 24-28-00123 «Диалектный словарь строения слов: от электронной базы данных к словарю корневых гнезд и аффиксальных парадигм»

Аннотация. Статья посвящена описанию конструктивных принципов словообразования имен существительных и глаголов, зафиксированных в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи», в контексте осмысления механизмов языковой игры. В работе комментируются понятие языковой игры, исследуется словообразовательная структура производных слов указанного словаря, доказывается, что эти производные слова являют собой результат лингвистического креатива.

Ключевые слова: лингвистика креатива, словообразование, «Словарь русского языка коронавирусной эпохи».

«Словарь русского языка коронавирусной эпохи», изданный в 2021 г. в Институте лингвистических исследований РАН [Словарь 2021; Русский язык 2020], выявил беспрецедентно яркие образцы словотворчества, причиной появления которых стала необходимость ословливания реалий пандемии COVID-19. Значительная часть слов, вошедших в этот словарь (*ковид-н(ый)* – ср.: *сон-н(ый)*, *ковид-арий* – ср.: *планет-арий* и др.), реализует потенциально возможные в русском

языке модели образования, однако в процессе анализа словообразовательной структуры многих других слов этого словаря можно наблюдать за принципами лингвокреативной деятельности человека во время пандемии. Разобраться, где в случае образования новых слов наличествует языковая игра, а где нет – очень непростая задача, определяющая актуальность нашего исследования. Это важно для изучения источников и механизмов образования новых слов, осмысления активных деривационных процессов на материале текстов современной массовой коммуникации, авторы которых достаточно часто прибегают к практике языковой игры [Лингвистика креатива 2013; Норман 2006; Нухов 2012]. Объектом нашего исследования служат производные имена существительные и глаголы, появившиеся в языке в эпоху COVID-19 и зафиксированные «Словарем русского языка коронавирусной эпохи». Предметом изучения является словообразовательная семантика этих слов в лингвокреативном аспекте. Работа включает в себя анализ научной литературы, посвящённой этому словарю, теоретических исследований по теории словообразования и лингвистике креатива, а также традиционного для лингвистики описательно-аналитического метода в сочетании с методиками изучения фактов языковой игры (при анализе материала мы используем методику, разработанную Т. А. Гридиной [Гридина 1996; 2016; 2019]). Научная значимость данной работы определяется тем, что её выводы могут быть приобщены к системному описанию деривационных процессов в современных медиа. Практическая ценность определяется возможностями использования полученных нами результатов в практике школьного и вузовского преподавания курсов русского языка, организации олимпиадной подготовки и проектной деятельности старших школьников.

Лингвистика креатива обращена к изучению творческих возможностей человека в использовании языковых средств, она изучает лингвокреативное мышление индивида. «Продукт любой лингвокреативной деятельности, проявляющей способность говорящих к конструктивному мышлению и порождению разного рода новаций, называется лингвокреатемой» [Гридина, Коновалова 2022: 31-32].

Языковая игра – это «особая форма лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах актуализации и переключения стереотипов употребления, порождения и восприятия словесных знаков» [Гридина 2019: 32] Для обозначения продукта языковой игры Т. А. Гридиной был введен термин «игрема» [Гридина 1996] (разновидность лингвокреатемы, обязательно включающая в себя ассоциативные механизмы, указанные в определении выше). Для успешного использования игремы в процессе коммуникации важно понимать, что ее значение должно распознаваться собеседником достаточно быстро, то есть при ее образовании надо использовать привычные для данного языка схемы и морфемы. При анализе таких слов возникает вопрос об их жизнеспособности в языке и востребованности в практике речевой деятельности. Чтобы ответить на этот вопрос надо понимать, какие цели преследует языковая игра в разных сферах ее использования. Этим занимается одно из направлений изучения языковой игры – прагматическое.

Языковая игра как вид речевой деятельности человека предполагает решение определенных коммуникативных задач. Особое место в исследовании феномена языковой игры занимает детская речь. Словотворчество – неотъемлемая часть постижения законов родного языка. Для развития ребенка важен сам процесс, результат же в свою очередь только с точки зрения того, насколько его поймут окружающие в конкретном случае, а не жизнеспособности возникшей игры. Несколько похожая ситуация возникает и в тот момент, когда в жизни общества возникают новые явления и предметы. Номинативная функция является ведущей, так как эти слова облегчают процесс коммуникации в условиях новых реалий. Но немаловажную роль играет и возможность выразить свою оценку по отношению к происходящему вокруг с помощью нового слова. Некоторые из таких слов могут остаться в языке и не являются квазисловами в случае их последующего регулярного употребления в речи общества. Игры нередко встречаются и в художественных произведениях. Так, известный литературовед Б. В. Томашевский, рассуждая о неологизмах в творчестве И. Северянина, отмечал, что «образуются они для обновления словесного выражения банальной формулы во избежание речевого шаблона» [Томашевский 1999: 30].

Не менее значимо другое направление, сложившееся в отечественной и зарубежной лингвистике в изучении языковой игры, – операциональное. В его рамках для дальнейшей нашей работы важно определить основные конструктивные принципы создания игр, связанные со словообразованием. Т. А. Гридина в работе «Языковая игра: стереотип и творчество» выделяет следующие конструктивные принципы:

1. Ассоциативная интеграция. Она основана на совмещении форм и значений нескольких слов, поэтому основным механизмом ее реализации является контаминация. При анализе игр, образованных этим принципом, важно обратить внимание на ассоциативную координацию слов в ней, то есть, почему совместили именно их. Т. А. Гридина выделяет контаминацию координирующего и контрастного типов. В первом случае слова, вступающие в контаминацию, действительно семантически сочетаются в языке, во втором – нет.

2. Ассоциативное наложение. В этом случае игра воспринимается на фоне уже существующего в языке слова, что создает у собеседника ощущение неоднозначности в ее интерпретации. Этот конструктивный принцип включает в себя несколько средств, мы сделаем акцент только на словообразовательном. Игра может иметь звуковую оболочку точно такую же, как уже существующее в языке слово, в этом случае они являются словообразовательными омонимами по отношению друг к другу. При этом их семантика накладывается друг на друга, чтобы понять лексическое значение игры, нужно знать соответствующее ей слово.

3. Имитация. Словообразовательные средства в рамках имитации предполагают использование языковой схемы, при реализации которой слова образуются с похожей семантикой и структурой. Мы уже отмечали, что для успешного распознавания и понимания игры важно использовать при ее создании морфемы и схемы, которые активно употребляются в языке. Рассматриваемый конструктивный принцип наглядно это демонстрирует.

4. Ассоциативная выводимость. В распознавании игры, созданной с помощью ассоциативной выводимости, важно осознавать связь с узуальной лексемой, так как именно на ее фоне создается новое слово. Средств у этого конструктивного принципа несколько, мы остановимся на двух. Схема ложноэтимологической реноминации состоит из трех компонентов: узуальная лексема, псевдомотиватор, игра [Гридина 1996]. С точки зрения звукового облика слово-прототип и новое слово в большинстве случаев отличаются друг от друга всего лишь несколькими звуками. При ситуативном обыгрывании внутренней формы слова по-другому осмысливается морфемный состав лексемы или семантика морфем.

5. Ассоциативная провокация. Она предполагает несоответствие прогноза употребления слова и его реализации. Например, преобразование устойчивой номинации способствует этому и вызывает эффект неожиданности у собеседника.

Эти конструктивные принципы, указанные в работе Т. А. Гридиной, активно используются в языке его носителями, о чем свидетельствуют многочисленные примеры к каждому из них, в том числе и внутри исследуемого нами «Словаря русского языка коронавирусной эпохи».

Имена существительные составляют наиболее многочисленную и разнообразную группу слов этого словаря. В процессе словообразовательного анализа этой группы слов отдельно будут рассмотрены одушевленные (производные наименования человека) и неодушевленные (названия состояний, предметов и явлений) существительные.

Производные наименования человека.

Производные наименования человека (врача, больного или человека, находящегося на карантине или в режиме самоизоляции) представляют собой самостоятельную группу из всех имен существительных, потому что с помощью этих лингвокреативных коммуниканты активно выражали свою позицию по отношению к вирусу и ограничениям, обозначали роли людей в обществе [Грамматика 1970]. Следует сразу же оговориться, что здесь много новообразований, реализующих привычные словообразовательные модели. Например, *бессимптомник* (ср. *беспризорник*), *ковидист* – ‘врач-специалист по коронавирусной инфекции’ [Словарь 2021] (ср. *акварелист*), *карантинец* (ср. *комсомолец*), *ковидный* в качестве существительного, когда речь шла о человеке, зараженном коронавирусной инфекцией, и др. Эти производные слова остаются за пределами нашего исследования, в фокусе которого находятся игры – слова, которые помогали коммуникантам активно выразить свою позицию. Самым частым конструктивным принципом в образовании анализируемой нами группы слов является ***ассоциативная интеграция***, основанная на совмещении значения и формы ассоциантов. Все эти производные наименования были образованы путем контаминации. Если анализировать их ассоциативную координацию, то слова, относящиеся к этому принципу создания игр, можно разделить на несколько групп. Первая группа – наименования сторонников соблюдения всех ограничительных мер в речи ковид-диссидентов. У одного из слов, участвующих в контаминации, всегда есть корень, семантически связанный с карантином или названием вируса. Лексическое значение второго слова содержит отрицательную оценку действий и

позиции «карантинomanов». Встречаются такие наименования как *ковидофреник*, *коронафреник* (*ковид/корона* + *шизофреник*), *короноик* (*корона* + *параноик*). Надо заметить, что в речи сторонников соблюдения карантина есть только одно наименование ковид-диссидентов, семантически связанное с психическими расстройствами человека - *ковидоидиот*. В этих словах, составляющих вторую группу, только отражается факт отрицательного отношения «ковид-нигилистов» к ограничительным мерам, например, *ковигист* (*ковид* + *пофигист*), *коронагностик* (*корона* + *агностик*). К третьей группе слов, образованных путем контаминации, относятся наименования по виду деятельности во время карантина. Лексическое значение второго слова может быть связано с конкретной профессией (*ковироучер* – *коронавирусный* + *коучер*), с отношением к труду (*карантиголик* – *карантин* + *трудоголик*) или с возникшим в условиях ограничения передвижения занятием (*карантье* – *карантин* + *рантье*). Ассоциативная координация слова *ковидонавт* отличается от других слов этой группы. Она возникла и на основе соотнесения скафандра космонавтов с защитной одеждой врачей, работающих с больными коронавирусом, и на основе осознания значимости и опасности работы докторов в период пандемии.

Другим конструктивным принципом создания производных наименований является **ассоциативная выводимость**. Ее средствами стали ложная мотивация слова и структурные аналогии. Словом-прототипом для окказионализма *зумби*, который обозначает людей, одержимых общением через зум, стала узуальная лексема *зомби*. Название программы для видеоконференций является в этом случае псевдомотиватором (созвучной узуальной лексемой). Таким образом, в этом неологизме четко прослеживается схема ложноэтимологической реноминации из работы Т. А. Гридиной «Языковая игра: стереотип и творчество». Точно такое же преобразование произошло с этим словом и в английском языке: *zombie* – *zoombie*. Ассоциативная координация у этого наименования осуществляется на лексическом уровне (ср. *зомбировать* – ‘превращать человека в зомби — послушного исполнителя чужой злой воли’ и *зумби* как человек, попавший под влияние зума). Языковые схемы, относящиеся к неморфемным способам словообразования, встречаются чаще всего при анализе производных наименований человека в эпоху коронавируса. Среди них встречаются и слова, лексическое значение которых определяется легко, например, *ковидопаникер*, *коронаалармист*, *ковидоскептик*, и слова с корнями греческой этимологии, например, *карантинофил*, *карантинофоб*. Заметно выделяется из всех слов окказионализм *зум-русалка*, так как вторая часть этого слова связана с восточнославянской мифологией. *Русалка* представляет собой существо в образе женщины с рыбьим хвостом, *зум-русалка* – ‘участник видеоконференции, который совмещает в одежде официальный – для видимой на экране части – и неофициальный стиль’ [Словарь 2021]. Наименований, образованных морфемным способом, меньше, чаще всего встречается суффиксальный способ словообразования, при этом эти суффиксы имеют значение действующего лица (например, *греч-ник*, *ковид-енок*, *зум-ер*).

Таким образом, в словообразовательной структуре игрем всегда встречается элемент, отражающий реалии пандемии COVID-19, которые в свою очередь

становились главным содержанием речевых конфликтов того времени (например, маски, зум, название нового вируса, вакцина от него). Среди всех производных наименований чаще всего встречаются те, которые отражают диаметрально противоположные взгляды на коронавирус и его ограничения, они являются наименованиями самих коммуникантов конфликта, если иметь в виду спор «ковид-диссидентов» и «карантинманов». Слово *ковидоидиот* является единственным зафиксированным неологизмом в этом словаре, который встречается в речи обеих этих групп по отношению друг к другу. В лексическом значении других слов, проанализированных нами, может преобладать положительная оценка и юмор (например, *зум-русалка*, *карантинозавр*) или отрицательная оценка, связанная с зависимостью человека от новостей, интернета (например, *думскроллер*, *зумби*).

Состояния человека и предметы эпохи COVID-19.

Новые имена существительные отражали не только недавно появившиеся предметы быта, но и психологические и физические состояния человека.

Среди лингвокреатива, которые определяют состояние человека во время карантина, языковые схемы, относящиеся к неморфемным способам словообразования, используются чаще. Их можно разделить на несколько групп в зависимости от их семантики. Первая группа – существительные, второй частью которых является слово «изоляция». Два из них характеризуют состояние по месту проведения карантина: *лесоизоляция* и *дачаизоляция*. Все остальные – по способу проведения досуга, первая часть таких сложных слов всегда называет предмет, который и определяет это занятие. Например, *книгоизоляция*, *киноизоляция*, *алкогоизоляция*, *изоизоляция*. К лингвокреативам, которые обозначают состояние человека по виду деятельности, также относятся слова *ремонтвирус* и *карантинтворчество*. Вторая группа – существительные, которые характеризуют психологическое состояние человека, отношение к происходящим в мире событиям. Отрицательно окрашенных лингвокреативов намного больше, что, безусловно, свидетельствует об общем настроении людей во время карантина. В каждой подгруппе наблюдается возрастающая градация. Слова, выражающие положительное отношение к вирусу: *ковидолюбие*, *ковидоверие*, *ковидомания*. Существительные, обозначающие состояние страха: *ковидопаника*, *маскопаника*, *маскобесие*, *ковидоистерика*, *ковидопсихоз*, *коронадепрессия*. Возможность такого расположения новых слов говорит о том, что, несмотря на близкое лексическое значение, эти лингвокреативы не являются полными синонимами. Для каждого отдельного состояния была создана своя лексическая единица. В этой группе надо отметить слова с корнями греческой этимологии: *вакцинофилия*, *ковидофилия*, *ковидофобия*, *коронафобия*.

Самым частым конструктивным принципом создания игр слов стала *ассоциативная интеграция*, при которой совмещаются и форма, и значение ассоциантов, а главным языковым механизмом реализации является контаминация. Среди них также встречаются слова, обозначающие тяжелое психологическое или физическое состояние во время изоляции: *ковидофрения* (*ковид* + *шизофрения*), *коронасомния* (*корона* + *инсомния*). Наряду со специальными терминами в контаминацию вступали и просторечные слова, например, *коронавасия* (*корона* +

котаवासия). На фоне всех слов, образованных этим способом, выделяется играма *расхламинго*. В этой лексической единице соединились слова *расхламиться* и *фламинго*, но при этом второе слово никакого значения здесь не имеет. Оно употреблено по созвучию, словарь указывает, что, возможно, по аналогии со сленговым словом *обломинго*.

Способом создания игрымы *беззумие* стала *ассоциативная выводимость*, а средством – ложная мотивация слова. Словом-прототипом послужило слово *безумие*, а псевдомотиватором (созвучной лексемой) зум, что является названием программы для организации конференций. С другой стороны, средством создания этой игрымы можно считать и структурную аналогию (ср. *без-зум-ие* – *без-власт-ие*). Т. А. Гридина в работе «Языковая игра: стереотип и творчество» отметила: «Именно высвечивание стереотипа в новом ассоциативном контексте слова, сам процесс его опознания создает игровую ситуацию, дает работу творческому воображению» [Гридина 1996]. Для полного понимания этой лексемы собеседнику нужно осознавать оба варианта, так как первый передает состояние человека во время внезапного отключения конференции, а второй помогает расшифровать его значение (через семантику приставки).

Названия предметов, возникшие в эпоху COVID-19, напрямую отражают новые реалии той действительности. В словаре встречается около пяти разных наименований медицинской маски, которой были вынуждены пользоваться тогда все люди. Одно из них было образовано с помощью суффикса *-ник* (значение предмета, ср. *кофейник*, *бумажник*) от слова «ковид» - *ковидник*. У этой лингвокреатемы есть два омонима, то есть данный словообразовательный аффикс был использован несколько раз и в разных значениях. Первый омоним обозначает стационар, отделение стационара, созданном или перепрофилированном для лечения больных коронавирусной инфекцией, здесь суффикс *-ник* использован для обозначения места (ср. *телят-ник*, *коров-ник*). Второй – больного или инфицированного коронавирусной инфекцией, аффикс *-ник* имеет значение лица. Наименование *маска-ушанка* было образовано по принципу ассоциативной провокации. Преобразование устойчивой номинации *шапка-ушанка* вызывает эффект неожиданности и нарушает речевой прогноз, тем не менее, оказывается достаточно логичным и понятным. Наряду с этим наименованием встречается и не совсем ясное по своей внутренней форме слово *ковизор*. Его заимствовали из английского языка, где оно было образовано путем контаминации названия вируса и английского слова *visor*, которое переводится как «козырек». Это слово обозначает отдельный вид маски, который у нас называли *экраном-маской*. Для определения одного и того же предмета в языке за небольшой промежуток времени появилась и созданная им самим лингвокреатема, и заимствованная.

Такие слова, как *намордник* (о медицинской маске), *тележка*, *набор* (о товарах первой необходимости), *паспорт* (официальный документ, подтверждающий наличие антител к коронавирусной инфекции) приобрели новые лексические значения. В этом случае можно говорить об *ассоциативном наложении*, так как семантика этих лингвокреатем воспринимается на фоне привычных для нас значений.

Ассоциативная интеграция среди названий предметов также встречается достаточно часто. *Ковидло* (о повидле и различных сладостях в период карантина; *ковид + повидло*), *карантинка* (о картинке, открытке, предназначенной для отправки знакомым во время карантина [Словарь 2021]; *карантин + валентинка*), *фуфловир* (о лекарстве против коронавирусной инфекции [Словарь 2021]; *фуфло + коронавир*) – все эти игры имеют контаминацию контрастного типа, что и вызывает интерес у собеседника и создает неожиданный эффект в коммуникации.

Большое количество лексем, обозначающих состояние человека и предметы быта, зафиксированных в этом словаре, свидетельствует об активной лингвокреативной деятельности людей во время пандемии. Помимо слов, образованных по известным в языке словообразовательным структурам и служащих для обозначения новых реалий, встречаются и те, которые были созданы по определенным конструктивным принципам игрем. Наличие игрем позволяет сделать вывод о том, что неологизмы этого времени выполняли не только номинативную функцию. Наряду с образованием новых слов средствами нашего языка шло заимствование этих же слов из других языков, где они также достаточно активно появлялись. При этом внутренняя форма словообразовательного типа у наших лингвокреативов очевидно более прозрачная и понятная для нас.

Глагольная лексика.

На примере относительно небольшого количества глаголов «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» также можно наблюдать как за реализацией конструктивных принципов создания лингвокреативов, так и за способами осуществления языковой игры. Исследуя глагольную лексику этого словаря, мы попытались сравнить, одинаковые ли принципы используются при образовании имен существительных и глаголов. Все исследуемые нами глаголы можно разделить на три смысловые группы [Арутюнова 1988].

К первой группе относятся слова, которые семантически связаны с дистанционным режимом работы и учебы в период карантина. Эти лингвокреативы были образованы от двух корней: *-зум-* (название программы для видеоконференций) и *-дистант-*. Несмотря на то, что первый корень оказался достаточно продуктивным в создании новых слов разных частей речи, не во всех случаях мы можем говорить об языковой игре. Например, слово *зумить* появилось по аналогии со словом *гуглить* и служит для обозначения действия, совершаемого в этой программе (*зумить* – проводить рабочие встречи (учиться/общаться) в онлайн-формате [Словарь 2021]). К синонимам этой лингвокреативы можно отнести глаголы *дистантить*, *дистантиться* и *зумиться*. В третьем случае можно говорить о полной синонимии, так как лексические значения, указанные в словаре, совпадают. На фоне этих слов, реализующих типичные для глаголов модели суффиксального образования, явно выделяются производные слова, появившиеся в результате языковой игры. Здесь можно наблюдать применение нескольких конструктивных принципов создания игрем. Так, слово *зумерничать* было образовано путем контаминации контрастного типа (*зум + сумерничать*), а принципом стала *ассоциативная интеграция*, так как в этой лингвокреативе мы наблюдаем совмещение значения и форм ассоциантов. *Сумерничать* – сидеть без огня в сумерках,

ничего не делая или тихо беседуя [Словарь 1999], *зумерничать* – проводить конференцию в сумерках [Словарь 2021]. Меняется только вид общения – с живого на онлайн. Отметим, что графически играема от узуальной лексемы отличается только одной буквой, что позволяет собеседнику достаточно быстро понять значение нового слова. Другим примером для рассмотрения еще одного конструктивного принципа создания игрем в рамках этой группы становится слово *обеззуметь*. Эта лингвокреатема была образована приставочно-суффиксальным способом от слова зум. Сложная приставка *обез-* в этом случае служит для образования непереходного глагола в значении «лишиться чего-нибудь» (*обеззуметь* – лишиться возможности общаться, учиться, работать при помощи Zoom [Словарь 2021]). Но прямая ассоциация этого слова с узуальной лексемой *обеззуметь* и их фонетическое созвучие позволяют говорить об ассоциативной выводимости. Связь с глаголом *обеззуметь* моделирует контекст восприятия игрымы и дает ей разную интерпретацию в процессе использования этого слова, создавая комический эффект. Название программы для проведения видеоконференций в этом случае выступает в качестве псевдомотиватора.

Вторая группа глаголов включает в себя лингвокреатеми, лексическое значение которых связано с режимом карантина и нарушением его. Особое внимание надо уделить двум играмам *наружать* и *наружить*. У них одинаковое лексическое значение – нарушать/нарушить режим самоизоляции и одинаковый лингвистический механизм образования. Словарь указывает, что они были образованы путем контаминации слов *наружу* и *нарушить/нарушать*. Интересным оказывается то, что от узуальной лексемы *нарушать* или *нарушить* игрымы отличаются тоже только одной буквой, что нарушает номинативный прогноз собеседника и в то же время очень емко выражает лексическое значение нового слова. Проанализировав внутреннюю форму лингвокреатеми, мы сразу понимаем, какое именно нарушение было совершено. *Наружать/наружить* – частный, конкретный случай нарушения.

Третья группа глаголов самая многочисленная, включает в себя слова с корнями *-корон-*, *-ковид-* и обозначает действия, связанные непосредственно с новым вирусом, с болезнью. Большинство из них были образованы суффиксальным способом (*ковидеть*, *ковидовать*), далее приставочным способом (*заковидеть*, *перековидеть*) – и по лексическому значению многие совпадают. О языковой игре в этой группе слов можно говорить на примере лингвокреатем *короновать*, *короноваться*, *ковидеть*. Слова *короновать* и *короноваться* существуют в нашем языке уже давно в значении «совершить (совершать) церемонию коронации над кем-л., венчать на царство» и «венчаться на царство» [Словарь 1999]. Новые значения эти слова приобрели благодаря тому, что название возникшего вируса совпадает со словом *корона* в русском языке. Одно из лексических значений новой игрымы связано со старым – придать особое значение, обратить на себя широкое общественное мнение (о коронавирусной инфекции). В узуальной лексеме и в лингвокреатеме есть общая сема, которую можно определить как «значимость, важность». В этом случае можно говорить снова об ассоциативной выводимости, но средством становится ситуативное обыгрывание внутренней формы слова. Надо заметить, что у слов

короновать и *короноваться* в словаре указаны и другие лексические значения, которые никак не связаны семантически с давними значениями этих слов. В качестве примера употребления слова *коронавирусеть* во втором значении (проявляться, распространяться (о коронавирусной инфекции)) приводится предложение «За окном коронавирусело». Этот глагол является безличным и употребление его в таком предложении предполагает ассоциативную провокацию. Одним из средств этого конструктивного принципа Т. А. Гридина в работе «Языковая игра: стереотип и творчество» указывает неожиданное переключение ситуативного семантического прогноза употребления слова в высказывании. Начало предложения за окном предполагает описание погоды в его продолжении.

Проведенный нами анализ имен существительных и глаголов делает возможным сравнение новых слов этих двух частей речи в лингвокреативном аспекте. Игрем среди глаголов намного меньше, чем среди имен существительных. Небольшое количество глаголов, отраженных в словаре, их лексические значения и редко встречающиеся игремы среди них свидетельствуют о том, что в основном слова этой части речи использовались для того, чтобы просто обозначить то или иное действие, а свое отношение к новым реалиям коммуниканты чаще выражали при помощи новых имен существительных. Соответственно и конструктивных принципов в образовании глаголов использовалось меньше, чем при образовании имен существительных [Русская грамматика 1980]. Однако на примере глаголов, появившихся в период пандемии, можно рассматривать такие конструктивные принципы, как ассоциативная интеграция, ассоциативная выводимость и ассоциативная провокация. При этом разные слова в рамках одного принципа демонстрируют разные их средства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при создании игр в период пандемии COVID-19 в русском языке использовались различные конструктивные принципы. Чаще всего встречается *ассоциативная интеграция*, что весьма ожидаемо, так как для ее реализации человеку требуется только соединить два слова, при этом координация двух типов позволяет «складывать» слова с абсолютно разной семантикой. Нередко встречается использование языковых схем, то есть слова образуются по структурной аналогии с уже существующими в языке. Вновь образованные слова и их значения вступают в разные отношения друг с другом: полисемия и омонимия. В случае с омонимией один и тот же словообразовательный аффикс имеет абсолютно разные значения. В нескольких играх была применена схем ложноэтимологической реноминации. При этом в обоих случаях, описываемых во второй главе (*зумби* и *обеззуметь*), слово-прототип и игра имеют общие семы в своих лексических значениях.

Анализируя словообразовательную семантику слов коронавирусной эпохи, следует подчеркнуть преобладающую в ней негативную оценку: это вполне объясняется общим настроением людей в тот период. Часто используются корни со значением психических заболеваний, разговорные слова, а к ним добавляются лексемы, называющие возникшие явления (название вируса в разных его вариациях, новых предметов). Многие игремы явно создают комический эффект. Активная лингвокреативная деятельность, как показывает наш анализ, активно привлекала

ресурсы других языков, не будучи изолированным процессом, а отражая глобальную потребность в ословливание события мирового масштаба.

Литература

Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.

Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1996. – 214 с.

Гридина, Т. А. Лингвокреативные механизмы порождения текста: экспериментальный ресурс языковой игры / Т. А. Гридина // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. - №7. – С. 143-157

Гридина, Т. А. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 31-37

Гридина, Т. А., Коновалова, Н. И. Лингвокреативный потенциал эргономинаций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментально исследование / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы психолингвистики. – 2022. - №2 (52) – 45 с.

Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. – 369 с.

Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М.: Флинта, 2006. – 344 с.

Нухов, С. Ж. Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления / С. Ж. Нухов // Вестник Башкирского университета. – 2012. - № 1. – С. 165-170

Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 788 с.

Русский язык коронавирусной эпохи: монография / Т. Н. Буцева, Х. Вальтер, И. Т. Вепрева [и др.]. – С-Пб: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – 610 с.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевнико [и др.] / ред. коллегия Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. редактор) [и др.] – С-Пб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999

Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334с.

Федосеева Л. Н.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ГЛАГОЛОВ С ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье представлен взгляд на словообразование с функциональных позиций: оно способствует формированию лексических значений, группировке слов в отдельные функционально-семантические категории. С

использованием обширного иллюстративного материала проанализированы словообразовательные типы глаголов с локативной семантикой, образованных префиксальным способом. Сделан вывод о том, что в области словообразования устанавливаются системные отношения между лексикой и грамматикой.

Ключевые слова: словообразовательные типы, глаголы, локативность, функции.

Словообразование, являясь механизмом, существующим в языковой структуре и связанным с другими механизмами или уровнями языка, характеризуется специфическими лингвистическими функциями. «В отношении к лексическому уровню их две: конструктивная (или продуктивная) и интегративная. Конструктивная функция проявляется в пополнении и изменении словарного состава языка. Интегративная – обнаруживается в объединении слов на основе общности или близости их словообразовательного значения. Поскольку последняя функция одновременно и распределяет слова по соответствующим словообразовательному значению группам, разрядам, типам, постольку она является также и классифицирующей.

В отношении к морфологическому уровню можно говорить о вариативной функции словообразования, состоящей в модификации единого морфологического значения (предметности, качества, процесса) за счёт наложения на него значения словообразовательного.

Сказанное довольно чётко определяет место словообразования в структуре русского языка: с одной стороны, оно является связующим звеном между основным словарным фондом и грамматикой, с другой – направляет и упорядочивает формы и виды связей основного словарного фонда с общим словарным составом языка» [Ефремова 2005: 614 – 615]. Таким образом, словообразование способствует формированию лексических значений, группировке слов в отдельные функционально-семантические категории [Федосеева 2013].

Большую роль в передаче локативности у глаголов играют префиксы, характеризующиеся разнообразными функциями, например, приставка *из-* образует глаголы со значением движения откуда-нибудь, из пределов чего-нибудь: *изгнать*, *извлечь*, *излить*; приставка *в-* образует глаголы со значением направленности действия внутрь или на поверхность чего-нибудь: *входить*, *вбежать*, *влезать*, и т.д.

Более детально деривационные средства выражения локативности у глаголов представим, рассмотрев словообразовательные типы. «Под словообразовательным типом понимается схема построения слов, характеризующаяся общностью деривационного значения аффикса, который в сочетании со словами (или основами слов) одной или разных частей речи образует производные определённого лексико-грамматического, семантического, акцентного и экспрессивно-стилистического ряда. Словообразующей единицей (или формантом: *лат. Formantis* – «образующий») называется наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство из числа тех, которые в словообразовательной паре отличают каждое производное слово от его лексического предшественника, т.е. от его производящего. За словообразовательной единицей закрепляется деривационное значение, которое является компонентом структуры производного слова, имеет

связанный с категориальным и лексическим значениями характер, выявляется в рамках словообразовательного типа и определяется отношением элементов словообразовательной пары», – отмечает Т. Ф. Ефремова [Ефремова 2005: 617].

Для глаголов в данной сфере характерна префиксация. Активны агглютинирующие префиксы:

1) *в-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в глаголах совершенного вида со значением направленного вверх (на предмет) действия, названного мотивирующим словом, например: *вбежать (на вершину холма), ввезти (на гору), влезть (на крышу)*;

2) *вз-(вс-)/ взо-* – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «поднять (или подняться) вверх (или наверх) с помощью действия, названного мотивирующим словом», например: *вздёрнуть, взмахнуть, взойти, вскарабкаться, вспорхнуть* (иногда это значение уже заложено в мотивирующем слове, как *лохматить – взлохматить*);

3) *воз-/вос-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в глаголах несовершенного вида со значением «поднять (или подняться) вверх (или наверх) с помощью действия, названного мотивирующим словом», например: *возвести, воспарить*;

4) *из-/ис-* – довольно регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, выделяющаяся в глаголах совершенного вида со значением «выделить (или выделиться), удалить (или удалиться) откуда-либо посредством действия, названного мотивирующим словом», например: *изгнать, излить, истечь*; присоединяется к мотивирующей основе, принадлежащей глаголам несовершенного вида, примыкая непосредственно к корню;

5) *вы-* – довольно регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, выделяющаяся в глаголах совершенного вида со значением «покинуть место, удалить что-то посредством действия, названного мотивирующим словом», например: *выйти, выпрыгнуть, вывести*;

6) *низ-/низо-/нис-* – довольно регулярная, но непродуктивная, свойственная лишь книжной или устаревшей лексике словообразовательная единица, выделяющаяся в глаголах совершенного и несовершенного вида со значением «направить (или направлять) вниз – в прямом или переносном смысле – действие, названное мотивирующим словом», например: *низвести, низвергать, низводить, низлагать, низложить, низринуться, ниспасть*;

7) *пере-* – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «из одного места в другое или через что-либо направить действие, названное мотивирующим словом», например: *перевезти, перешвырнуть*;

8) *под-/подо-* ¹ – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «направить вниз, подо что-либо или совершить внизу, под чем-либо действие, названное мотивирующим словом», например: *подлезть, поднырнуть, подостлать, подплыть, подсунуть*;

9) *под-/подо-* ² – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «достигнуть какого-либо места (иногда доставить что-либо в какое-либо место), приблизить или присоединить что-

либо к чему-либо с помощью действия, названного мотивирующим словом», например: **подвести, пододвинуть, подкатить, поднести, подсесть, подсоединить**;

10) **при-** – довольно регулярная, но малопродуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «достигнуть какого-либо места, доставить что-либо в какое-либо место, приблизить или присоединить что-либо к чему-либо с помощью действия, названного мотивирующим словом», например: **привезти, придвинуть, приехать, приклеить, припать, приплыть, прихлынуть**;

11) **до-** имеет те же значения, что и **при-**, например: **доехать, доплыть, довезти, долететь**;

12) **от- (ото-)** – довольно регулярная, но малопродуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «начать движение от какого-то пункта», например: **отъехать, отбежать, отпрыгнуть**;

13) **с- (со-)**¹ – регулярная, но малопродуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «удалить (удалиться) с какой-либо поверхности с помощью действия, названного мотивирующим словом»: **сбросить, съехать, стащить**;

14) **с- (со-)**² – регулярная, но малопродуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «побывав где-то, вернуться в исходное место способом, названным мотивирующим словом», например: **сбегать, съездить, сходить**;

15) **у-** – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «удалить, удалиться или заставить удалиться откуда-либо с помощью действия, названного мотивирующим словом», например: **увезти, уйти, улететь, унести, упорхнуть, утащить**;

16) **за-**¹ – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «направление движения к месту позади ориентира способом, названным мотивирующим словом», например: **заехать (за дом), забежать (за сцену), зайти (за будку)**;

17) **за-**² – регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного и несовершенного вида со значением «движение с посещением какого-то места на недолгое время способом, названным мотивирующим словом», например: **заехать (в библиотеку), забежать (в магазин), зайти (в поликлинику)**;

18) **за-**³ – нерегулярная и непродуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «поместить что-то в труднодоступное место, располагающееся высоко, способом, названным мотивирующим словом», например: **забросить (на антресоли), закинуть (на чердак)**;

19) **про-** – нерегулярная и непродуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного и несовершенного вида со значением «двигаться вдоль или поперёк ориентира, под или над ним, сквозь него способом, названным мотивирующим словом», например: **проплыть (под мостом), пролетать (над городом), пройти (мимо парка), проезжать (по тоннелю)**;

20) **об- (обо-)** – нерегулярная и непродуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного и несовершенного вида со значением «круговое

движение вокруг ориентира или движение с поочерёдным посещением определённых мест», например: **обойти** (вокруг здания), **объезжать** (все достопримечательности) (Ефремова: 34 – 238).

Таким образом, глаголы в сфере локативности образуются от мотивирующих глаголов, обозначающих движение, действие в пространстве, с помощью префиксов, конкретизирующих направление, способ движения или действия.

Как видно из примеров, «многие приставки в глаголах выражают оппозиционные типы отношений: «приближение – удаление» (*доехать до дома, доплыть до берега – отъехать от дома, отплыть от берега*), движение по вертикали «вверх – вниз» (*вкатить на гору – скатить с горы*), движение по горизонтали «внутри – наружу» (*войти в дом – выйти из дома*); указывают на пространство, в котором перемещается предмет (*перебежать на другую сторону*), на способ преодоления препятствия (*перейти дорогу, пройти в дверь*)» [Засухина 1991: 32].

Глаголы с приставками, вносящими оттенки пространственного значения, часто сочетаются с именами существительными, обозначающими объект действия, посредством предлогов, из которых образовались эти приставки, или предлогов, близких к ним по значению. В таких случаях приставка вносит в семантику глагола идею директивности и направления движения, конструкция «предлог с именем существительным» является конкретизатором этого значения. По характеру конкретизации возможно выделение нескольких групп:

1) направление действия/движения внутрь/наружу обозначают глаголы с приставкой *в-*, обычно управляющие именами существительными при помощи предлога *в* (*вселить в квартиру, въехать в город, внести в дом* и др.), и глаголы с приставкой *вы-*, обычно требующие предлога *из* (*выглянуть из окна, вылететь из клетки, выкатить из гаража* и др.);

2) направление движения вверх к определённому ориентиру обозначают глаголы с приставкой *вз-* (*взо-*), управляющие именами существительными с помощью предлога *на* (*взлететь на воздух, взобраться на вершину, взойти на гору* и др.);

3) конечный пункт движения обозначают глаголы с приставкой *до-*, требующие предлога *до* (*добраться до дома, довести до вокзала, донести до остановки* и др.), глаголы с приставкой *при-*, требующие предлога *к* (*прирулить к старту, прибежать к финишу, прийти к месту встречи* и др.), глаголы с приставкой *под-* (*подо-*), требующие предлога *к* (*пододвинуться к столу, подплыть к берегу, поднести к обрыву* и др.);

4) начальный пункт движения обозначают глаголы с приставкой *от-* (*ото-*), требующие предлога *от* (*отплыть от берега, отбросить от себя, отодвинуть от стола* и др.), глаголы с приставкой *с-* (*со-*), требующие предлога *с* (*со*) (*сбросить со стола, скатиться с горы, сойти с пьедестала* и др.);

5) движение через какое-либо препятствие обозначают глаголы с приставкой *пере-*, требующие предлога *через* (*перебежать через дорогу, перевалить через хребет, переплыть через пролив* и др.);

6) направление движения к месту ниже ориентира обозначают глаголы с приставкой *под-* (*подо-*), требующие предлога *под* (*подойти под мост, подкатить под навес, подставить под крышу* и др.);

7) направление движения к месту позади ориентира обозначают глаголы с приставкой *за-*, требующие предлога *за* (*завернуть за угол, заехать за остров, забежать за дом* и др.).

Более детально представить корреляцию приставок и предлогов глаголов движения, перемещения, а также значений, им соответствующих, позволит Таблица 1.

Таблица 1

Глаголы	Вопрос	Предлоги
Входить / войти	Куда? К кому?	<i>В, к, на</i>
Въезжать / въехать	Куда? К кому?	<i>В, к, на</i>
Выходить / выйти	Откуда? Куда?	<i>Из, с, от, в, на</i>
Выезжать / выехать	Откуда? Куда?	<i>Из, с, от, в, на</i>
Приходить / прийти	Куда? Откуда?	<i>В, на, к, из, с, от</i>
Приезжать / приехать	Куда? Откуда?	<i>В, на, к, из, с, от</i>
Уходить / уйти	Откуда? Куда?	<i>Из, с, от, в, на</i>
Уезжать / уехать	Откуда? Куда?	<i>Из, с, от, в, на</i>
Заходить / зайти	Куда? К кому?	<i>В, на, к</i>
Заезжать / заехать	Куда? К кому?	<i>В, на, к</i>
Доходить / дойти	Куда? До чего?	<i>До</i>
Доезжать / доехать	Куда? До чего?	<i>До</i>
Переходить / перейти	Через что? Куда?	<i>Через, в, на</i>
Переезжать / переехать	Через что? Куда?	<i>Через, в, на</i>
Проходить / пройти	Мимо чего? Сквозь что? Между чем? Рядом с чем? И др.	<i>мимо, сквозь, между, рядом с и др.</i>
Проезжать / проехать	Мимо чего? Сквозь что? Между чем? Рядом с чем? И др.	<i>мимо, сквозь, между, рядом с и др.</i>
Подходить / подойти	Куда? К чему?	<i>К, в</i>
Подъезжать / подъехать	Куда? К чему?	<i>К, в</i>
Отходить / отойти	От чего?	<i>От</i>
Отъезжать / отъехать	От чего?	<i>От</i>
Обходить / обойти	Что? Вокруг чего?	<i>Вокруг</i>
Объехать / объезжать	Что? Вокруг чего?	<i>вокруг</i>

Речь идёт о деривационных значениях и словообразовательных средствах выражения локативности. Однако рассматриваться как самостоятельные они не могут: морфемы реализуются только в составе слова, в значении его основы (речь идёт о мотивированных, то есть производных, вторичных, значениях, которые выводятся из значений производящей основы и словообразовательных аффиксов). Следовательно, словообразовательные средства нельзя рассматривать в отрыве от морфологических. Именно в области словообразования устанавливаются системные отношения между лексикой и грамматикой.

Источники

Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 636, [4] с.

Литература

Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 636, [4] с.

Засухина, Т. П. Пространственная семантика предлогов, приставок, падежей в современном русском языке. Учебное пособие / Т. П. Засухина. – Уфа, 1991. – 79 с.

Федосеева, Л. Н. Категория локативности в современном русском языке / Л. Н. Федосеева. – Рязань: РИО РязГМУ, 2013. – 385 с.

РАЗДЕЛ II. ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРАКТИКЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Боброва М. В.

НАИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена словарям, составленным так называемыми наивными (непрофессиональными) лексикографами. На примере словариков, подготовленных краеведами-любителями в Пермском крае, показано, что, в соответствии с установками авторов, такие работы служат средством сохранения и формирования региональной идентичности. Достигается это, прежде всего, за счет включения региональной (диалектной) лексики и фразеологии, значительной доли этнографического компонента. Так реализуются основные задачи: сохранение исторической памяти, обеспечение преемственности поколений и поддержание любви к малой родине.

Ключевые слова: филологическое краеведение, наивная лексикография, диалектология, региональная идентичность, Пермский край.

Вероятно, любой диалектолог, участвовавший в экспедициях, знает о большом интересе сельчан к изучению своей малой родины. Практически в каждом более или менее крупном населенном пункте есть энтузиасты, которые целенаправленно занимаются краеведческой работой, часто – публикуют результаты своего труда. Непрофессионализм таких исследований компенсируется искренним желанием собирателей сохранить и передать потомкам знания о жизни их предков. Как следствие, в местных условиях так называемые наивные краеведы способствуют не просто сохранению, но и формированию региональной идентичности жителей. Продемонстрируем это в настоящей статье на примере наивных словарей, подготовленных жителями Пермского края (см. список источников).

Труды непрофессиональных краеведов представляют разные жанры, а иногда объединяют несколько из них. Чаще всего это сборник мемуаров, который сопровождается справочной информацией, архивными материалами. Но для нас наиболее значимо то, что имеют место также филологические изыскания, поскольку краеведы-любители интуитивно ощущают «особость» местной жизни не только в каких-то этнографических деталях, но и в местной речи. Наблюдения обычно оформляются в виде самостоятельных словариков или словариков, сопровождающих краеведческое издание. Это могут быть большие исследовательские работы, публикуемые в виде книжной продукции, учебные работы в форме школьных рефератов, выполненных под руководством краеведов-учителей, специально собираемые списки местных слов или просто «записи на память», иногда и на клочке бумаги.

Труды наивных (непрофессиональных) лексикографов привлекали внимание лингвистов, которые указывали на значимость таких работ для филологической

науки, например, в [Березович 1997, 2003; Блинова 1984; Мороз 2010; Ростова 2000], др. К этой теме обращались ранее и мы, рассмотрев типологические, жанровые, лексикографические особенности образцов наивной лексикографии Пермского края [Боброва 2020а, 2020б, 2022а, 2022б]. Наивным словарям была посвящена кандидатская диссертация «Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект» и монография «Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание» Е. Д. Бондаренко [Бондаренко 2014, 2021], которая в настоящее время работает над созданием свода любительских словарей, составленных жителями Русского Севера [Бондаренко 2019]. Однако, считаем, и сейчас актуальна мысль о том, что «любительские словари – пока недооцененный источник» [Березович, Толстая 2019: 497].

Специфику словарей наивных лексикографов определяют уже целеустановки составителей. Прежде всего это интенция меморативная («интенция памяти»), этнографическая, энциклопедическая, переводная, идеолого-популяризаторская (см. об этом [Бондаренко 2014]). Личные беседы с составителями пермских словариков, анализ вступительных авторских комментариев позволяют добавить к этому ряду установки психологические, историографические, философские (гносеологические), вплоть до поиска истины как смысла жизни; в частности, это увековечивание истории рода и малой родины, потребность в самореализации, утверждение активной жизненной позиции (главным образом пенсионеров), выражение патриотических чувств и др. Особенно остро ставится вопрос о необходимости сохранения связи поколений, преемственности традиций. Ср. комментарии в предисловиях:

«Географические названия — творчество народа, драгоценные свидетели исторических событий, бережные хранители языковых древностей, объективные информаторы о географической среде. Географические названия появлялись не случайно. Они вобрали в себя исторические или географические реалии» (МСН: 3); «Интерес к жизни наших предков, отражённой в народном словотворчестве, не угас. Он, как искорка от костра, сберегался в тайниках народной души... Вот и теперь с возрождением духовных сил народа — мы вольно или невольно ощущаем потребность в Истине. А Истина заложена не только в книгах Святого Благодетеля, но и во всем том, что обращает нас к истокам простого народа, к его обычаям, традициям, к поэтическому языку, к чистому деревенскому слову. Хорошее образное слово, оберегаемое в пословице, поговорке и меткой фразе, как осколок забытого чуда, имя которому — народный язык» (АЯ: 3); «В быту еще встречаются слова и целые выражения, которые характерны для всего Пожинского поселения, но уже удивительны и непонятны молодежи... Родной язык — глубокий, богатый, напевный, точный» (ПРД: 74); «Почувствовать атмосферу эпохи позволяют, конечно, прежде всего документы. Но и слова, простые слова — это тоже зеркало жизни... Что значили эти слова для наших предков? Что значат они для их потомков? В данный словарь включены слова и из повседневной жизни жителей наших деревень. Уж очень она отличалась от современной» (БА: 285).

Будучи трудом филологической направленности, наивные словари значимы уже тем, что отражают региональную лексику и фразеологию, акцентологические, грамматические, лексические, семантические особенности местной речи. Ср.,

например, данные одного только источника – списка слов и выражений, составленного библиотекарями с. Юрла (с преимущественно русским населением) Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края: а) лексические диалектизмы ⁶: *А́прак* – толк, умение; *Ду́пелька* – высокая и узкая кадка; *Ек* – больно (из коми-пермяцкого); *Запе́ткать* – запихать; *Чёмор* – к черту (из коми-пермяцкого), др.; б) семантические диалектизмы: *Дозо́рить* – навестить, попроведасть; *Колупа́ть* – чистить, очищать (картошку); *Оси́ял* – надоед, победил, др.; в) фонетические диалектизмы: *Е́дак* – так [т. е. этак]; *Пантю́х* – медлительный человек; *Са́пнуть* – схватить, др.; г) грамматические диалектизмы: *Гостя́шка* – пуговица; *Изнима́т* – ломит, болит, ноет; *Опочини́ть* – заштопать; *Па́стью* – открыто (например магазин), др.; д) диалектные фразеологизмы: *В шай пасть* – растеряться; *Пойти на вёшалы* – пойти в опасное место, куда ходит рискованно; *...ка́менное ве́дро* – солнечная погода, стоящая не одну неделю; *Сделать ду́йки* – быстро убежать, др. (ДЛЮ). Особенно значимы лексемы, не зафиксированные ранее или уточняющие форму и (или) семантику слов, географию их распространения, ср.: *Заурывно* – выполнить работу быстро, в один рывок. (*Заурывно писала – глаза устали*) (МО: 75) – и *уры́вно* ‘время от времени, нерегулярно; урывками’, ‘с большим напряжением сил’ (СРНГ 48: 22); *КОглина* – льняное семя вместе с головками (СК: 462) – и *ко́глина* волог. ‘льняная мякина’, арх. ‘оболочка семенных головок льна’ (СРНГ 14: 43); *Напыряла* – хотела сделать (МРИ, 77) – и *напы́рять* ‘нашвырять, набросать’ (СРНГ 20: 115); *Перболокчись* – переодеться (ЗК: 294); *хАрый* = хороший (СВО).

Такие фиксации реконструируют речевой портрет жителя Пермского края, территории вторичного заселения его русскими – выходцами преимущественно с Русского Севера, многонационального региона, языковой облик которого формировался на протяжении столетий в условиях взаимодействия множества народностей и национальностей, а также разнообразных социокультурных групп (в частности, по причине того, что край издавна был местом ссылки преступников или неугодных власти лиц, пристанищем бежавших от преследования староверов и других из разных регионов).

Особо подчеркнем значимость этнографического компонента, столь весомого в работах всех краеведов. Естественно, что специфика местного быта отражается главным образом в записях воспоминаний сельчан об их жизни в прошлые периоды. Однако такого рода информация проникает и в словарные материалы.

Важен уже отбор слов составителями, которые пытаются воссоздать быт и бытие в предшествующие периоды, обыденность и, глубже, – «дух эпохи». Ср., например, в своеобразном «историческом» словаре (БА), составленном Н. С. Вайнгандт, которая пыталась отразить в своем труде особенности жизни односельчан во время Великой Отечественной войны и включила в словарик не только местные слова, но и такую лексику, как *ангина асептическая (септическая)*, *вероломный*, *памятник*, *память*, *патриотизм*, *подвиг*, *суррогат*, *трудоармия*, *трудовой фронт*, *уполномоченный*, *эвакуационный госпиталь*, *эвакогоспиталь* и под. (Там же: 285–292). Однако словарик безусловно интересен тем, что наполнен прежде всего региональной лексикой разных тематических групп, в числе которых: слова,

⁶ В иллюстрациях из анализируемых источников сохраняется авторская орфография и пунктуация.

отражающие местные кулинарные особенности и традиции (*ала́шки* [т. е. *олажки*] ‘олады’, *алябушка* [т. е. *олябушка*] ‘хлеб с мякиной’, *кулики́* ‘вид открытых пирожков: род шанежки с картофельным пюре на тонком сочне с поднятыми краями с защипами’,⁷ *чай женить* ‘заваривать чай второй раз’), названия обуви, одежды (*лопоть* ‘общее название не верхней одежды, в т. ч. белья’, *брóдни* ‘плетеная из лыка обувь типа галош’, *га́сник* ‘веревочка, шнурок для ношения крестика’, *шу́бенки* ‘рукавицы из шубы (овчины)’, т. е. ‘рукавицы, сшитые мехом наружу’), названия насекомых (*меду́нка* ‘шмель’), мифологическая лексика (*ба́бка* ‘знахарка, лечащая травами’, *изуру́чить* ‘сглазить’), метеорологическая лексика (*па́дера* ‘буря с вихрем, дождём, снегом, зимнее ненастье, снег и ветер’), абстрактная лексика (*бо́льно ну́жно* ‘совсем не нужно’, *у́повод* ‘время работы в один прием’), географические термины (*зауви́я* ‘всегда затененное место, где плохо растут растения’), названия орудий труда (*бастри́г* ‘жердь, которой прижимают сено на возу’, *мутовка* ‘приспособление для взбивания, изготовленное из суковатой вершинки молодой сосны’), др.

Любопытен с этой точки зрения словарь «От “Авось” до “Яриться”», заявленный как диалектный (словарь одной деревни) и включающий, однако, ряд историзмов и архаизмов, книжную лексику, в т. ч. *батрак*, *вкупе*, *ВЛКСМ*, *генсек*, *дескать*, *доселе*, *кабала*, *пионер*, *СССР*, *фунт*, *юнкор* и под. (АЯ).

Нередко лексикографами-любителями слово сопровождается не традиционным лингвистическим толкованием, а широким контекстом энциклопедического характера, ср.:

Баня по-чёрному. До середины XX века печи в банях делали без трубы. Из камней выкладывали каменку, встраивали в неё котёл, где нагревалась вода для мытья. Дым выходил через приоткрытую дверь и через мурейку – отверстие в стене под потолком. На раскалённую каменку бздавали, т.е. из ковшика плескали воду для пара и парились веником. Над каменкой прожаривали одежду для выведения вшей. В Бормисте [деревня в Чайковском районе Пермского края] на берегу такая баня сохранилась до сих пор (на 2019 год) (БА: 286); ВатОла – тканое полотно. Оно готовилось из льняной толстой пряжи. Затем шивалось в 2 полотна, чтобы было шире. Использовалось как одеяло, половик (МРО: 219); Еловчики, сосновчики. Бутончики цветка елки, сосны, пригодные для употребления в пищу в качестве витаминов. “А ещё лучше были пихтовчики. Только всё это можно было есть, пока они не переросли, не распушились”. Замечательное витаминное подспорье после долгой зимы и суррогатной пищи (БА: 287); ДупЁлко – выдолбленный ствол дерева (липы). С одной стороны вставлялось дно. В этой посуде хранили мёд, муку, прочие продукты (АЯ: 9); Лавка. 1. Широкая, до полуметра, толстая доска намертво прикреплялась к стене и полу. В каждой избе было, как правило, две лавки — одна вдоль передней стены, другая вдоль боковой. На них сидели и спали. Скамейка — переносная лавка. 2. Магазин (БА: 288); Мама ста́ра, Ма́монька, Мамочка. Так в наших семьях уважительно называли бабушку (Там же); Млит. Мерещится, видится, кажется. (Обычно о покойниках) (Там же: 289); Очеп. Специально изготовленная жердь из молодого нетолстого гибкого деревца (берёзы), ошкуренная и просушенная, длиной три-четыре метра. Один конец очепа вкладывался в кольцо, закреплённое на потолке. К другому длинному концу при помощи четырёх

⁷ Курсивом приведены авторские толкования слов.

верёвочек прикрепляли зыбку (Там же); Парёнки. Пареные в печи овощи: репа, калега, морковь, свёкла. Иногда их подсушивали и ели как десерт. И вкусно, даже сладко, и полезно (Там же: 290); Плат. Кусок холста. Мама рассказывала, что их раньше богатыми считали, а у женщин на голове платок не бывал, все платы носили (ПРД: 142); Рубель. Деревянный каток с зубцами на нижней поверхности длиной до 60 сантиметров, шириной 10–12 сантиметров, с ручкой-черенком на конце. Инструмент для прокатывания–размягчения и разглаживания постиранного и высушенного белья. Прообраз утюга. Применялся только в паре с катком, на который наматывалось бельё (обычно самотканое, портяное) (БА: 291), под.

Предлагаемые авторами толкования и контексты интересны также тем, что могут включать региональную лексику и конструкции, которые, вероятно, не осознаются наивными краеведами как территориально ограниченные. Ср. выше: *калега, пихтовчики, на голове не бывал, портяное.*

Имена собственные дают местным жителям и их односельчанам-краеведам повод для размышлений об истории географических объектов, населенных пунктов, благодаря чему рождаются народные этимологии названий. Ср., например, в географическом словаре «Милые сердцу названия»: **«Малая Соснова – Расположены фермерские хозяйства. Имеются пруды для разведения рыбы.** Населённый пункт расположен на речке Соснова. <...> Название деревни произошло от названия речки Соснова, которая в свою очередь названа так потому, что здесь в обилии произрастает сосна. Почему Малая, тоже понятно. Потому, что есть неподалёку крупное село Сосново. Хотя жители Сосново говорят, что название их села произошло не от слова «сосна», а от слова «основа», т. е. начато с «основы», заново. Второе название М-Сосновы — Паздерки. В «Толковом словаре» В. Даля слово «паздерить» означает драть, сдирать, отдирать (паздерить лыко). Может быть, в этих местах драли лыко. А ещё — «паздерники» – холодный северный ветер, оголяющий деревья. Может быть, эта местность продувается холодными ветрами...» (МСН: 10–11).

Безусловно, словарики краеведов-любителей не отвечают, а когда-то и противоречат научным принципам по формальным критериям, однако дают богатейший материал для диалектной лексико- и фразеологии, социологии и социолингвистики, этнографии и этнолингвистики, психологии и психолингвистики, лингвопрагматики и других направлений современной науки. В словариках непрофессиональных лексикографов мы обнаруживаем региональную лексику, разнообразную и очень значимую информацию о культуре питания, о быте, о суеверных представлениях, об этических нормах местных жителей и т. д. Такие работы способствуют сохранению, а вместе с тем формированию в восприятии молодежи, на воспитание которой в первую очередь нацелены краеведы-энтузиасты, определенного «образа» описываемого региона, местности, населенного пункта, его жителей. И это не просто «портрет» с ярко выраженной региональной идентичностью, а «портрет», сохраняющий определенные социокультурные, историко-культурные, историко-социальные связи поколений и обеспечивающий их преемственность, поддерживающий любовь к малой родине.

Источники

- АЛВ – Альянш – лебединая верность / ред.-сост. Н. С. Вайгандт. – Ижевск, 2014. – 496 с.
- БА – Бормист, Альянш в тылу и на фронте / ред.-сост. Н. С. Вайгандт, Т. И. Кокорина. – Чайковский, 2019. – 320 с.
- ПРД – Гусева, К. П. Поклонись родному дому / К. П. Гусева. – Пермь, 2008. – 257 с.
- ДЛЮ – Диалектная лексика с. Юрла Коми-Пермяцкого округа Пермского края: рукопись (копия) / сост.: работники Юрлинской сельской библиотеки. – Юрла, 2013. – 233 слов. ст.
- МРИ – Малой Родины история: словарь поселений Верхней Язьвы / сост. Т. А. Собянина, Е. А. Ванькова. – Верх-Язьва, 2015. – 19 с.
- МО – Место отчее / сост. В. А. Кудымова и др. – Пермь, 2011. – 124 с.
- МСН – Милые сердцу названия: Географический словарь / сост. Н. Д. Глухова. – Фоки, 2009. – 23 с.
- МРО – Мы родом отсюда. Деревня Коряки глазами современников: документальное повествование / ред.-сост. Л. Е. Чуданова; лит. ред. Л. В. Оглезнева. – Чайковский, 2015. – 236 с.
- АЯ – От «Авось» до «Яриться»: словарь говора села Степаново, деревень Митино и Коряки Чайковского района Пермского края / сост. Л. Е. Чуданова и др. – Чайковский, 2019. – 31 с.
- СВО – Пешехонов, Г.П. Слова, вышедшие из обихода, собранные жителем д. Искор Чердынского района: рукопись (копия) / Г.П. Пешехонов. – Искор, 2009. – 286 слов. ст.
- ЗК – Русин, В. М. Земля куединская: история района от заселения до наших дней в рассказах / В. М. Русин. – Пермь, 2020. – Книга 1. – 368 с.
- СК – Село на ключах: история села Степаново Чайковского района в документах, воспоминаниях и фотографиях. Документальное повествование в двух частях. – Чайковский, 2018. – 499 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1965 –. (Продолжающееся издание).

Литература

- Березович, Е. Л. Диалектный словарь М. С. Устиновой (лексика диалекта глазами диалектоносителя) / Е. Л. Березович // Актуальные проблемы полевой фольклористики / ред. кол.: А. А. Иванова (отв. ред.) и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 267–277.
- Березович, Е. Л. М. С. Устинова как языковая личность (к публикации авторского диалектного словаря) / Е. Л. Березович // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры, 1995–1996 / редкол.: А. К. Матвеев (отв. ред.) и др. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. – С. 128–137.
- Березович, Е. Л., Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения / Е. Л. Березович, С. М. Толстая // Slovene. 2019. – № 1. – С. 486–525.
- Блинова О. И. Носители диалекта – о своем диалекте (об одном из источников лексикологического исследования) / О. И. Блинова // Сибирские русские говоры. – Томск, 1984. – С. 3–15.

Боброва, М. В. Наивная лексикография сельских жителей Пермского края (Россия) / М. В. Боброва // *Gwary Dziś*. – Vol. 12. – 2020a. – С. 69–80. – DOI: 10.14746/gd.2020.12.5.

Боброва, М. В. Наивная лексикография: свой vs. чужой (на материалах Пермского края) / М. В. Боброва // *Свое-чужое: опыт культурного взаимодействия: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Строгановские чтения – XVI»*, 20 ноября 2020 г., г. Усолье / редкол.: И. А. Подюков и др. – Усолье: [б. и.], 2020б. – С. 5–9.

Боброва, М. В. Наивная лексикография как источник пополнения диалектных словарей / М. В. Боброва // *История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сб. науч. ст. / ред. колл. Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Е. В. Пурицкая*. – СПб.: ИЛИ РАН, 2022а. – С. 254–261.

Боброва, М. В. Наивные словари как диалектный источник / М. В. Боброва // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022* / отв. ред. С. А. Мызников. – СПб.: ИЛИ РАН, 2022б. – С. 27–46.

Бондаренко, Е. Д. К составлению свода любительских словарей говоров Русского Севера / Е. Д. Бондаренко // *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы* / ред. С. М. Толстая. – М., 2019. – С. 354–384.

Бондаренко, Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: дисс. ...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2014. – 371 с.

Бондаренко, Е. Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание / Е. Д. Бондаренко. – М.: Индрик, 2021. – 584 с.

Мороз, А. Б. «Старинные слова» в школьной тетрадке / А. Б. Мороз // *Живая старина*. – 2010. – № 1. – С. 19–21.

Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.

Большакова В. В.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ В. И. БЕЛОВА

Аннотация. Выбор писателем имён для своих персонажей обусловлен необходимостью создания иллюзии реальности описываемых событий, чем и определяется соответствие литературных онимов (антропонимов и зоонимов) реально существующим. Авторское повествование отражает как точку зрения взрослого, так и ребёнка, маркерами переключения фокусов (точек зрения) в субъектной организации текста являются формы и структурные модели имён.

Ключевые слова: В. И. Белов, ономастическое пространство, детские рассказы.

Изучение имён собственных как важнейших лексических единиц художественного текста предполагает рассмотрение структуры ономастического пространства, то есть всех имён собственных, используемых автором в своём

произведении или творческом наследии в целом. Приёмы номинации персонажей напрямую соотносятся с авторской позицией.

В. И. Белов в своём творчестве продолжает традиции детской литературы, многие его произведения написаны специально для детей или вошли в круг детского чтения.

Как подмечает исследователь творчества В. И. Белова Л. В. Широкова, обращаясь к теме детства, писатель размышляет о становлении человека, о нравственных основах жизни: «Дети воплощают в его рассказах лучшее начало. Они чутки сердцем, бескорыстны, открыты. Вместе с тем герои Белова ощущают своё внутреннее сиротство, им знакомо чувство безграничного одиночества. Социальные проблемы хотя и не являются у Белова ведущими, но отражают противоречия общественного устройства: разрыв семейных отношений, проблемы урбанизации. В этих условиях деревенское детство является прививкой от беспамятства, безнравственности и бездуховности» [Широкова 2017: 13].

В данной работе объектом анализа стали детские рассказы в сборниках: «Про Мальку: рассказы», «Рассказы о всякой живности», а также отдельные рассказы – «Кони», «Скворцы», «Катюшин дождик», «Валдай и Валетко».

При полевом структурировании онимического пространства литературных произведений для детей антропонимы располагаются в ядерной зоне, зоонимы относятся к околядерной зоне, но в определенных случаях – и к ядру: в тех случаях, когда главным действующим лицом выступает в рассказе не человек, а животное.

Художественная действительность в рассказах вторична по отношению к реальной, поэтому в основном имена персонажей в детских рассказах В.И. Белова заимствуются из реальной онимической системы или создаются по существующим ономастическим моделям на базе апеллятивной лексики.

Имена персонажей-детей по своей форме, как правило, противопоставляются именам персонажей-взрослых. Так, детские имена представлены чаще диминутивными формами (*Стасик, Минька (Миня), Павлуня, Катюша, Лёнька*), а имена взрослых – полными формами (*Марья, Лидия, Елена, Капитолина Ивановна*).

Рассмотрим структурные типы номинации персонажей-взрослых:

1. Тип номинации «личное имя + отчество + фамилия» в рассказах В. И. Белова не является распространенной формой наименования персонажей: «В конторе открыли новый лицевой счет на имя *Ивана Александровича Петрова*, но никто, кроме председателей, не называл его по имени: только и слышно было – *Лабутя да Лабутя*» «Кони» (Белов 1: 356). «Учительница *Капитолина Ивановна*, прозванная ребятами *Капушкой*, стояла у окна, спиной к классу» «Мальчики» (Белов 5: 540). Как мы можем наблюдать, автор подчёркивает нетипичность полной модели именования по имени и отчеству (фамилии) и, напротив, типичность прозвищной номинации как в целом в деревенском социуме (*Лабутя*), так и в детском коллективе (*Капушка*).

2. Следующий тип номинации представляют антропонимы, образованные по модели «имя + характеристика носителя», которая в свою очередь предстает в разных подтипах («имя + апеллатив» или «апеллатив + имя»): *Хомутовская бабка, дедко Остахов, бабушка Марья, брат Павлуня*. В качестве апеллатива может выступать термин родства – «Не зря *дедко Остахов*, который жил на отшибе, в конце недели

называл Федю “курьером”» «Курьер» (Белов, Т. 5: 477), а также обозначение социального положения: «Она жила у одинокой пенсионерки Лидии» «Верный и Малька» (Белов 5: 478).

3. Номинация женщины среднего и старшего возраста по отчеству, типичная для деревенского социума, заключена в контекст, передающий точку зрения ребёнка, оценивающего «странности» моделей именования окружающих его взрослых: «Зовут жену *Еленой*, а он почему-то все время величает *Егоровной*. Хотя *Егоровне* сорок лет и она даже не помышляет о пенсии – работает дояркой» «Рассказы о всякой живности» (Белов 5: 476).

4. Диминутивы встречаются и при именовании взрослых, но в данном случае очевидна точка зрения автора: «*Федя* живет в большом деревенском доме вдвоем с женой»; «С *Федей* мы познакомились, как он говорит, «на базе рыбной ловли. База эта была главной, но, разумеется, не единственной. Я ночевал у *Феди* и зажил на несколько дней» «Рассказы о всякой живности» (Белов 5: 476).

5. Разнообразны прозвищные номинации в моделях именования взрослых.

Женские прозвища представлены производными от имени (прозвища) мужа с суффиксом *-их*: «Да что *Павлуня*, даже пожилая *Гуриха*, которая каждый день ходит за водой мимо скворешника, и та после такой свистули останавливается» «Скворцы» (Белов 5: 512). «– Ох ты, *Немытая рож*а! – сразу начала *бабка Клювиха*. – Ох ты *неслух*, *Безотцовщина*» «Каникулы» (Белов 5: 574). «Ох и ругалась же эта *Клювиха*!» «Каникулы» (Белов 5: 562).

В речи детей создано прозвище учительницы от женского имени *Капитолина* – *Капушка* «Мальчики» (Белов 5: 540). Суффикс *-ушк* придаёт прозвищу уменьшительно-ласкательную форму, что говорит о хорошем отношении к учительнице её учеников.

В основу прозвища *Ивана Александровича Петрова Лабутя* положено диалектное слово *лабуты* «старая изношенная обувь», известное в вологодских говорах (СВГ Вып. 4: 31).

Ситуативное насмешливое прозвище дано следующему персонажу: «“*Серёга, где твоя дорога*”, как его называли, был шофер, возил председателя и каждый вечер ходил к учительнице» «Кони» (Белов 1: 355).

Модели именования персонажей-детей представлены следующими видами:

1. Именование по личному имени в диминутивной форме: *Минька, Ленька, Стасик, Павлуня, Катюша*.

Интересны наблюдения за подобными именами в разных типах авторского повествования в субъектной организации текста. Это может быть прямая речь персонажей-взрослых: «– *Минька! Минька*, бес, кому говорят, ступай домой. Самовар давно на столе» «Каникулы» (Белов, Т. 5: 555); «– *Всяко, брат Павлуня*, бывает, – повторил отец, – в любой жидкости примеси есть» «Скворец» (Белов 5: 509); прямая речь персонажей-детей: «– *Ленька*, а ты чего? Давай, нечего жадничать» «Однажды весной» (Белов 5: 477).

Но чаще мы видим употребление диминутивов в несобственно-прямой речи персонажей-детей, где они выступают маркером детской речи и отражают восприятие окружающего мира ребёнком: «Да что *Павлуня*, даже пожилая *Гуриха*,

которая каждый день ходит за водой мимо скворешника, и та после такой свистули останавливается» «Скворцы» (Белов 5: 512); «Мама пошла на кухню ставить самовар, а *Катюша* долго думала, как она будет большая» «Катюшин дождик» (Белов 5: 474).

2. Именование по личному имени и прозвищу, шуточному созвучию в рифму: «*Стася-карася*, Нога оторвалася» «Каникулы» (Белов 5: 563).

3. Именование по одной фамилии, что типично, например, в школьной среде в речи персонажей-детей: «– Капитолина Ивановна, *Комлев* вертится! – слышалось с крайней парты» «Мальчики» (Белов 5: 541). Но подобное именование встречается и в несобственно-прямой речи детей, где выполняет функцию группировки персонажей в тексте и обозначает фокус говорящего на именуемого в субъектной организации рассказа: «Минька, Стасик и *Хомутов* перешли в шестой класс. Правда, *Хомутов* остался на осень по русскому, вот козёл!» «Каникулы» (Белов 5: 555).

Функциональные различия онимов в детских рассказах В. И. Белова дают основание разграничивать онимы на сквозные, то есть повторяющиеся в нескольких рассказах, и онимы единичные. В связи с таким разделением литературных онимов В. В. Бардакова предлагает различать имена-вехи, факультативные и фоновые имена [Бардакова 2011].

В соответствии с этой терминологией к текстовым смысловым вехам – ключевым (опорным) словам текста – относятся именовании главных персонажей: антропонимы *Стасик*, *Минька* и *Хомутов* в сборнике «Рассказы о всякой живности» и зооним *Малька* в рассказах про Мальку: «Малька – это такая злющая собачонка, что хуже уже некуда. Сама маленькая, ножки что спички и очень кривые, а злости больше, чем у тигра» «Верный и Малька» (Белов 5: 478).

Ономастический фон детских рассказов В. И. Белова составляют имена второстепенных персонажей, клички животных, которые лишь упоминаются в одном из рассказов и не выполняют никакой сюжетной нагрузки. Так, например, учительница *Капитолина Ивановна*, прозванная ребятами *Капушкой*, в цикле «Рассказы о всякой живности» упоминается единожды.

В свою очередь зоонимы, используемые писателем в рассказах, позволяют рассмотреть некоторые признаки номинации животных, отражающие, безусловно, основные приёмы номинации в реальном зоонимиконе.

1. Распространённые, типичные именовании для домашних собак и кошек: *Тузик*, *Шарик*, *Муська*, а также для поросёнка – *Кузя* и для козла – *Душной*.

2. Мотивированные клички, говорящие о каких-либо внешних свойствах животного или его повадках, характере: *Малька* (маленькая злющая собачонка), *Рыжко* (рыжий кот), *Заплаткин* (весь пестрый, будто в заплатках, кот).

3. В литературном, как и в реальном, зоонимиконе велика доля антропоморфных имен, или антропозоонимов, например, клички меринов: *Дьячок*, *Евнух* и *Фока*.

Следует отметить, что клички лошадей представлены в большом количестве в детских рассказах, как и в других произведениях В. И. Белова, что связано с особым отношением сельских тружеников к коню как к незаменимому помощнику в тяжёлой повседневной работе. В цикле рассказов для детей встречаются такие иппонимы, как *Верный*, *Гуска*, *Аниса*, *Верея*, *Зоря*.

4. Писателем используются также нетипичные клички собак – *Валдай* и *Валетко*, коровы – *Поляна*.

Таким образом, в художественном ономастическом пространстве рассказов для детей с помощью имён собственных (антропонимов и зоонимов) В. И. Беловым воссоздается конкретный и в то же время уникальный мир. Авторское повествование отражает как точку зрения взрослого, так и ребёнка. Имена, которые автор выбирает для своих персонажей (и людей, и животных), соответствуют реально существующему онимикону, благодаря чему в тексте рассказов создаётся иллюзия реальности описываемых событий.

Источники

Белов 1 – Белов, В. И. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 1: Стихотворения и поэмы. Повести. Рассказы. / В. И. Белов. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – 608 с.

Белов 5 – Белов, В. И. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 5: Очерки. Произведения для детей. / В. И. Белов. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – 632 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ/ ВГПУ, 1983–2007.

Литература

Бардакова, В. В. Ономастическая деталь в произведении детской литературы / В. В. Бардакова // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onomasticheskaya-detel-v-proizvedenii-detskoy-literatury> (дата обращения: 20.09.2023). – Текст : электронный.

Широкова, Л. В. Василий Белов как автор литературы для детей / Л.В. Широкова // Литература в школе. – 2017. – № 9. – С. 11-14.

Военушкина Е. А.

СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ДОСТОВЕРНОСТИ В СЕВЕРНОРУССКИХ БЫЛИЧКАХ

Аннотация. В данной статье лингвистическая категория достоверности рассматривается с точки зрения мультимодальной лингвистики. Кроме традиционных лингвистических способов выражения, а именно тесной связи достоверности с лексико-грамматической категорией модальности в устной речи обнаруживаются невербальные средства выражения. На материале севернорусских быличек анализируется, какие просодические и визуальные элементы речи помогают говорящему быть наиболее достоверным и убедительным.

Ключевые слова: мультимодальная лингвистика, лингвофольклористика, фольклористика.

С точки зрения функциональной грамматики достоверность является категорией, которая выражается определенными языковыми средствами. Компонент

значения достоверности может выражаться средствами различных языковых уровней, а именно лексическими, морфологическими и синтаксическими единицами.

«В русском языке основными являются лексические средства разных типов: а) модальные слова типа вероятно, возможно, может быть и т. п.; б) модальные частицы разве, неужели, ведь, да, же и др.; в) предикаты мнения типа думать, полагать; г) модальные глаголы и предикативы мочь, можно, должен» [Бондарко 1990: 159]. Значение достоверности может выражаться специальными грамматическими формами и некоторыми синтаксическими моделями высказываний. Стоит отметить, что семантически сильным является элемент недостоверности – специфическое выражение сомнения участника коммуникации.

Говорящий оценивает содержание своего высказывания относительно происходящего в реальной действительности. Степень достоверности определяется анализом и последующей оценкой полноты своих знаний и квалифицируется говорящим как соответствующая или не соответствующая реальному положению дел.

Пропозиция, лежащая в основе высказывания может оцениваться с точки зрения объективности, то есть, откуда говорящий получил информацию:

А) непосредственная – опирается на собственный опыт говорящего;

Б) косвенная – путем умозаключений говорящий может оценить произошедшее событие;

В) информация, полученная «из вторых рук» – пересказанная говорящему, и поэтому субъектом оценивания ситуации может быть другой человек [Там же: 162-163].

Важным семантическим компонентом в структуре достоверности является микрополе истинности, когда говорящий самостоятельно оценивает содержание высказывания, как соответствующее или не соответствующее реальной действительности. Таким образом, данный компонент может расцениваться как субъективное мнение говорящего. Выделяются следующие компоненты:

А) ситуация простой достоверности: говорящий полагает, что пропозиция, содержащаяся в высказывании, не нуждается в пояснении и дополнительном обосновании, соответственно оценивается как произошедшая в реальной действительности.

Б) ситуация категорической достоверности: по шкале истинности в данной ситуации появляется невыраженный элемент сомнения, который должен быть нивелирован категорическим и уверенным подтверждением пропозиции высказывания. Средствами выражения такой ситуации являются модальные модификаторы: *действительно, правда, точно* и т.п.

В) ситуация проблематической достоверности: говорящий напрямую выражает сомнение и неуверенность в истинности транслируемой информации, что выражается модальными лексемами: *кажется, вроде, наверное* и т.п.

Итак, достоверность как лингвистическая категория как правило находит свое наиболее отчетливое выражение в своей противоположности – недостоверности.

Особую роль категория достоверности выполняет в жанрах фольклорной несказочной прозы. Установка на достоверность выполняет разграничительную роль

в разделении фольклорной прозы на сказочную и несказочную. Во второй группе данная установка рассказчика позволяет соотнести содержание рассказа с реальной действительностью. В быличках, как одном из жанров, содержание связано с личной встречей говорящего и представителя сверхъестественных сил [Веселова 2023].

Безусловно, что подобные встречи в жизни информантов не ежедневны. Важно проанализировать, как сам говорящий (обычно это пожилой житель деревни) оценивает содержание быличек, насколько оно, по его мнению, соответствует реальной действительности.

Материалом исследования стали 29 мультимодальных текстов, а именно севернорусских быличек, проанализированных с помощью методического приема мультимодальной транскрипции, где параллельно со всеми высказываниями говорящего фиксируются его просодические колебания (интонация, паузы, тональные акценты и т.п.), а также коммуникативно значимые кинемы (жесты, позы, направление взора и т.п.).

Основой мультимодальных текстов являются видеозаписи из Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Это аналоговые видеозаписи трёх территориальных собраний.

1. Подосиновского собрания – Подосиновский район Кировской обл. (ВФ 2301 и 2302, записи 1994 г., собиратели – Г. С. Савельева, А. В. Панюков).

2. Усть-Цилемского собрания – Усть-Цилемский район Республики Коми (ВФ 0324, ВФ 0325, ВФ 0326, ВФ 0328, ВФ 0344, ВФ 0345, записи 2007 и 2008 г., собиратели – Ю.Н. Ильина, Т.С. Канева, В.В. Головин).

3. Прилузского собрания – Прилузский район Республики Коми (ВФ 1333, ВФ 1334, ВФ 1335, ВФ 1336, ВФ 1337, ВФ 1338, ВФ 1339, ВФ 1340, записи 2007 и 2008 г., собиратели – Т. Н. Бунчук и Е. А. Шевченко).

Говоря о структурной организации былички, стоит обозначить наличие рамочной конструкции в вербальном содержании. Рамочная конструкция является воплощением категории эвиденциальности на композиционном уровне. Данная категория, фиксирующая источник получения информации, тесно связана с категорией достоверности [Волоскова 1996: 57].

Выражение рамочной конструкции находит отражение в вербальном содержимом. Информант сразу указывает на лицо и количество участников коммуникации, с которыми произошел случай: «**Мы** вот раньше сено убирали. Туда...у реки убирали сено. **Сидим на поле...**» [ВФ 2302, Островская А.И., MTN№3 ЭДЕН№1-3]; «**А я** шла поздно вечером домой. Да...тогда не работала. <НРЗБРЧ>...Да...да **я** та-ак испужалась...» [ВФ 2302, Островская А.И., MTN№4 ЭДЕН№1-4]; «**А тут вот опять...к сыну ездила в Таврический...**» [ВФ2302, Листова Е.А., MTN№10, ЭДЕН№ 1-3]. Репрезентируется эта тенденция как формами личных местоимений (**Я, мы**), так и личными формами глаголов в форме настоящего времени (**сидим, иду, летают, смотрю**). Также указывается локус – конкретное расположение места, где произошла встреча со сверхъестественным (примеры подчеркнуты): «**Я** вот опять про себя. Яяя...про людей то чё...не знаю дак не знаю. Знаешь, **у нас** мама худая...**у меня** была. Ну **я** уж и здесь жила, а мама то еще дома...» [ВФ 1338, Лобанова А.П., MTN№46, ЭДЕН№1-10].

Опираясь на выделение **объективной модальности**, данный модус можно охарактеризовать как наиболее достоверное высказывание, поскольку информация была получена говорящим непосредственно во время встречи с представителем сверхъестественных сил. С точки зрения **субъективной модальности** быличку можно охарактеризовать как ситуацию простой достоверности, поскольку говорящий не подвергает сомнению истинность своего опыта, что выражается в содержании высказываний: никаких вербальных маркеров сомнения не встречается. Однако можно выделить маркеры сомнения при описании подробностей обстоятельств встречи с мистическими силами. Например, в рассказе Островской А.И. о том, как её манило, когда она поздно возвращалась с работы: *«А я шла поздно вечером домой. Да...тогда не работала. <НРЗБРЧ...ДА>. Да я та-ак испугалась. Да **не помню**, как добежала, (ускоренный темп речи) Да мне домой надо было идти...»* [ВФ 2302, Островская А. И., МТН⁴ ЭДЕН¹⁻⁶]. Информантка утверждает отсутствие информации и воспоминаний по поводу того, как она добралась до дома, когда её поманило. Она испугалась до такой степени, что не помнит, как оказалась дома. Хотя наличие самого факта, что её поманило, как видно из примера, не отрицается.

Вербально-смысловой модус позволяет считывать общий модальный фон былички как достоверный. Причем как с точки зрения объективности информации, полученной в результате собственного опыта, так и с точки зрения субъективной оценки. Сами информанты не сомневаются в наличии встречи, но периодически сомневаются в подробностях обстоятельств встречи.

Безусловно, только лишь вербально-смысловые элементы достоверности былички не позволяют раскрыть особенности этого жанра, поэтому будут отмечаться также его невербальные элементы, выраженные разными семиотическими ресурсами.

Среди просодических тенденций отмечаются следующие. Например, в рассказе Островской Александры Ивановны о том, как они с подругами на сеновале видели, что лешак поднимал сено. При описании действия нечистой силы: *«...у нас раз копно упало, два копно упало...»* [ВФ 2302, Островская А. И., МТН³ ЭДЕН⁴] повышается как громкость речи, так и высота. Если указание на лица и место действия произносятся в рамках 200 Гц, то описание именно действия нечистой силы произносятся от 300 Гц, а тональный акцент делается на указании многократности и повторения данного действия (упало). Также с помощью повышения тональности и увеличения громкости речи выделяется фрагмент прямой речи, беседы подруг, которая сопровождала встречу с лешим: *«...так вы видите или нет (повышение громкости), как всю копну подняло и загребло все вверх! (резкое повышение громкости)»* [ВФ 2302, Островская А.И., МТН³ ЭДЕН^{9,10}]. В этом фрагменте отмечается повышение тональности выше 300 Гц. Интонация в данных фрагментах наиболее активно переходит в восходящую на смысловых акцентах. Если при указании лица и места интонация была относительно ровная, то в данном фрагменте она приобретает наиболее очевидные колебания. Именно момент описания действия, которое сопровождалось встрече с лешим, как он бросал и ронял копна сена, выделяется интонационно, тонально, а также с помощью громкости. Соответственно и воспринимается слушателем этот

фрагмент наиболее убедительно, потому что говорящий использует все возможные ресурсы своего голоса.

В жестикуляционном модусе выделяется тенденция использования указательных жестов при упоминании места произошедшей встречи. Наблюдается связь, не отмечавшаяся исследователями ранее, рамочной конструкции не только с информирующим о встрече лицом, а также и с местом, где произошла встреча. Наиболее показательна закономерность данного суждения по отношению к указательным жестам. Например, в уже упоминавшемся рассказе Листовой Евдокии Аристарховны о встрече с колдуньей, которая хотела её обурочить, можно отметить наличие указательных жестов при описании места встречи и вообще описания обстоятельств: когда, где именно это произошло. Как правило, этот элемент рамочной конструкции присутствует в самом начале нарратива: *«А тут вот опять. К сыну ездила...в Таврический. Крыльцо-то большое. А тут <НРЗБРЧ> то наше крылечко то...небольшое. Оно и при них...а **там** тоже...старушка была...»* [ВФ 2302, Листова Е. А., МТН№10, ЭДЕН№ 1-6]. При использовании выделенных наречий информантка использует подтип иллюстративных жестов – указательные. Жест представляет из себя указание вертикально расположенной ладони и прямой напряженной руки. С точки зрения отношения элементов модусов, то данный пример определяется как отношения уточнения, поскольку к существующее наречие *‘там’* становится более конкретным с использованием указательного жеста ладони. Согласно исследованию Е. А. Гришиной, «для дейксиса *‘там’*, центральная зона семантики которого связана с передачей отдаленного расположения объекта указания, характерна напряженная ладонь» Связано это, по-видимому, с тем, что напряженная ладонь иконически напоминает плоскость, а следовательно, передает идею объекта, имеющего протяженность, и как таковая может передавать идею расстояния» [Гришина 2017: 94]. Соответственно информантка с помощью жеста неосознанно транслирует мысль о далеком и неопределённом, расположенном вне зоны видимости месте проживания колдуньи.

Таким образом, семиотическое выражение категории достоверности в севернорусских быличках находит отражение как среди вербальных элементов, так среди невербальных: просодических и визуальных. Словесное выражение достоверности связано с категорией эвиденциальности и локусом, где произошла встреча. С точки зрения объективной модальности быличка оценивается как непосредственно полученная информация, поскольку говорящий был свидетелем или непосредственным участником встречи. С точки зрения субъективной модальности отмечаются примеры проблематической достоверности, однако они не затрагивают саму бытийность встречи, то есть говорящий не сомневается в реальности встречи, а обычно не может вспомнить подробности и детали, поскольку событие происходило в далёком прошлом. В целом говорящий считает, что представитель нечистой силы действительно вступил с ним в коммуникацию. Данное предположение подтверждается и другими семиотическими ресурсами. Среди просодических тенденций отмечается повышение основного звукового рисунка, при элементах описания встречи говорящий изменяет тональность своего голоса, его громкость. В жестовом модусе отмечается использование указательных мануальных

жестов вместе с лексемами, обозначающими локус события. Предполагается, что рассказчик стремится дополнительно убедить и воссоздать обстоятельства того события и поэтому не может не использовать все возможные ресурсы своего тела.

Литература

Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность: коллективная монография / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др.]. – Ленинград: Наука, 1990. – 264 с.

Веселова, И. С. «Несказочная» проза: мифологические нарративы / И. С. Веселова // Фольклор и фольклористика. Современная научная парадигма и образовательные технологии. – URL: <http://etmus.ru/folyklor-i-folykloristika-sovremennaya-nauchnaya-paradigma-i-obrazovatelyne-tehnologii/> (дата обращения 05.08.2023).

Волоскова, С. Е. Отражение традиционного мировоззрения на языковом уровне севернорусской былички (модус достоверности) / С. Е. Волоскова // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: сборник статей в 2-х т. / отв. ред. Э. А. Савельева. – Сыктывкар, 1996. – Т. 2 – С. 57-63.

Гришина, Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования: монография / Е. А. Гришина. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. – 744 с.

Жданова Е. А.

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ ГОРОДА ИЖЕВСКА

Аннотация. В статье представлена попытка идентифицировать ряд лексем, которые жители Ижевска считают характерными только для своего города, как локальные, региональные, просторечные, при помощи современных электронных ресурсов, находящихся в открытом доступе. Привлечение сведений из электронных словарей, баз данных, корпусов позволяет уточнить территорию распространения лексем, установить их статус локальных, региональных, просторечных слов, диалектизмов. Как показал анализ, большинство слов, считавшихся исключительно локальными, имеют региональный или просторечный характер, большая часть местных слов имеет диалектное происхождение.

Ключевые слова: локализмы, регионализмы, речь города Ижевска.

Региональная лексика становится в последние десятилетия популярной темой исследований. «Местные» слова привлекают внимание региональных публицистов, краеведов, вызывают интерес рядовых жителей и гостей регионов. В последние годы появляется ряд подобных публикаций и о специфической лексике Удмуртской республики и Ижевска как ее столицы.

В 2018 г. на сайте «Комсомольской правды» опубликована статья «150 региональных словечек, которые введут в ступор москвичей», где характерными только для Ижевска названы слова и выражения:

Идти по туда ‘идти туда’

Однёрка 'один, единица'
Каганька 'младенец'
Кутешата 'щенки'
Мака 'малыш, милая'
Шоркаться 'растираться мочалкой'
Полюбать 'проявить ласку'
Чеберистый 'красивый, яркий'
Фуфырик 'бутылочки со спиртосодержащей жидкостью'
Давай ладом 'удачи!'

В статье Е. Молоковой «Удмуртские просторечные слова и выражения в русском языке» на dzen.ru (2020 г.), помимо общераспространенных просторечных выражений, отмечены следующие «любимые» слова, свойственные жителям Удмуртии: *«Кагонька, мака, однёрка, садоогород, вехотка, шоркаться, мороженка, пироженка, полторашка (неважно, 1 литр или 2,5), люблюба, обожди, кисленка (щавель), песок в значении «сахарный песок», пойдём потуда/посюда»*.

В статье «Язык ижевский» краевед С. Н. Селивановский приводит ряд специфических локальных (в том числе устаревших) слов и топонимов, для многих из которых сам указывает диалектное происхождение и распространение в других регионах. В этой статье можно отметить следующие лексемы, которые до сих пор встречаются в речи ижевчан:

варганить 'делать что-либо, делать что-либо кое-как',
ла́база (лабуза) 'небольшой плавающий островок из дерна, водорослей и камыша',
ди́кошарый 'озорной, непослушный'.

Таким образом, в результате наблюдений и непрофессиональных изысканий выявлен ряд локализмов, которые авторы (и многие местные жители) считают исключительно ижевским явлением.

Стоит отметить, что тема региональной лексики в Удмуртии не обойдена и научным вниманием. Исследованию речи ижевчан посвящены монография Н. А. Прокуровской «Город в зеркале своего языка: На языковом материале г. Ижевска» [Прокуровская, 1996] и диссертация Е. А. Тороховой «Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект)» [Торохова 2005]. Авторы данных работ определяют лексическое своеобразие города, выявляя локализмы (локально известные лексемы) и регионализмы (слова, известные и других регионах).

Термин «регионализм» в данной работе будет употребляться в значении «местное слово или выражение, бытующее на определенной территории, употребляемое носителями региолекта» [Жеребило 2010: 299], термин «локализм» – как «слово (или выражение), употребление которого ограничено определенной областью, городом и т. п. и которое неизвестно в литературном образце данного языка» [Учебный словарь стилистических терминов: <https://stilistics.academic.ru/366>]. Таким образом, в соответствии с общепринятым пониманием, локализмами мы будем считать слова и выражения, известные только жителям города Ижевска (или Удмуртской Республики), а регионализмами –

лексемы, распространенные не только в Удмуртии, но и в других городах, но не повсеместно; не включенные в словари русского языка.

В монографии Н. А. Прокуровской указанные в процитированных выше статьях слова *шоркать*, *вехотка* и *кисленка* отмечены как региональные, распространенные в уральском регионе в целом. В качестве локальных просторечных лексем в этой работе выделяется несколько слов, например, *задержушки* 'короткие шторы', *сломать* 'разбить', *подавиться* 'помяться'. Однако, как замечает Н. А. Прокуровская, «до тех пор, пока не будет полного описания просторечного и диалектного материала по всем городам и регионам, о локализмах следует говорить крайне осторожно» [Прокуровская, 1997: 88]. В то же время, учитывая современные возможности сопоставления региональной лексики, отметим ряд локализмов, выявленных автором данной работы в речи ижевчан без указания статуса: *кочкорукий* 'неумелый', *еле-как* 'еле-еле, кое-как', *отстыть* 'остыть'.

Е. А. Торохова на основании анализа лексикографических источников делает вывод о региональном, а не локальном статусе слов *мака*, *каганька*, *однёрка*. В то же время автор пополняет перечень удмуртских локализмов словами *платёжка*, *улячкаться* 'испачкаться', *буханка* и *котомка* (автомобили), *на косулю* 'не на ту ногу', *култышка* 'пучок (прическа)', *под низом* и др.

Таким образом, ряды слов, определенных авторами различных работ как локальные ижевские, не совпадают, кроме того, отсутствие полноценной фиксации и лексикографических источников усложняет задачу установления ареала регионализмов. В современных условиях уточнению территории распространения слов способствуют электронные системы и базы лингвистических данных.

Одним из современных электронных ресурсов, посвященных региональной лексике, является разработка Яндекса «Как говорится: местные слова в разных регионах России», благодаря которому мы можем сделать выборку местных слов определенного региона с указанием территории их распространения. По данным этого ресурса, только в Удмуртии отмечены слова и выражения

Барабаться 'бултыхаться, копошиться'

Заподряд 'подряд'

Кочкать мозги 'капать на мозг'

Песочник 'песочница'

Трезвак 'вытрезвитель'

В качестве регионализмов, зафиксированных в Удмуртии и в других местах, названы слова:

вонько, *вонький* 'вонюче, вонючий'

дикошарый 'диловатый'

заодним 'заодно'

калега 'брюква'

каналия 'канализация'

култышка 'пучок (прическа)'

ляпки 'салки, догонялки'

мульда 'мусорный контейнер'

неработь 'лентяй, неработающий человек'

опил 'опилки'

силом 'силой, силком'

В других регионах отмечено слово *фанфурик* (*фуфырик*).

Другим проектом, представляющим современную региональную лексику русского языка, является словарь «Языки русских городов». В данном источнике зафиксировано слово *садоогород* как распространенное не только в Удмуртской Республике, но и за ее пределами: в Башкортостане и Екатеринбурге. Название автомобиля Иж-2715 *котомка* отмечено только в Удмуртии. Многие из названных выше лексем в данном словаре отсутствуют.

Установить распространенность слова в русском языке помогает также Национальный корпус русского языка. Учитывая, что корпус основан прежде всего на литературном языке, наличие в нем слова можно считать признаком того, что оно вряд ли может считаться ижевским (удмуртским) локализмом. В корпусе были обнаружены примеры употребления слов *варганить*, *полторашка*, *обождать*, *песок* 'сахар', *платёжка*, *буханка* 'автомобиль УАЗ', *мороженка*, *пироженка*, *под низом*, *заподряд*, *задержушка*, *сломать* 'разбить'.

Источником регионализмов, в отличие от локальных городских наименований, во многих случаях являются местные говоры. Поэтому для исключения диалектизмов мы сопоставили выявленные «локализмы» с данными «Словаря русских народных говоров», изданные выпуски которого находятся в открытом доступе.

Слово *кутёш* 'щенок' отмечено в вятских говорах. Ижевское образование *кутешата* появилось в результате присоединения стандартного для русского языка суффикса, маркирующего названия детенышей животных.

Слово *полюбать* отмечено в вятских говорах в значении 'любить' и на Алтае в значении 'поцеловать'.

Слово *ладом*, отмеченное в своеобразном местном выражении «давай *ладом*» зафиксировано в значении 'хорошенько, как следует, как должно' во многих говорах, в том числе вятских и пермских, употребляется в Ижевске и как свободное слово (*сделай ладом*, *сядь ладом*).

Слово *лабуза* отмечено в пермских, уральских и сибирских говорах как *лабза* 'плавучий остров или острова на озере, образовавшиеся из густо переплетенных водяных растений'.

Слово *барабаться* 'рыться, копаться, барахтаться, пачкаться в чем-либо' зафиксировано в вятских, пермских говорах и в других близких к Удмуртии регионах.

Наречия *потуда* и *посюда* зафиксированы в уральских и сибирских говорах.

Улякать 'сильно испачкать, загрязнить' записано в Вологодской области, *лякать* 'пачкать, мазать что-либо' – в нижегородских говорах и в Башкирии.

Таким образом, исключительно ижевскими локализмами можно назвать слова и выражения:

Чеберистый (от удмуртского *чебер* 'красивый')

Кочкорукий

Кочкать мозги (глагол *кочкать* отмечен в СРНГ в севернорусских говорах в различных значениях, например, 'комкать, мять')

Котомка 'автомобиль Иж-2715'

На косулю

Еле-как (контаминация наречий *еле-еле* и *кое-как*).

Некоторые слова, не зафиксированные в доступных источниках на других территориях, отличаются от диалектных или общеупотребительных слов морфемным составом (*песочник, трезвак, отстыть, подавиться, кутешата*).

Остальные слова, которые жители Ижевска считают исключительно местными, оказались либо общеизвестными просторечными обозначениями, либо регионализмами с более или менее широким ареалом распространения, либо диалектными словами, вошедшими в речь ижевчан из говоров различных регионов, в основном северных, уральских и сибирских.

Стоит отметить достаточно широкую диалектную базу, послужившую источником диалектизмов, употребляемых в речи ижевчан. Это может быть объяснено тем, что Ижевск изначально заселялся рабочими и мастерами из других регионов, в том числе с уральских заводов, а также тем, что с ростом промышленного производства в городе во второй половине XX в. сюда по распределению или добровольно, ради трудоустройства и получения жилья, приехало большое количество молодых специалистов из различных областей и республик СССР.

Также стоит обратить внимание на то, что в локальном лексиконе города Ижевска, столицы Удмуртской Республики, практически незаметно влияние удмуртского языка. Если не учитывать прямые заимствования (этнографизмы), то распространенным в Ижевске словом с удмуртской основой является только отмеченное прилагательное *чеберистый*. Отсутствие существенного влияния удмуртского языка в области лексики можно объяснить тем, что Ижевск изначально был русским городом и процент удмуртского населения здесь всегда был незначительным, а удмуртский язык в повседневной коммуникации использовался только удмуртами.

Таким образом, современные лингвистические электронные ресурсы позволяют уточнить информацию о распространении слов, однако вполне возможно, что полученные данные являются неполными и нуждаются в корректировке.

Источники

Как говорится: местные слова в разных регионах России. – URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words> (дата обращения: 08.10.2023). – Текст : электронный.

Лябина, А. 150 региональных словечек, которые введут в ступор москвичей. – URL: WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/26342.7/3222103/> (дата обращения: 08.10.2023). – Текст : электронный.

Молокова, Е. Удмуртские просторечные слова и выражения в русском языке. – URL: https://dzen.ru/a/Xwa89ytiyRLrQkXb?utm_referer=www.google.com (дата обращения: 08.10.2023). – Текст : электронный.

Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.10.2023). – Текст : электронный.

Селивановский, С. Н. Язык ижевский / С. Н. Селивановский // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. – 2010. – № 1 (8). – С. 61-70.

Словарь русских народных говоров // Институт лингвистических исследований Российской академии наук. – URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/345> (дата обращения: 08.10.2023). – Текст : электронный. [СПНГ]

Учебный словарь стилистических терминов // academic.ru. – URL: <https://stilistics.academic.ru/> (дата обращения: 08.10.2023). – Текст : электронный.

Языки русских городов // academic.ru. – URL: https://urban_dialects.academic.ru/ (дата обращения: 08.10.2023). – Текст : электронный.

Литература

Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

Прокуровская, Н. А. Город в зеркале своего языка: На языковом материале г. Ижевска: Монография. / Н. А. Прокуровская. – Ижевск : Изд-во Удм. Ун-та, 1996. – 228 с.

Торохова, Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2005. – 28 с.

Коконова А. Б.

ЛЕКСЕМА *ОБХОД* В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ: СЕМАНТИКА И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23-18-00027 от 15.05.2023 г. «Архангельский областной словарь: вып. 24, 25, 26»

Аннотация. Статья посвящена значению слова *обход* в севернорусских говорах и его этнокультурной составляющей. По значению слово является синонимом *пастушьего отпуска*, применяющегося при выгоне скота на пастбище. В данной работе привлекается новый материал, связанный с названным выше обрядом, дается описание географического распространения слова на территории России, описывается семантика слова. Работа выполнена на материале архангельских говоров (картотека Архангельского областного словаря и полевые записи автора), также привлекается материал диалектных словарей.

Ключевые слова: диалектология, этнолингвистика, семантика, севернорусские говоры.

Лексема *обход* связана с таким важным в народной культуре событием, как выгон скота на лесные пастбища. Выгон скота «включает различные ритуальные действия и магические приемы, обеспечивающие благополучие скотины в течение лета» (Плотникова 1995: 467). Интересно, что на Русском Севере скот пасли на лесных *поскóтинах*, что и определило особенности этого обряда.

Лесное пастбище – *поскóтину* – огораживали *бóсеком* – изгородью из поваленных деревьев: *бóсек* – *это когда дéлали, чтобы корóвы не уходíли. Это в лесу, вдоль дорóк,*

вдоль поля где-то, столбы ставили, их проволокой оптягивали, одна была доска, как бы горбылина. А в лесу ужэ просто осеком делали, деревья рубили какйе мёленькийе, штобы коровы это место не переходили. А потом, когда до лесу-то доходиш, там выгоднейе просто рубить деревья и складывать в вал. И потом, значит, ставят колышки, заколачивают, и йещё свёрху ёлку ложат. Скот штоп в лесу не убега́л, проломили осек. ВЕЛЬ.

«Время выгона скота, как правило, приурочено ко дню св. Георгия» (Плотникова 1995: 468), но в северных регионах первым днем выпаса могло быть и Благовещение: *Старались выпускать (коров на выпас) с тово́ дня, когда́... Благовещье́е день. Седьмóво апрéля Благовещье́е день.* ВЕЛЬ.

Даже в советское время, когда индивидуального выпаса скота уже практически не было, день первого выгона скота воспринимался как праздник: *Пёрвый день вы́паса у них как тради́ция была́: иду́т вме́сьте с пастуха́ми, коро́ф вы́пустили, отвеза́ли, и фсе за коро́вушками, за пастухо́м, фсе на поскóтину. Ведро́ су́па, или ухи́, што́-нибудь свари́ли, чай ски́пятили, и вот оні часо́в до двух-трёх оні там, с коро́вами вме́сьте.* ВЕЛЬ.

Пастух знает обход, может обход сделать, обходу можно научить: *Не́которые пастухи́ опхо́т зна́ли. Опхо́т сде́лают, зна́ли, кто ходи́л пастуха́ми.* ВИН. *Он ийó и нау́ил опхо́т, коро́ф пасы́ть.* ВЕЛЬ.

Перед выпасом пастухи ездили к знающим людям, колдунам, брать обход, т.е. записанную охранительную молитву: «Существует большой комплекс заговоров, заклинаний и вербальных клише, к которым прибегают чаще всего по дороге на пастбище и при обходе скотины. На Русском Севере такие заговоры-молитвы называются *отпуск, коровий обход (олонец), обходной заговор, обход (новгород.)*» (Плотникова 1995: 473). *Ра́ньшэ пастухи́, оні йё́здили в о́преде́ленные́ места́, бра́ли опхо́т. Щита́лося, што́бы коро́вы хоро́шо ходи́ли, дру́жно, никуда́ не теря́лися, у пастухо́ф фсегда́ был опхо́т. [А что это?] Ну вот ра́ньшэ колдуны́ или што́-то это... Оні йё́дут к ним, беру́т лист э́тот, йевó на́до куда́-то закопа́ть. И вот коро́вы не теря́юща, никуда́ не ухóдят. Йё́сли она́ куда́-то отста́ла, то обяза́тельно вы́йдет к ста́ду.* ВЕЛЬ. *Опхо́т он брал. Коро́ф пасли́ пастухи́. Како́й-то опхо́т у них был на коро́ву. Опхо́т како́й-то оні бра́ли на фсе́ ле́то.* ШЕНК.

За получение такой молитвы нужно было платить: *Йё́сли я пойду́, на́до плати́ть за опхо́т-то.* ВЕЛЬ. *Зна́ющими людьми́, к которым обраща́лись за обхо́дом, могли́ быть и мужчи́ны, и женщи́ны: Оди́н мужы́к мне дава́л опхо́т. Ба́пка Та́нина опхо́т фсе́ дава́ла.* КОН.

Исследователи отмечают, что записанные молитвы отличаются от устных заговоров, часто рукописные обходы древнее, они, «как правило, содержат указ – описание ритуальных действий, которые необходимо совершать непосредственно при выгоне и в течение всего сезона пастбы» (Мороз 2001: 236). В экспедиции 2023 года в с. Пежма Вельского района Архангельской области автору удалось переписать такую молитву⁸:

Наставление

⁸ Орфография и пунктуация источника сохранены.

Должно всю скотину согнать в одно место, и сорвать шерсти со лба, и закатать в катыш восковой свечи, и положить в решето, поставить образ, положить хлеба и прочитать (сей отпуск), поставить свечу, зажечь, обойти с образом 3 раза, сколько придется. И принять катышок под образ, положить с отлоском катыша на место, когда обойдут поскотину, должно обойти всю скотину и поскотину кругом 1 раз с катышком и его разделить на две половины одну в воду, другую в муравейник, отпуск положи к месту, не шевелить до осени, выпускать должно обувшись в чистое, всегда, всей день опасно и недолжно переходить из двора во двор скотины на племя давать и ясли скотина падется на след, должно читать во имя отца и сына и святого Духа.

Стану Я раб божий (имя) благословясь, перекрестясь, выйду из дверей во двери, из ворот в ворота, в чистом поле лежит белый камень, на камне сидит Зосима и Савватия, чуть невинному непорочному рабу божьему, милому животу, чур на старое дворище, на старое пепелище, выходили со всех сторон от востока, запада и севера и юга, на старое дворище, на старое пепелище, должно вспомнить или говорить какой шерсти наговаривать на 3-х камешках по три раза и кусочек хлеба, идти по трем тропинкам и бросать камешки каждую тропинку должно бранить и наплевать, давать скоту. ВЕЛЬ.

Из текста видно, что в обряде использовалась шерсть животных, которые будут находиться на выпасе, а также воск, хлеб и икона. Кроме того, в тексте есть указания на действия, которые *должно* или *недолжно* выполнять пастуху: нужно быть обутом в чистое, нельзя переходить из двора во двор, давать скотину на племя. В наших материалах зафиксирован также запрет на бритье и стрижку: *У нас пастух был, так у нево был опхот. Опхот – заговор ли што ли, какбей-то суйевэрийе, то не брёуще, то не стригуце. ШЕНК.*

«Подобно любому сакральному предмету, записанный текст отпуска после первого выгона и вплоть до заставания скота в хлев на зиму не должен быть доступен профану. Прикосновение к нему посторонних рук грозило пастуху гибелью скота или разного рода другими неприятностями» (Мороз 2001: 237), поэтому пастухи закапывали текст с заговором в укромном месте: *Онй йёдут к ним, берут лист этот, йево надо куда-то закопать. Отпуск положи к месту, не шевелить до осени. ВЕЛЬ.* Если текст с *обходом* не закапывали, то могли хранить его в специальном месте, например, в пастушьем рожке: *Опхот - это значит, у пастуха какбей-то колдофство. Не дас погудеть, у нево ф трубё опхот. ШЕНК.*

Пастуший рожок упоминается как важный для пастуха предмет, с помощью которого собирают стадо или отпугивают хищников: *У пастуха был опхот, сходит на угору, ф трубу погудит. ШЕНК.*

Часто пастухи использовали устный *обход*, наговаривая охранительный заговор на стадо коров и место, в котором они пасутся: *Корёву обойдёт и слова говорит, опхот называйеца. КРАСН. Зделает по бсеку опхот. КОН. Пастух в лесу опхот зделат. ВИН. Опход был зделан на пасве. ВЕЛЬ.*

Для описания данного обычая используются сочетания *брать в обход*, *выпускать с обходом*, *с обходом пасты*: *И она брала стадо в опхот. ВЕЛЬ. Ф первый день выпускают с опходом. Бапка фсе с опходом пасла. КОН.*

После произнесения заговора и совершения ритуальных действий обход начинает действовать: *Опхот пастуха туд действует.* ВЕЛЬ.

Использование обхода предполагало, что дикие звери не тронут вверенное пастуху стадо: *Йесли он зделает опхот, то уш скотинину зверь не потроне. Или медвесть дурной, мяса не йедал, или опхот пастуха действует. Когда у пастуха опхот, он (зверь) в бсек не пойдёт, он за бсеком ходит.* ВЕЛЬ. *Опхот знают, медвесть со скотом сойдёцца, а не трогают. Какой-то опхот зделают, и медвесть ходит ф стаде, не трогает скота.* ВИН. *Какі пастухі знали опхот: скота обойдёт и слова какі говорит, знал мужык опход-от. Зверь и не увидит скота-то, пастухі друх друшненьке дают.* КРАСН. *У ко йесь опхот, у то медвесть не пошэвелит корову. Бапка йему опхот тожэ давала. Из-за опхода медвесть ходит ф стаде и не трогает животину, не видит.* КОН. *Она немношко со скотом и знает, надо опхот делать, чтобы далеко не ушли.* УСТЬ. *Опхот обойдут, наколдуют. А бес колдовства медвесть корову съест. У нево опхот зделан, медведи и не трогают короф.* ШЕНК.

Кроме того, при использовании обхода коровы не будут разбегаться: *Пастух – надо какой-то опхот зделать, она слова скажут, у него скотина не расходице.* КРАСН. *Раньше без опхода-то не упасёш (коров).* ВЕЛЬ. *Этот пастух делат опхот, коровы ходят сами, он за ними не бегат.* КОН. *А кто без опхода пойдёт, йему век короф не собрать к ноци.* ШЕНК.

По мнению А. Б. Мороза, это происходит потому, что с применением обхода «[стадо – А. К.] делалось невидимым для тех, кто мог быть источником несчастья (зверей, колдунов, персонифицированных болезней и т.д.). <...> По народным представлениям, стадо как бы переносится в иную реальность, перестает быть самим собой, сливается с миром природы и, будучи его частью, пребывает в безопасности» (Мороз 2001: 246).

Н. А. Славгородская отмечает, что, «несмотря на важную роль, которую играл пастух в обеспечении сохранности стада, его социальный статус был невысок. В пастухи чаще всего нанимались люди из других деревень, так как свои за эту работу не брались. Обычно пасли скот мужчины: одинокие старики, бродяги <...>. Пастуха нанимала вся деревня и сразу на весь период выпаса». Такая социальная маргинальность пастуха также работала на «слияние» с миром природы и/или лесных духов.

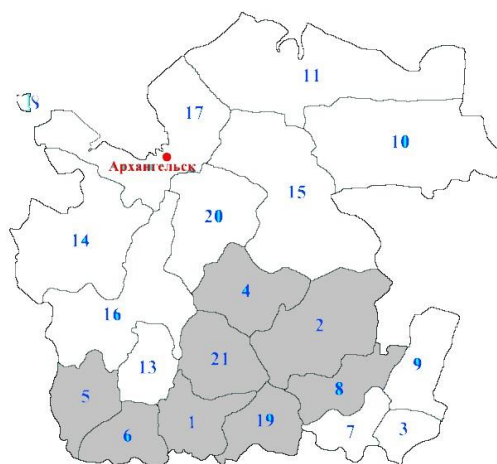
«<...> Исследователи констатируют наличие двух видов отпусков – божественных, или благословенных, и лесных, или неблагословенных, страшных» (Мороз 2003). Отличаются они тем, к кому за помощью обращались пастухи: либо к божественным, высшим силам, либо к лесному хозяину, нечистой силе. Во втором случае в качестве платы за охрану стада пастух отдавал лешему одну корову: *Одну корову я отдаю за опхот. Он опхот зделает, и одна корова должна уходить. У пастухоф опхот какой-то был. И вот в лесу дальше не ходили коровы. И сами ворачивались, искать не надо было. Но одну корову или телёнка он сам выдавал (диким зверям): только остальных не троньте!* ВЕЛЬ.

Считалось, что в случае заключения договора с лешим пастух не сам пасет стадо, за него это делает нечистая сила: *Опхот такой – цёрти коров гоняют у нево.* ВЕЛЬ. *Опход был, дак беси соберут фсех (коров).* ШЕНК.

Таким образом «...фигура пастуха сближается с колдуном, на обоих распространяются общие представления о том, что они *знаются* с нечистой силой» (Мороз 2001: 232): *Опхот - это он вообще знайца с нечистыми дүхами. Опхот - это значит у пастуха какой-то колдофствó. ШЕНК. Онү чевó-то знали, эти пастухи, у нүх какой-то опхóд был.* В-Т.

По окончании сезона выпаса скота пастух *снимáл обхóд*, в результате чего лесное пастбище становилось опасным местом: *В лес скотá не гоняйте, мы опхот сняли. Рас опхот сняли, так звёрь-то и пообидит* (скотину). ВИН.

В научной литературе описанный обряд широко известен под названием *óтпуск*. Слово *обхóд* в этом значении фиксируется на ограниченной территории: Каргопольский, Шенкурский, Верхне-Тоемский, Вельский, Виноградовский, Коношский, Красноборский, Устьянский районы Архангельской области (см. карту-схему⁹); а также в Вологодской области, Карелии, Ленинградской области, Новгородской области, на юге Сибири.

Слово *обхóд* фиксируется диалектными словарями в двух значениях, вытекающих из описанного нами ритуала: 1) 'Ритуал обхода стада с магическими заклинаниями для обеспечения его сохранности' (СГК, т. 4: 124); 'Обряд при выгоне скота, состоящий в том, что пастух с иконой Георгия Победоносца в правой руке и топором в левой обходит стадо для предохранения его от болезней, волков и т.п.' (СРНГ, вып. 22: 259-260); 'Комплекс ритуалов и заговоров, совершаемых пастухом' (СВГ, вып. 6: 13)

2) 'Молитва-заговор, читавшаяся перед выпуском скота в поле' (СРНГ, вып. 22: 260); «Заговор, магические предметы, действия, обеты, с помощью которых пастух обеспечивает сохранность стада» (СГК, т. 4: 124).

Думается, что развитие значения лексемы происходило от действия по глаголу *обходить* – первоначально части обряда *пастушьего óтпуска*, когда пастух обходит вверенное ему стадо, совершая магические действия. Метонимически слово *обхóд*

⁹ На карте номера соответствуют районам Архангельской области: 1) Вельский, 2) Верхне-Тоемский, 4) Виноградовский, 5) Каргопольский, 6) Няндомский, 8) Красноборский, 19) Устьянский, 21) Шенкурский.

закрепилось за самим ритуалом, а следующим шагом – и за молитвой/заговором, которыми подкрепляется описываемый ритуал.

Все словари фиксируют значение слова *обход*, упоминая ситуацию, в которой это слово применяется – выпас скота, обход стада – или пастуха как действующее лицо обряда. Этнографический компонент значения учитывается и достаточно подробно описывается в «Словаре русских народных говоров». Вопрос о том, нужно ли включать этнографическую информацию в диалектные словари, неоднократно обсуждался учеными (Журавлев, Плотникова, Рут). Е. А. Нефедова считает, что «главная цель этнолингвистических исследований – реконструкция традиционной народной картины мира. Диалектный словарь также призван отразить коллективные представления о мире в виде дефиниций, передающих видение объекта глазами носителей диалекта» (Нефедова 2018: 2). Региональная специфика значения слова особенно важна при описании обрядовых слов. «Архангельский областной словарь» при работе с такими лексемами отражает этнолингвистическую информацию не только в дефиниции, но и в комментариях к обрядовым словам, а также в контекстах, иллюстрирующих описываемое слово. Описание обряда *обхода*, предпринятое в данной статье, сможет когда-нибудь послужить основой для соответствующей словарной статьи.

Список географических сокращений

ВИН – Виноградовский район

ВЕЛЬ – Вельский район

В-Т – Верхне-Тоемский район

КАРГ – Каргопольский район

КРАСН – Красноборский район

НЯНД – Няндомский район

УСТЬ – Устьянский район

ШЕНК – Шенкурский район

Источники

К АОС – Картотека «Архангельского областного словаря»

СВГ – Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии. Под ред. Т. Г. Паникаровской. – Вып. 6. – Вологда, 1993.

СГК – Словарь говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 вып. Вып. 4. Отв. ред. Л. В. Зубова, О. А. Черепанова; гл. ред. А. С. Герд. – СПб., 1999.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Гл. ред. Ф. И. Филин. Под ред. Ф. П. Сороколетова. – Л., 1987.

Литература

Журавлев, А. Ф. Диалектный словарь и культурные реконструкции / А. Ф. Журавлев // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003. Доклады российской делегации. – М., 2003.

Мороз, А. Б. Севернорусские пастушеские отпуска и магия первого выгона скота у славян /А. Б. Мороз // Восточнославянский этнолингвистический сборник. – М., 2001.

Мороз, А. Б. «Лесной отпуск». Тайное знание севернорусского пастуха и его репрезентация в крестьянской общине, 2003 / А. Б. Мороз - URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/52.html> (дата обращения: 25.09.2023) – Текст : электронный.

Нефедова, Е. А. «Архангельский областной словарь» как источник этнолингвистической информации / Е. А. Нефедова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – №6.

Плотникова, А. А. Выгон скота / А. А. Плотникова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 томах. Под ред. Н. И. Толстого. – Том 1. – М., 1995.

Плотникова, А. А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии / А. А. Плотникова. – М., 2000.

Рут, М. Э. Этнографические материалы в диалектном словаре: проблемы подачи / М. Э. Рут // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII) – М., 2002.

Славгородская, Н. А. Обычаи и обряды, связанные со скотоводством и пастушеством (По материалам фольклорных экспедиций СПбГУ) / Н. А. Славгородская. - URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/2be/loz/erye/20.htm> (дата обращения: 25.09.2023) – Текст : электронный

Рулева А. Е.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛА *МОЧЬ* В РЕЧЕВЫХ ЖАНРАХ ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

Аннотация. Рассматривается проблема функционирования глагола «мочь» в диалектной коммуникации, обусловленная спецификой дискурса. Анализируются лексические и грамматические свойства глагола «мочь». Выявлены речевые жанры, в которых глагол «мочь» выполняет жанрообразующую функцию, выступая в качестве метакомпонента речевых жанров «сообщение», «отказ», «предположение».

Ключевые слова: речевой жанр; диалект; коммуникация; глагол; семантика.

Одним из важнейших направлений отечественной лингвистики стало изучение теории речевых жанров, которое позволило систематизировать явления речи, предложив базовую единицу организации речи – речевой жанр, и упорядочить сведения о функциональной стороне языка с помощью разработанной методики анализа лингвистических единиц. В работе анализируется употребление общерусского глагола «мочь» в различных речевых жанрах носителей среднеобских говоров на материале Томского диалектного корпуса (Корпус). В качестве дополнительного источника используется Вершининский словарь (ВС: 219-220). Научная новизна работы обусловлена тем, что рассматриваемые в статье речевые жанры впервые анализируются с точки зрения функционирования в них глагола «мочь». Цель данной статьи заключается в описании речевых жанров «сообщение»,

«отказ», «предположение» в диалектной коммуникации. Анализ речевых жанров в настоящем исследовании производится с использованием модели, созданной Т. В. Шмелёвой [Шмелёва 1997], скорректированной на основании когнитивно-дискурсивного подхода и апробированной на материале диалектной речи [Демешкина, Волошина, Карпова 2016: 13].

Глагол «мочь» в лексикографическом аспекте. В словаре «Лексические минимумы современного русского языка» (Морковкин: 608) глагол «мочь» входит в первый градуальный минимум, то есть в пятьсот самых употребительных слов русского языка. Глагол «мочь» играет важную роль в языковом выражении модальных значений, связанных с возможностью и желательностью.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (СРЯ) к глаголу «мочь» представлены соответствующие лексические значения:

1) 1. (сов. смочь) обычно с неопр. Быть в состоянии, в силах что-л. делать. || Иметь возможность что-л. делать. || (сов. нет). Быть способным, уметь что-л. делать. 2. обычно с неопр. Употребляется для обозначения возможности, вероятности какого-л. действия. 3. 3 л. ед. ч. наст. вр. может в знач. вводн. сл. разг. То же, что может быть.

2) -и, ж. прост. Сила, возможность, способность делать что-л.

В нашем исследовании нас будет интересовать преимущественно три первых значения данного слова. Большинство значений этого глагола, характерных для литературного языка, мы отмечаем и в старожильческих говорах.

В третьем томе «Вершининского словаря» под редакцией О. И. Блиновой представлены следующие значения слова «мочь»:

1) обычно с инф. 1. Быть в состоянии, в силах что-л. сделать. 2. 3-е л. ед.ч. наст., в знач. вводн. = Может быть.

2) Применяя всю свою силу, энергию.

3) Сырость, влага.

Большинство значений этого глагола, мы отмечаем и в говорах диалектного корпуса (далее расположение значений и их оттенков соответствует нумерации «Вершининского словаря» под редакцией О. И. Блиновой). В нашем исследовании нас будет интересовать первое и второе значение:

1. ***Не могу** я утром, наси'лушки, поднялась. Дерни'к уж, земля не пахана; Разговаривать-то я **не могу** добром, зубов-то никого нет; Лечь ля'гу, а подняться не могу'.*

2. *Раньше ведь брали как женится, **быть может**, и не хотит, но его везут; А на производстве, вот я, примерно, на лесохим, подсочки, слыхали, **может быть**, живи'ца, али как ли, большинство работал, лет восемь я.*

Рассмотрев не только значения литературного языка, но и языка русских старожильческих говоров Сибири, можно сделать вывод о совпадении общеупотребительных нормативных значений данного глагола и значений, отражающих типичные черты русского говора. В Томском диалектном корпусе найдено 47 текстов с лексемой «мочь», в которых 5040 раз употреблены варианты слова «мочь» в необходимых для исследования значениях.

Роль глагола «мочь» в речевом жанре «сообщение». В русском языке глагол «мочь» представляет собой выражение осознания возможности выполнения

определенного действия. Субъект обнаруживает свое отношение к этим возможностям в виде мнения. Мнение субъекта высказывается с помощью информативного речевого жанра «сообщение». Коммуникативной целью информативных жанров является стремление говорящего пространно или кратко передать слушающему какую-либо информацию. При передаче информации намерения говорящего разнообразны. Событийное время высказываний-сообщений в основном связано с настоящим и прошедшим временем.

В примерах, извлеченных из открытой части Томского диалектного корпуса, чаще употребляются сообщения о событиях, целью которых является информирование адресата об определенном явлении или событии. При реализации данного жанра наиболее важными характеристиками адресанта и адресата являются наличие информации у автора и отсутствие ее у собеседника [Казакова 2007: 200]. Тематика сообщений может быть разнообразна, она напрямую связана с бытовой действительностью. Диктумное содержание таких высказываний представляет событие, которое произошло в жизни информанта или его знакомых в прошлом. Высказывание-сообщение может быть начальной репликой монологического текста или же выстраивать фрагмент монологического текста, развивая высказывания-сообщения друг за другом.

Основным критерием выделения речевого жанра «сообщения» является коммуникативная цель, которая заключается в информировании собеседника о каком-либо событии, факте, явлении действительности. В диалектных текстах чаще всего сообщение связано с возможностью что-либо сделать. Самую высокую степень вероятности выражает «смочь» – видовая пара глагола «мочь». *Я нынче даже на Девятое мая **не смогла** пойти: грядки покопала – ноги отказали, а они даже не могли открытку прислать, совхоз, Девятое мая поздравить своих рабочих, но вот Путин прислал мне открытку.*

Образ автора играет важную роль в жанре «сообщение». В данном случае адресант выступает в роли передающего какую-либо информацию. В общей характеристике информантом является диалектоносите́ль в возрасте 70-90 лет, рассказывающий о своей жизни. *И внуца'т опять же много, вот и шью им оде́жки, пока **могу**. Глаза почти не ви'дут.*

Образ адресата в речевом жанре «сообщение» относительно нейтрален, так как качестве собеседника может выступать любой член социума, независимо от половой или возрастной принадлежности. Задача адресата – принять информацию автора к сведению. В роли адресата чаще выступают собиратели диалогических текстов, задача которых – задавать вопросы, на которые будет отвечать информант.

Образ прошлого и образ будущего – признаки, указывающие на существенность предшествующих и последующих речевых ситуаций. Чаще «сообщение» является не реактивным, а инициативным речевым жанром, следовательно, не предусматривает предшествующих событий общения. Иногда встречаются примеры, в которых информант меняет тему общения, потому что не знает, как объяснить то или иное явление: *<...> и тогда это <...>а по краям, значит, таки эти, ну, как сказать, как, **не могу** я сразу сказать, как столбы ли, как ли, вот так вот, значит, вот так стоит вот эта вот кладь, вот так вот положили жерди, туда, значит, снопы приложат, на*

телегах привозят, расстилают какой-нибудь это, ну полог, по-нашему, ну как от тряпки вот эти, расстилают на телегу, чтобы зерно никуда не девалось, сохраняли так зерно.

«Сообщение» тесно связано с речевым жанром «воспоминание». Информант может вспоминать что-либо, сравнивая прошлое и настоящее, например, в контексте политической ситуации: *В войну без хлеба жили, мёрзлой картошкой кормила. А вот все людя'ми и стали. А при ра'нешней-то власти разве **смогла бы**. Спасибо власти-то нашей за по'мочь.*

Речевой жанр «сообщение» тесно переплетается с другими жанрами. Диктумное содержание высказываний представляет событие, которое произошло в жизни информанта или его знакомых в прошлом. Для высказываний характерна бытовая сфера общения: о хозяйстве, ежедневных занятиях, военном времени, родственниках, тяготах жизни и др.

В ходе анализа были выявлены контексты эпизодов, при которых информант сообщает какую-либо информацию:

1) контекст, связанный с прошедшим (труд, работа, отдых, война): *Я до того доработала на этой пятачке, ребятишки были, то ли имя' отдать, то ли самой поись. До того доходило, скотине сена **не смогла** таскать. Подниму пласт и не могу тащить.*

2) контекст, связанный с историей о ком-либо / чем-либо, которая произошла в прошлом: *Когда отец в России жил, волки были. Один залез в яму к овца'м, а оттуль **не мог** вылезти. Его прихлопнули петлём. Прихлопнули – поймали. А он не даётся. Тут старичок шёл мимо. Дал ему солёного хлеба и волк пошёл за ём. А потом старичок переделал волка' на человека. Старичок-то колдун был.*

3) самый частотный по употреблению – контекст, связанный с настоящим трудным положением, с болезнями информанта: *Я и не думала, что я буду так, така' больная и всё, и всё никак **не смогу**. Ой, зубов нету, зубы вставлены были, носить никак я **не смогла**. Мне, я вышла когда, зубы получила, я так **не могу**.*

Применительно к речевому жанру «сообщение» можно выделить следующий набор жанрообразующих средств: в речи информантов чаще встречается модель с отрицательной частицей «не», что отражает особенность социума, в котором находится информант – особое восприятие мира через негационные конструкции. Общий признак речевого жанра в речи информантов – употребление определенной формулы: субъект + вспомогательный глагол «мочь» в 1л. ед.ч. / 3л. ед.ч. или мн.ч. + инфинитив. Глагол «мочь» может употребляться со вспомогательными словами: «как», «какой», «сколько», «что», «кого» и др.: *В город раньше на быках ездили. Таперь не ездят. Заедем в город на пятый – на шестой день. Зимой через речку по льду добирались. А летом, кто **как может**, кто как сумеет.*

Так, модальный глагол «мочь», являясь часто употребляемым и универсальным элементом в речи диалектоносителей, используется в речевом жанре «сообщение» для актуализации говорящим информации, с помощью которой он выражает мысль о своей способности или возможности что-либо делать.

Роль глагола «мочь» в речевом жанре «отказ». В своем исследовании речевого жанра «отказ», В. М. Боброва рассматривает семантику глагола

«отказаться». Она полагает, что «отказ обслуживает речевую ситуацию несогласия и может быть квалифицирован как жанр негативной реакции, не способствующей хранению коммуникативного равновесия, а в некоторых случаях прямо ведущий к разрыву коммуникации» [Боброва 1991: 61-65].

Коммуникативная цель – невозможность или нежелание говорящего выполнить какое-либо действие.

Диалектоносители в возрасте 60-90 лет. В роли автора отказа в приведенных текстах может выступать другой человек в ситуациях, когда информант пересказывает какой-либо диалог: *Ну зашла к врачу, спросила, грю: «Как?», а он и говорит, что у него рак четвёртой стадии, помо'ць мы ничего **не можем**, я грю: «И операцию нельзя делать?». Нет, нельзя операцию делать: четвёртой стадии...»*

В данном примере информантом является женщина, которая рассказывает историю болезни мужа. Она пришла с сыном к врачу узнать о состоянии больного. Врач в данном высказывании выступает в роли автора, который реагирует отказом реализовать желание женщины. Говорящий с помощью определенной устоявшейся формулы «ничем не могу помочь» / «ничего не можем [сделать]» пытается мягко убедить адресата в нецелесообразности намеченных действий (операцию делать бессмысленно). В примере отражается аргументированный отказ врача, так как он приводит логический довод, вследствие которого намерение осуществиться не может (рак четвертой стадии).

Образ адресата выступает в двух вариациях: 1) студенты, собирающие материал; 2) сам информант (в воспроизведении диалога). Адресат получает ответ на вопрос: *У меня дед отработал в колхозе двадцать пять лет, наверно, отработал он, но он пошёл по горячей сетке на пенсию: кузнецом был, пошёл в пия'т лет на пенсию, а кода' дед умер, ну мы пошли к директору совхоза, говорим: «Дайте, помогите мне деда схоронить», а он гврит: «Я ничем **не могу** помочь», я грю: «Ну хоть машину дайте нам съездить его привезти, в это, в город съездить.»*

В данном примере представлен неаргументированный отказ, который, можно предположить, соотносится с личным нежеланием директора совхоза.

Так как данный речевой жанр является реактивным, существенно важны предшествующие ситуации общения. Автор отрицает что-либо в силу использования адресатом другого речевого жанра («вопрос», «просьба», «приказ» и др.): *А то пойдём по юрта'м кумыс пить. Пей, солдат. Я взял. Кислый. Нет, не могу его пить.*

Образ будущего в речевом жанре «отказ» соотносится с причинами отрицания чего-либо. Отказ может быть аргументированным и неаргументированным. Если говорящий выстраивает причинно-следственные связи в последующем эпизоде общения, приводит логические доводы, то такой отказ может считаться аргументированным. Образ будущего предполагает развитие речевых событий при появлении других речевых жанров (например, «объяснение»).

Диктумное содержание отказа может быть воплощено с применением других речевых жанров. Воплощение отказа зависит от многих вторичных признаков ситуации речевого общения.

Языковое воплощение: субъект + частица «не» + «мочь» в 1л. ед.ч. или мн.ч. + инфинитив. Высказывание строится с отрицательной частицей «не». Адресант может

использовать модальные модификаторы возможности с частицей «не» в качестве вспомогательной части составного глагольного сказуемого: *Валя моя старша'я говорит: «Мама, а Машу роди'мчик бьёт». А я и помочь ничем **не могу**, до'хтур здесь не жил, сама, почитай, день и ночь на работе.*

Так, конструкция «не могу» в речевом жанре «отказ» является выражением негативной оценки способностей или возможностей информанта справиться с определенной задачей или ситуацией. Она может выражать физическое или психологическое затруднение, неспособность, нежелание или отсутствие уверенности в своих силах, что может препятствовать достижению какой-либо цели, изложенной адресатом в предшествующей ситуации общения.

Вводная конструкция «может быть» в речевом жанре «предположение». Коммуникативная цель информативного речевого жанра «предположение» состоит в высказывании информантом какой-либо догадки.

«В большинстве случаев автор и адресат являются равноправными участниками коммуникации по социальному и возрастному статусу» [Воронова 2014: 19]. Когда в роли адресата выступает человек, который, по мнению адресанта, не владеет знаниями, о которых повествуется, могут употребляться конструкции типа «слыхали, может быть», что отражает разный набор знаний повествующего и слушающего: *А на производстве, вот я, примерно, на лесохим, подсочки, слыхали, **может быть**, живи'ца, али как ли, большинство работал, лет восемь я.*

Предположение может быть как реактивным, так и инициальным речевым жанром. Это зависит от того, высказывает ли информант предположение на уточняющий вопрос собирателя или же высказывает предположение в рамках своего повествования о чем-либо: <...> **может**, слышали, что он бедный или, **может быть**, что ль то. Или, **может**, по оде́же раньше так это, как-то узнавали.

Предположение может подтверждаться или опровергаться. Так, за речевым жанром «предположение» может следовать речевой жанр «согласие» или «несогласие». – **Может быть**, она нам что расскажет? / – Кого она там знат, ей токо тридцать с каким-то лет. Да и она вообще половумная – дурочка значит.

Диктумное содержание характеризуется различной временной перспективой события. Речевой жанр «предположение» носит прогностический характер. В рамках беседы информант может говорить как о потенциально возможных событиях в будущем, так и о событиях из прошлого. Тематами разговора могут быть истории из собственной жизни и жизни односельчан, работа, занятия хозяйством и др.: *Раньше ведь брали как женится, **быть может**, и не хочет, но его везут.*

Применительно к речевому жанру «предположение» можно выделить следующий набор жанрообразующих средств: модальные слова со значением гипотетичности, глаголы прошедшего и будущего времени. «Может быть» / «может» маркирует логический вывод информанта, отображая неуверенность в достоверности передаваемой информации, в ситуации припоминания. Когда адресант не обладает достаточной информацией для достоверной оценки ситуации, значение предположения осложняется дополнительной семой неопределенности, неуверенности.

Таким образом, вводная конструкция «может быть» является базовым средством выражения речевого жанра «предположение». «Может быть» / «может» обозначает неопределенную возможность, предположение или допущение, что какая-либо информация может быть достоверной. Одновременно с тем, конструкция «может быть» способна также выражать сомнение в возможности наступления, совершения каких-либо событий. Отсюда указание на условность передаваемой информации.

Значения глагола «мочь» в русском языке, такие как «иметь возможность», «быть в состоянии», «быть способным», формируют его ядерную семантику. В диалектной коммуникации значение возможности / невозможности чаще выражается с помощью специальных конструкций с модальным глаголом «мочь». Этот глагол относится А. Вежбицкой к лексическим универсалиям, то есть понятиям, которые «могут быть лексикализованы (в виде отдельных слов или морфем) во всех языках мира» [Вежбицкая 1999: 330]. Функциональное поле «мочь» бицентрично и включает в себя значения «способность» и «возможность». В исследовании данные значения рассматриваются как варианты формы в силу отсутствия индивидуальных семантических и синтаксических критериев. В своей работе Г. Г. Попова утверждает, что «семантика «мочь» часто определяется его сочетаемостью с определенными глаголами-инфинитивами. В значении «мочь» = «уметь» сочетается только с глаголами со значением способности к какому-либо действию» [Попова 2006].

Источники

ВС – Вершининский словарь. Т. 3. / Авт. -сост. А. Д. Адилова, В. Г. Арьянова, Т. Б. Банкова, и др. ; Редкол. : О. И. Блинова (гл. ред.) и др. ; Том. гос. ун-т. – Томск : Издательство Томского университета, 2002.

Корпус – Корпус диалектных текстов Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета [Электронный ресурс]. – URL: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus> (открытый доступ; дата обращения: 00.00.23).

Морковкин – Морковкин, В. В. Лексические минимумы современного русского языка / В. В. Морковкин [и др.] ; под ред. В.В. Морковкина. – М. : Рус. яз., 1985.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Литература

Боброва, В. М. Отказ и возражение как жанры негативной реакции / В. М. Боброва // Семантические и прагматические аспекты высказывания. – Новосибирск, 1991.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М., 1999.

Воронова, Е. С. Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации / Е. С. Воронова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 381. – С. 18–21.

Казакова, О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте / О. А. Казакова. – Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2007.

Попова, Г. Г. Прагматика, функции и синтаксическое употребление модальных глаголов «мочь» и «хотеть» / Г. Г. Попова. – Ростов: Ростовский государственный педагогический университет, 2006 г.

Портреты речевых жанров: разные дискурсивные практики / Т. А. Демешкина, С. В. Волошина, Н. А. Карпова и др. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. – 276 с.

Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 88–99.

Ставрова А. Д.

СЛОТ «ПРИЧИНА БОЛЕЗНИ» И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

Аннотация. В статье представлен анализ причины болезни как компонента фреймовой структуры концепта «болезнь», исследуемого на материале старожильческих говоров Среднего Приобья. Выявлено, что причины болезни классифицируются носителями диалекта на конкретные и абстрактные. Продемонстрировано дискурсивное взаимодействие медицинской терминологии и лексики народной медицины в случае обращения диалектоносителей к медицинским сотрудникам. На основе анализа языковых средств выражения концепта сделан вывод о представлениях носителей народной культуры относительно болезни как угнетающего, рокового стечения обстоятельств.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, болезнь, причина болезни, диалект.

Актуальность обращения к данной теме заключается в исследовании концепта «болезнь» как представляющего интерес для изучения в сфере современной когнитивной лингвистики, а также как одного из ключевых концептов концептосферы национального языка. При этом значительную научную ценность составляет изучение наивной картины мира, представленной в сознании и отраженной в речи диалектоносителя, так как именно в диалекте сохранена и наиболее ярко проявлена когнитивная и «культурная» память слова, трансформация которой и представляет собой «осадок» культурной жизни разных эпох [Яковлева 1998: 48]. Новизна исследования состоит в изучении концепта «болезнь» на материале русских говоров Среднего Приобья, еще не рассматривающихся в данном аспекте.

Цель статьи — проанализировать причину болезни как один из компонентов фреймовой структуры концепта «болезнь» и языковые средства его выражения.

В качестве материала используются записи речи сельских жителей Томской, Кемеровской, Новосибирской областей, размещенные в Томском диалектном корпусе

(Корпус), а также данные диалектного словаря (ВЗ) для определения отношений между литературным языком и среднеобскими говорами. Репрезентативность материала обеспечивается его количеством (на данный момент (сентябрь 2023 г.) Томский диалектный корпус содержит 4240 текстов, из них 1405 текстов включают в себя тему «болезни и лечение»), многообразием типов и жанров текстов, их хронологическими рамками (материалы на территории Среднего Приобья собираются уже более 75 лет). Перечисленные факторы позволяют ставить вопросы изучения региональной культуры, языковой картины мира сибирских старожилов, взаимодействия литературного языка и диалектной лексики в целом и в медицинском дискурсе в частности.

В рамках изучения концепта «болезнь» на материале среднеобских говоров под концептом мы, вслед за В.А. Масловой, понимаем одновременно и «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры», и «некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности» [Маслова 2004: 36]. В качестве способа структурирования концепта мы используем фрейм, который, согласно Н. Н. Болдыреву, является «многокомпонентным концептом, несущим знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2014: 54]. Используется метод лингвистического описания, включающий дефиниционный, компонентный, контекстуальный анализ, а также концептуальный анализ.

Анализ словарных дефиниций показывает, что болезнь представляется как состояние человека или как процесс ее протекания, оказывающий негативное влияние на человека. Таким образом, стереотипная ситуация болезни включает в себя два обязательных компонента, образующих фрейм: 1) субъект – активный участник ситуации; 2) состояние / процесс, протекающий в рамках ситуации. Однако сложная структура концепта «болезнь» может быть расширена за счет следующих факультативных компонентов фрейма: 1) объект, испытывающий воздействие / находящийся в определенном состоянии болезни; 2) причина; 3) инструмент; 4) результат состояния / процесса болезни.

Причина болезни может устанавливаться самим диалектоносителем или специалистом, медицинским сотрудником. Определение причины недуга представляет для нас интерес в двух аспектах: 1) **что** может являться причиной болезни с точки зрения говорящего и 2) **как** воплощается в речи диалектоносителя специальная медицинская терминология.

Причиной болезненных ощущений и возможного развития болезни могут быть погодные условия, в которых оказался человек: *Дождь помочил* вчера. А меня судорога свела. *Всё ноги ломит* // Меня, видно, *продуло*: между лопаток прям колет и всё.

Болезнь способна развиваться в результате неосторожных действий человека: *Всё-даки лёгкие застудил. Квасу со льду напился* // Алёна моя *купалась на вóзере* и ноги стали пунцовые, а тапёрь вся изболéлась. Иногда действия, приводящие к развитию болезни, оказываются необходимы или неизбежны: *А тодá бы учились, да не в чем было ходить, одна мама была да больная, ноги болели, простудила, на речку ездили холщовые рубахи полоскать зимой, полоскали, **полоскали**, а ноги к сапогам и*

примёрзли // У Веры тоже ноги больные, руки тоже. Один год была мёрзлая картошка, а **она ещё холодной водой промыла и застудила руки** // У меня ноги простужены в наводнение, кода скотина тонула. Спасала её, **по грудь в воде ходила, вот ноги и застудила.**

Тяжелые жизненные обстоятельства часто способны привести к возникновению болезни. Мы выделили 6 причин болезни, связанных с жизненными обстоятельствами:

1) Причина болезни — война: *Нóнче зубы всю зиму болели мои. Накусишь что твёрдо, хоть караул кричи. Всё мочёночки ела. Надоели же шибко. **В войну в чуньях ходили. Ноги простудили,** вот таперича и болят зубы* // А продуктов-то не было, господи! <...> **Многие там здоровье угробили, не один в гроб ушёл от этого. Издевательство было, а не жизнь** // **В войну старичьё всё погубило.** Хлеба им не давали, один молодняк остался, их в Ленинград в училище увезли. Они все беркулёзные, сорок-пятьдесят лет – уже **загнулись.**

2) Причина болезни — болезнь родственников, близких людей человека: *Тяжёло достались мне эти дети [росли больными] — и **здоровье своё подорвала.***

3) Причина болезни — тяжелый (многолетний) труд: *Пока здоровье было, так я наговорю на муку, на крупу. **Работа меня сгубила** // У ей мужик рано помёр, **на работе надорвался** и помёр // Я работала, я пятнадцать лет в рыбной промышленности, потом в магазине уборщицей проработала и заработала — в войну **груз возила.** Бóльсе на грузу платют, вот ведь **из-за этого я теперь без ног сизу.** Всё кули' таскала, у нас всю войну сеточки были // Уж сколь раз у врача была, **от надсады все.** Заболешь и ляжешь лёжкой // врач сказал: «Ой, бабушенька, у вас от чежёлого подъёму кишки в кулак срослись». Дык, я думаю, **чё ж они не срastутся. Сколь мешков перетаскала, сколь всего переделала** // Нам-то досталось. **Двадцать лет проработала – всё здоровье угробила.** Всё время в холоду. Выйдешь маленько обогреешься на солнышко, да опять в катерá. А там же холодíлна, замерзала дак.*

4) Причина болезни — старость, истощение жизненных сил: *Сколько болезней. Ну недаром так голова кру́жится, всё равно. У меня болит голова, дак я всё думаю: **я уж стáра** // Я нынче даже на Девятое мая не смогла пойти: **грядки покопала – ноги отказали!** // Щас бы то жить, а то **старость убила [меня]. Щас здоровья нет** // **Моя бóдрось уже ушла,** я вот до прошлогодного, до августа месяца я была, ну, нормальная, я не чувствовала ницё... Я и не думала, что я буду так, такá больная и всё, и всё никак не смогу // Уже помирать скоро, **до старости до большой жить неохота. Здоровье плохое, часто болеть стала.***

5) Причина болезни — тяжелые жизненные условия в целом: *Не могу ничё, никто мне не помога́т. Я даже вот так не умиляюсь. **Жизнь меня забила,** забила // **Всё** [о трудных жизненных ситуациях] **тут, всё-всё в одну кучу собралось** и в ногу ударило. Страданьем горю не поможешь.*

6) Причина болезни — роковая случайность: *Мужа сестры взяли в армию. В бане он **налетел на банку разбитую** ногой. Три дня и умер. Гангрена. В громовой бане. Бросили, наверно, банку. Распорол ногу... икру ли... Полежал маленько в больнице да и умер.*

Давление сложных жизненных обстоятельств также сказывается на пассивности человека, его смирении с собственной тяжелой судьбой, вынуждавшей выживать и работать на износ ради Родины, родных и себя, а теперь приведшей к болезненной бессильной старости. Семантика глаголов *погубить*, *сгубить*, *убить*, *угробить*, *забить*, *загнуть*ся практически или полностью тождественна и подтверждает приведенный тезис.

Причиной болезни может быть и воздействие стороннего человека: урок, сглаз, порча. В этом случае болезнь выступает инструментом состояния, а субъектом действия становится человек (колдун): *И здесь были колдуны. Портили и лечили. Человек бо́лет, не ес, даже подыхали // Накликал кто-то на меня по злости, детки мои и болеют // Кодá сглазят* робёнка, или как тутотка говорят — *урок. Урочивали // Ага, раньше всё говорили: «Плюнь, а то сглазишь. Урочливые глаза у ей». И робёнка, и скотину, там поросёнка или ягнёночка, сглазют.* Для насылания болезни на человека не обязателен вербальный компонент, достаточно взгляда и злого намерения.

Таким образом, носитель народной культуры считает причинами болезни как вполне конкретные явления: плохая погода, война, эпидемия, физическая неподготовленность человека к температурным условиям или долгим нагрузкам, так и явления абстрактного порядка: старость, тяжелые условия жизни (изнурительный труд, политические события, семейные конфликты и проблемы), вербальное или невербальное воздействие человека с дурным намерением.

Осмысление причины болезни происходит иначе, если диалектоноситель обращается за помощью к медицинскому сотруднику. В таком случае сталкиваются научная и «наивная» картины мира, происходит взаимовлияние говора и медицинского дискурса, номинации народной культуры и специальной медицинской терминологии могут переходить и закрепляться в противоположных дискурсах, также возможно дискурсивное взаимодействие лексики. При этом использование медицинских терминов в речи информантов, как правило, достаточно легко установить. Это могут быть:

1) Номинации врача: *Была у кардиолога. Через неделю хожу // А этот, невропатолог* который, он, они там консилиум собирали, они все анализы взяли // *У кирúрга* был. Всяки компрессы делал. Они *кирúрги*-то по костям не могут // Она сказала, что-то... в первую поликлинику её отправили. К *нервопатóлогу* ли... к кому ли там. Ну к кому-то отправили.

2) Номинации заболеваний и медицинских операций: *Целый месяц лежала я, вышла чуть жива из больницы. Вот — пендицит и грыжа и стрлизация труб...* Стрлизация труб — чтоб не было детей // «Ну зашла к врачу, спросила, гры: «Как?», а он и говорит, что у него [мужа] *рак цетвёртой стадии* // Конбайнёр хороший был. <...> А заболел — *печень*. А потом *двусторóнне воспаление* [легких] // Ну и потом я, у меня *сужение кровеносных сосудов* в голове, и мне в наклон нельзя работать сильно // И я вот подумала, в прошлом году я делала *томографию головы*. У меня возникла проблема, и я решила сделать *томографию головы* // [муж] третьего числа заболел, шестнадцатого умер. *Бронхит* у него был *острый* // *Рематизность* в ногах случилась.

3) Анатомические номинации: *Дедушке восемьдесят семь вот будет первого числа. Болеет, вот упал, сломал **тазобедренный сустав**.*

4) Использования номинаций в качестве цитирования чужой речи со ссылкой на слова медицинских сотрудников: ***Говорят** в больнице: «Вы работали чижало, вот у вас и опущение». На перацию клали // И всё-таки доколупалась [**врач**], нашла у меня кишóчка **такá** есь в желудке, и вот она **длínна**, **гыт**, у тебя // Морковку сеяла вниз головой, ну и два раза шлёпнулась в морковку... Ну это... Сужение кровеносных сосудов в голове. Может кровоизлияние быть, **мне врач сказал**, что если сильно долго... // **Он** посмотрел меня, **тодá говорит**: «Нет, у вас прирос матки, нужно яйшник удалять и операцию нужно обязательно делать» // В позапрошлом годе у меня аппендицит **вы́резали**, а **врач сказал**: «Ой, бабушенька, у вас от чежёлого подъёму кишки в кулак срослись».*

5) Использования неопределенного местоимения «какой-то» или частицы «что ли» в сочетании со словом, значение которого информант не вполне понимает: *У его дочь умерла, **какой-то** **скарлатин** признали, померла // А дочка умерла. **Обширный инсульт** получился **какой-то** // **Катарак** **что ли** это-то называется... // Тут даже чё **хромать-то**, не могу, она [ног] у меня болит, потому что я её когда сломала, мне сделали **какие-то** сначала штыри, операцию сделали <...> опять поехала в больницу, посмотрели и **предлóжили** снова делать операцию и вставлять протез **какой-то** тут делать // А после ревматизма, не знаю почему, этот, как его называют, зоб. А он не такой, как обычный, а **какой-то** первой степени, **что ли** // Мы нашли, сразу в аптеку — купили кружку. Ну, сказали там чем, марганцовкой, **что ли** // **Чё-то** с сердцем он жаловался, однако. Ну чё-то кто-то говорил, что **клапан ожирение... чё-то** не знаю.*

В словаре «Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья» под ред. В.В. Палагиной в качестве примера богатой вторичными заимствованиями тематической группы приведена группа названий болезней [Палагина, 1981: 9–10]: *Родился нормальный, да простудила его свекровка. Догляд за ём плохой был: заболел **менгитом** // Заболел **милиглитом** и щас лежит, как пласт лежит // **Беркулёсом** болела // **Геркулёзом** хворала // А кашляю от табаку. У меня **хранительское**, этот бронхит // У меня **хранительска** малярия и др. Очевидно, влияние литературного языка и медицинского дискурса обогатило язык диалектоносителей, новые слова не вытеснили традиционные номинации, а были адаптированы фонетически, морфологически и т. д. и стали сосуществовать в языковой системе: Раньше **тиф горячкой** звали. Таперь **грипп**, а раньше **простуда** // Щас зовут **малярией**, а тогда говорили — **кумушка трясёт** // Я вот сама от этих **чириев**, щас они как-то называются по-другому, а раньше чирии называли **ячмень на глазу** // А **краснухой** у нас не зовут, нет, у нас **камчук** называют // **Бешенство** — а это **болéзь** такая — у нас мама ещё её «**водобязь**» называла. В приведенных примерах отражается характерная особенность лексики народной медицины: ее устойчивость и жизнеспособность, позволяющая, с одной стороны, накапливать и сохранять знания и представления человека о мире, и, с другой стороны, быстро адаптироваться в новых условиях функционирования и развития языка.*

Таким образом, диалектоносители могут определять в качестве причины болезни как конкретные события и явления (погодные условия, война, неосторожное решение), так и явления абстрактные (старость, изнурительный труд, моральный упадок, колдовство, случайность). Вне зависимости от характера причины информантами отмечается пассивность заболевшего человека, его угнетенное состояние. В случаях, когда носители народной культуры обращаются к медицинской помощи, происходит дискурсивное взаимодействие говора и медицинского дискурса, что находит отражение в речи информантов. Благодаря жизнеспособности диалектного языка и устойчивости внутренней структуры концепта как ментальной единицы, отмеченной этнокультурной спецификой, происходит взаимное обогащение лексики медицинской терминологии и лексики народной медицины. Изучение концепта «болезнь» на материале русских среднеобских говоров помогает выстроить языковую картину мира сибирского старожила.

Источники

Корпус – Томский диалектный корпус / Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. – URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 08.09.2023). – Текст : электронный.

ВЗ – Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья / редактор В. В. Палагина. – Томск : Издательство Томского университета, 1981. – 180 с.

Литература

Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ, 2014. – 236 с.

Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья / редактор В. В. Палагина. – Томск : Издательство Томского университета, 1981. – 180 с.

Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика. / В. А. Маслова. – М. : Тетра Системс, 2004. – 256 с.

Яковлева, Е. С. О понятии «культурная» память в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43–73.

Филиппова А. О.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ОТКАЗ» В ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования речевого жанра «отказ» в диалектной коммуникации. Анализируется устная речь жителей сибирских сел Томской области, носителей русского старожильского говора. Описаны средства и способы выражения РЖ «отказ». Выявлены виды отказа в диалектной коммуникации.

Ключевые слова: речевой жанр, отказ, несогласие, диалект, коммуникация.

В современной лингвистике ученые проявляют повышенный интерес к исследованию устной речи. В связи с новой научной парадигмой речевой жанр (Далее РЖ) становится объектом лингвистических исследований. В отечественной лингвистике М. М. Бахтин является первооткрывателем теории РЖ, написанной в 1950-ых гг. XX века [Бахтин 1996]. Именно в его трудах формируется новое направление в лингвистике – жанроведение. Как отмечает В. В. Дементьев, прагматическое жанроведение, как самостоятельное направление, сформировалось, учитывая недочеты генристики. Благодаря этому полностью меняется концепция, а также расширяется методология изучения РЖ. В первую очередь в прагматическом жанроведении учитывается диалогичность РЖ [Дементьев 2010: 52]. Диалектная коммуникация имеет свою специфику. В настоящее время активно развивается коммуникативная диалектология, где изучается не только коммуникативная специфика диалектной речи, но и когнитивная [Крючкова, Гольдин 2016: 134]. Речевые жанры также исследуются в диалектной коммуникации: Т. А. Демешкина и С. В. Волошина [Портреты 2016], Е. В. Иванцова [Иванцова 2002], О. А. Казакова [Казакова 2004] и другие.

Несогласие является основой диалогического общения, поэтому на данный момент существуют разные подходы к изучению этого языкового явления. Под несогласием мы понимаем коммуникативную ситуацию, объединяющую РЖ отрицательной реакции и выражающую негативное отношение к действию или высказыванию собеседника. В ходе исследования был выделен тип несогласия, который высказывается в ответ на побуждение к действию или на предложение собеседника [Филоппова, 2022]. Таким образом, отказ – реактивный РЖ, при котором говорящий дает отрицательный ответ на вопрос, просьбу, требование или предложение.

В нашем исследовании анализируется устная речь жителей сибирских сел Томской области, носителей русского старожильского говора. Материал извлечен из Томского диалектного корпуса. В основу методологической базы исследования легла описательная модель РЖ Т. В. Шмелевой, апробированная и скорректированная на диалектном материале. Исследователь предлагает анкету РЖ, состоящую из семи жанрообразующих признаков: «коммуникативная цель, образ автора и адресата, диктумное содержание, образ прошлого и образ будущего, языковое воплощение» [Шмелева 1997: 90]. В рамках данной статьи мы рассмотрим языковое воплощение РЖ «отказ» для того, чтобы «увидеть спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра» и охарактеризовать специфичные особенности РЖ в той или иной коммуникативной ситуации [Там же: 96].

Анализ собранного материала показал, что основными языковыми средствами воплощения РЖ «отказ» являются лексема «нет», усилительные местоимения, модальные слова с отрицанием. На основе семантики модальных слов «хотеть», «мочь», «надо» выделяются следующие виды РЖ «отказа»: 1. Отказ с семантикой отсутствия желания выполнять просьбу/действие («не хочу»); 2. Отказ с семантикой невозможности осуществить просьбу/действие («не могу»); 3. Отказ с семантикой ненужности («не надо»). Говорящий субъект может отказать в случае, если не хочет выполнять требуемое действие или просьбу: 1. *«Лида литовку-то бросила. «Не хочу*

косить». – «Чё мы, ухристоба'рились, чё ли?» – **«Не хочу да и всё»;** 2. «А мама отказалась, и она со всеми связь прервала. Обиделась и ни с кем не стала связываться... Розыкс посылали, ответила пришёл что: **"Я с ними знаться не хочу"**. И всё, и вот так, и я больше её не видела». В данном случае реализован отказ со значением отсутствия желания выполнить действие, а не «объективной невозможности» этого сделать [Бычихина, 2004: 37]. Отказ выражается с помощью отрицательной частицы «не» и модального глагола с отрицанием «не хочу». Во втором контексте для усиления отказа используется инфинитив «знаться» и отрицательная частица «не» с модальным глаголом «хочу». Говорящий также может отказать, если он не имеет возможности выполнить ту или иную просьбу: 1. Ну, ладно, сами-то ничего, а у меня девчонка маленька была, её-то жалко было. «Мама, – просит, – дай хлеба!», **«Нету доченька»**, – говорю; 2. Он приходит на огонёк, печка, это, топится, костёр. Прилетает: «Ой, дайте мне пожрать». – **«Да нету»**. Это отказ с семантикой объективной невозможности, выраженный с помощью лексемы «нету» вместо «нет». В некоторых случаях информант может отказываться от того, что считает не нужным: 1. А вы топчете – и матом обвезёт – топчете, дак мойте. **Тебе ежели надо, а мне не надо**». Мать говорит: «Ну, а ты же топчешь, всё ходишь пол-то». <Молчит>, потом ничего не скажет; 2. Два сына приехали к ней, а она... кто её знает, так... Люди-то говорят, к сыну стала проситься: «Возьмите меня дак, который-нибудь». Ну а они... Тот сказал: **«Снохе не надоть, не возите её»**, и другой так же сказал.

В ходе исследования было выявлено, что для диалектной коммуникации свойственны следующие способы выражения РЖ «отказ»: мотивированный/немотивированный, категоричный/некатегоричный. Большую категоричность отказу придают средства выражения: «лексема нет, усилительные местоимения и местоименные наречия, употребление модальных модификаторов поля нежелания» («не хочу» вместо «не могу» или «не надо») [Бычихина 2004: 140–143]. Информант может отказать собирателю в выполнении какого-либо действия. В нижеприведенном примере реализован мотивированный некатегоричный отказ, поскольку информант объясняет причины отказа, а некатегоричность высказывания предполагает возражение собеседника: [А можно снять немножко видео с Вами?] **Ой, не, я не люблю. Я всегда плохо выхожу, я не это самое, не красавица, поэтому я как-то стараюсь меньше где-то фотографироваться.** Некатегоричность высказывания выражается с помощью варианта лексемы «нет» («не») и глагола с отрицанием «не люблю». В данном контексте собеседник подчеркивает свое негативное отношение к действию, заявленному в инициальной реплике. Причины отказа обосновываются говорящим субъективным восприятием своей внешности, причем в негативном свете. Это выражается с помощью отрицательной оценки («плохо выхожу») и отрицания («я не красавица»). Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий мотивированный категоричный отказ: [Вы так показываете хорошо, а если я Вас ещё сниму?] **Нет, не надо меня! [Ну, если не надо...] Я там на фотокарточке страшная пока, не надо меня, не хочу.** Категоричность высказывания выражается лексемой «нет», отрицательной частицей «не» и модальным словом «надо». Говорящий также использует в речи оценочные суждения («я «...» страшная»). Так, реализуется отказ с семантикой отсутствия желания («не

хочу»). В следующем примере сначала реализуется немотивированный отказ со значением невозможности («не могу»):

Л. С. Марья Васильевна, Вы знаете, они хотят узнать о жизни. Девочки, скажите сами, своими словами. И вот это очень интересный человек, у неё... у неё такая тяжёлая жизнь, и большая, и очень хорошая. Она вам расскажет много интересного. Ну, Марья Васильевна, расскажете.

М. В. Не могу я.

Л. С. Нет, Марья Васильевна, не надо так, не надо.

Из контекста становится очевидно, что информант отказывается из-за состояния здоровья. Плохое зрение и низкое давление становятся причинами отказа. В данном примере реализован отказ не по субъективной, а по объективной причине (отказ по «уважительной причине»):

М. В. Видела, как я шла? «...» Как я буду говорить-то? [вздыхает] Я щас наговорю, у меня так [давление] около двести, голова кру'гом. А если я поговорю, у меня вообще давление падать. Что я вам расскажу? Детство моё очень прекрасное было. Помню – сама не помню. Где вы хоть кто есть-то? Там где-то. <...> Ой! [вздыхает] С самого детства у тётки жила. Два класса дома кончила. Работала, с первого класса. Пололи... пшеницу... руками. Ой, не то, не... не смогу я рассказывать.

В ниже приведенном примере реализуется мотивированный отказ от темы, и выражается с помощью таких средств: лексема «нет», двойное отрицание «ничё не расскажу»: *[Вы в Бога верите?] Ну, конечно. У меня иконка, Николай Чудотворец висит. [За что его изобразили?] Нет, я вам ничё не расскажу. И знать не знаю, и не хочу это говорить. Потому что, не надо говорить. Я человек старый, уж умирать надо. Я ничё не буду говорить.* Информант подчеркивает свое нежелание говорить с помощью модальных слов и отрицательной частицей «не»: «не хочу», «не надо». В следующем контексте автор и адресат находятся в близких (родственных) отношениях: *Он всё ходил ко мне, чтобы «Давай сойдёмся с тобой, будем жить». Я грю: «Ты кого-нибудь помоложе возьми: я уже старая, да и, грю, и не хочу больше выходить замуж. Приходил, целый год ходил, всё плакал, меня просил. Но я грю: «Нет, нет, Саша. «Ну, мы ешо' с нём и родственники, он мне как троюродный брат, и жена у него была моя сродна сестра, он мне и зять, выходит, сродный, и троюродный брат. Я грю: «Саша, мы же с тобой два дня... два раза родня. Отказ, выраженный глаголом с отрицанием «не хочу замуж» и наречием «больше», сопровождается нежеланием адресата. Сначала говорящий объясняет причину своего отказа, а затем сообщает о нежелании. В некоторых случаях сообщение о намерении вызывает у информанта категоричное несогласие: А сноха пришла и говорит: «Теть Гутя, я хочу этот огород забрать». Я грю: «Какой огород забрать?» – «А вот тут, что вы садили, дед с бабкой садили». Я грю: «Нет, ми'ленька моя, этот огород мне отдали, и никакой ты огород не получишь, буду я садить.* Мотивированный категоричный отказ реализуется с помощью лексемы «нет», отрицательной частицы «не» и местоимения «никакой». Возражение говорящего осуществляется риторическим вопросом («Какой огород забрать?»), а также обращением («ми'ленька моя»), что в данном контексте подчеркивает ироничность высказывания.

Дополнительную категоричность РЖ «отказ» придают субжанры «возражение» и «отрицание». Возражение реализуется с помощью таких языковых средств, которые придают экспрессивность высказыванию и отражают субъективное отношение говорящего, его чувства, эмоции и оценку того или иного явления действительности. При отрицании выражается значение отсутствия чего-либо в действительности. Высказывание строится с помощью частицы «не» и употребляется в качестве основного отрицания, также как отрицательный ответ или выражение несогласия. Например, многочисленные примеры «не могу», «не хочу», «не надо» и т.д. Для усиления отрицания информанты используют вспомогательные слова «ещё», «ни одного», «никакую», «ничего», «никого», «никогда», «никуда», «нищё» и т.п. Говорящий субъект отказывается и возражает против осуществления какого-либо действия (отказ от предложения составить компанию): *Генка, иди, посиди, посиди с нами*. – **«Да идите вы! Управляться надо со скотиной**. Категоричный мотивированный отказ информанта осуществляется возражением («Да идите вы!»), затем объясняются причины несогласия, выраженные с помощью модального слова «надо» со значением необходимости осуществить другое действие, более важное для говорящего. Рассмотрим еще один контекст, демонстрирующий отказ с возражением: *«Я тебе телегу сделаю, на телеге поедешь»*. – **«А-ай, пока ты телегу сделаешь, пока ты коня запряжёшь, я уже в Майда'нах буду»**. В данном примере средством выражения эмоции говорящего будет междометие («А-ай»), несогласие подкрепляется возражением собеседника, который высказывает довод против осуществления действия. Отказ с возражением придает значение невозможности осуществить то или иное действие: *-Поедешь? А я говорю: «Дак как поеду, у меня документы»*. С помощью риторического восклицания («Дак как поеду») и дополнительной информации, о которой говорит собеседник («у меня документы»), реализуется РЖ «отказ» с субжанром «возражение», означающий невозможность осуществить то или иное действие пока не выполнится другое. Говорящий повторяет то, что сказано в инициальной реплике, тем самым возражает собеседнику его же словами. В ниже приведенном примере осуществляется категоричный мотивированный отказ, который выражается с помощью лексики «нет», отрицательной частицы «не» с глаголом действия («не поеду»): *Я грю: «Нет, к тебе я, Вовка, не поеду, потому что, грю, вдруг чё случится, я грю, помирать я там не хочу на чужой земле, у меня здесь мама схоро'нена, дочка, муж схоро'ненный, а там чё я буду?»* Далее говорящий объясняет причины отказа, подчеркивая нежелание («не хочу на чужой земле помирать»). Возражение реализуется с помощью риторического вопроса: «а там чё я буду?». В следующем контексте описывается, как информант получает в подарок жеребенка, который оказывается не нужен: *Дак раз приходит дядька ко мне и говорит, вот тебе купил ма'леньку жеребу'шку. А я ему говорю, дядька, дак зачем же он мне, дак что же я с им делать буду. Он и говорит: вот покормишь, дак и будет у тебя помо'шник*. Категоричный мотивированный отказ выражается с помощью риторических вопросов, которые определяют интенции говорящего: «дак а зачем он мне», «дак что же я с ним делать буду». Так, реализуется отказ с семантикой ненужности. Информанты часто отказываются от общения, мотивируя тем, что ничего не знают и ничего не помнят.

В данном случае реализуется отказ с возражением и отрицанием: *[Ну если что к вам ещё девочки могут прийти? Завтра, послезавтра] Ой да зачем, господи, ну чё же я вам расскажу ничё же я не знаю. [Какие-то воспоминания Ваши]. Да никаких воспоминаний нету, господи боже мой. Я не знаю. Чё за... какая-то жизнь такая суетная была, только работа, и работа, работа.* Средствами выражения субжанра возражения являются междометие («ой»), вопрос («зачем»), восклицание («господи»), риторический вопрос («ну чё же я вам расскажу») и отрицание («ничё же я не знаю»). Далее информант с помощью отрицательного местоимения («никаких»), лексемы нету, восклицания («господи боже мой») выражает несогласие с инициальной репликой собеседника.

Так, основным способом выражения субжанра «возражение» является риторический вопрос, придающий определенное значение РЖ «отказ»: ненужности, бесцельности выполнения того или иного действия. Эмоционально-окрашенные слова и междометия выражают негативное, отрицательное отношение говорящего к тому, о ком или о чём он говорит. Когда отказ сопровождается возражением, то реализуется это имплицитными средствами выражения. Субжанр «отрицание» придает высказыванию со значением отказа дополнительный смысл: значение отсутствия чего-либо в действительности. Зачастую отказ выражается с помощью эксплицитных средств выражения, то есть через отрицание: лексема «нет», отрицательные местоимения, двойное отрицание и т.д.

Таким образом, РЖ «отказ» реализуется, когда адресант обращается к адресату для того, чтобы тот осуществил или не осуществил действие (просьбу). Отказывая, говорящий выражает оценку, свое отношение к кому-либо или чему-либо. При РЖ «отказ» целью говорящего является не только сообщение о причинах отказа, но и выражение отношения и установление взаимоотношения.

Источники

Томский диалектный корпус / Лаборатория общей и сибирской лексикографии ТГУ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 09.06.2023).

Литература

Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров : соб. соч. : в 7 т. / Бахтин М. М. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.

Бычихина, О. В. Высказывания со значением отказа (Семантико-прагматический и когнитивный аспекты) : дис. ... канд. филол. наук. / О. В. Бычихина. – Барнаул, 2004. – 216 с.

Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 497 с.

Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности. / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. Ун-та, 2002. – 312 с.

Казакова, О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Казакова. – Томск, 2004. – 241 с.

Крючкова, О. Ю. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Известия

Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – №9. – С. 133–138.

Портреты речевых жанров: разные дискурсивные практики / Т.А. Демешкина, С.В. Волошина, Н.А. Карпова [и др.]; под ред. Т.А. Демешкиной. – Т. : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 276 с.

Филиппова, А. О. Семантика несогласия и способы ее выражения в диалектной коммуникации / А. О. Филиппова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов IX (XXIII) Между-народной научно-практической конференции молодых ученых (14–16 апреля 2022 г.). – Томск, 2022. – Вып. 23. – С. 35–38.

Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.

Шашкова Е. В.

СТЕПНОЙ КРАЙ КАК ЗОНА КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ: К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Периодика Степного края дореволюционного периода предоставляет уникальную возможность реконструировать наиболее полную историческую картину общественной жизни региона и те общественно-политические, социально-экономические и социокультурные проблемы, которые отражались на страницах изданий. Региональная периодика в данном случае выступает своего рода аккумулятором локальной информации, а её проблемно-тематическое поле максимально приближается к территориальным информационным интересам жителей. Воссоздание признаков региональной идентичности по страницам дореволюционных газет позволяет обнаружить и истоки современной региональной ментальности. Анализ современного медиапространства Омска демонстрирует, что региональные СМИ поддерживают бренд этнокультурного региона, способствуют развитию многообразия культур, нейтрально транслируют вопросы межэтнического взаимодействия, создают толерантную атмосферу для мирного сосуществования этносов.

Ключевые слова: региональная идентичность, Степной край, провинциальная пресса, областничество, этнокультурный регион.

Региональная идентичность – ключевой фактор позиционирования регионов как единых территориальных, социально-экономических и социокультурных систем. Имеющиеся различия в определённых сферах региональной жизни обуславливают специфику становления региональной идентичности и самосознания. В данном процессе, безусловно, ведущую роль играют СМИ, выполняющие функции самоидентификации для аудитории, представляющей сообщество, объединённое общим пространством, временем, культурой, традициями, укладом жизни, менталитетом.

В данном исследовании мы обратились к изучению региональной идентичности Степного края (Степное генерал-губернаторство Российской империи с административным центром в Омске, 1882-1918 гг.), нашедшей своё отражение на страницах дореволюционных омских газет («Акмолинские областные ведомости» (1871) и приложения к ним, «Омские епархиальные ведомости» (1897), газета «Степной край» (1893)). Периодика Степного края рубежа XIX-XX вв. содержит уникальный материал для изучения региональной истории в контексте трансформаций в сфере общественного сознания.

Степной край являл собой уникальное пространство – территорию культурного пограничья, на которой столкнулись сибирская и казахская (киргизская) культуры. «Взгляните на всех этих разноплеменных номадов пустыней, степей, взгляните в это типически-своеобразное строение и очертание их азиатских обликов, вникните в этот отличительный склад их степных уставов, мирозерцаний, верований и нравов, послушайте все эти разнообразные языки и наречия. Какой это, вблизи Западной Европы, своеобразный антропологический мир, и как выразительно и рельефно напечатлелся на нём зоолого-географический тип степей!..» [Малинов 2012: 50]

Для данной территории изначально были характерны этнокультурная разнородность групп, вступающих во взаимодействие друг с другом - русская, российская, имперская и киргизские степные жители.

В «Киргизской Степной Газете» читаем: «Великая Российская империя, занимающая по пространству одну шестую часть земного материка, имеет несколько обширных окраин с туземным населением, отличающимся особыми условиями хозяйственного быта, складом народного характера, языком и религией. К таким окраинам принадлежат и среднеазиатские владения России, простирающиеся от берегов Каспийского моря до Кульджи и от Оренбурга до Памира. Населённая остатками некогда могущественных физическою силою ханств, среднеазиатская территория служила ареной для взаимной вражды, нападений и грабежей, разноплеменных народов, пока в силу необходимости не подчинилась русской власти, призванной для охраны своих земельных границ водворить порядок и спокойствие в глубине среднеазиатских степей» [Степная Газета 1994: 80].

Для интеграции киргизского населения в Российское государство были использованы образовательные меры (распространение русских школ и русского языка среди коренного населения), а также его информационное сопровождение. Так, например, в декабре 1887 г. генерал-губернатор Степного края генерал от инфантерии Г.А. Колпаковский обратился к министру внутренних дел с ходатайством об издании при «Акмолинских Областных Ведомостях» особого прибавления на русском и киргизском языках. Для этого была причина: 81 процент численности населения края составляли кочевые киргизы. Периодический орган был необходим для ознакомления туземного киргизского населения с мероприятиями и распоряжениями местного и высшего начальств, касающихся киргизской степи и киргизского общественного управления, а также для распространения между киргизами полезных сведений о природе страны, быте её обитателей и пр. «Киргизская газета издаётся для киргизов, а не для других народностей – татар, турок, узбеков, сартов, которые отличаются от киргизов, как историей и образом

жизни (оседлость, земледелие, торговля, города), так и наречием. Киргизское наречие – самостоятельная отрасль (тюркского корня и относится к группе северных тюркских диалектов. Оно отличается от татарского особенною фонетикой; имеет много древних грамматических форм, какие встречаются только в старинных джагатайских книгах; включает довольно много слов древнетюркских и даже монгольских, особенно относящихся к кочевому, пастушескому и родовому быту. Редакция прилагает особое старание к тому, чтобы перевод русского текста был по возможности чисто киргизский и более понятный для читателя-киргиза» (Особое Прибавление 1889 №2: 4). «Киргизская степная газета» по распоряжению Степного Генерал-Губернатора издавалась при Канцелярии Его Высокопревосходительства сначала в виде прибавления к «Акмолинским областным ведомостям», а затем (с 1894 года) в виде приложения к Областным Ведомостям Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. В №1 за 1894 год редакция обращается к своим читателям: «Приступая к изданию газеты, имеющей целью внести свет в темную киргизскую массу, Редакция питает надежду, что грамотные киргизы будут присылать свои заметки и статьи о быте и нуждах своих сородичей, точно также и русские люди, служащие в степи или имеющие с нею постоянное сношение, поделятся своими наблюдениями над степною жизнью для блага киргизского населения и в интересах развития русской гражданственности среди жителей степи» [Киргизская Степная Газета 1994: 2].

В большинстве публикуемых материалов в омских периодических изданиях дореволюционного периода главенствующим становится областнический принцип. В основе подобного краеведческого уклона – нравственный императив, необходимость изучения исторических судеб своего края, языка, культуры, мировоззренческих ценностей и этических норм населяющих его народов, служение местным интересам, социально-экономическому, политическому и культурному развитию своего края. Обращение к истории сибирского областничества помогает понять сложность коллизий современной ситуации в области межэтнических и межкультурных отношений, позволяет разобраться в проблематике российского регионализма.

В местной прессе публиковались материалы о мерах для улучшения условий жизни в киргизской степи: о хозяйственном и духовно-религиозном быте, правовом положении населения и народном образовании. «Труды лиц, близких и знакомых с нуждами киргизского населения, впоследствии могут послужить материалом для выработки тех или других правительственных мероприятий и законопроектов по переустройству отдельных сторон быта кочевников» [Труды частного совещания 1908: 6]. А в «Программе занятий частного совещания при Степном Генерал-Губернаторе о киргизских нуждах» отмечается необходимость «разрешения издания газет на киргизском языке без предварительной цензуры и открытия для этого, явочным порядком, типографий» [Там же: 8]. Проблема отношения к национальным языкам и национальным культурам в условиях их территориального сосуществования всегда имеет не только собственно лингвистическое, но и социально-политическое значение. Национальный язык - важная сфера в жизни

народа. В случае со Степным краем этот аспект связан и с вопросом региональной идентичности.

Так называемое «патриотическое просветительство» – одно из основных положений философии областничества, это, прежде всего, средство межэтнической социокультурной интеграции. Сохранение традиций, культурных ценностей становятся приоритетными в областнической концепции местных периодических изданий. Как считали Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, образовательное пространство, может помочь народам России ассимилировать лучшие достижения других цивилизаций, существенно обогащая и совершенствуя свою собственную культуру. Именно поэтому такое большое внимание местные газеты уделяли просветительской работе среди населения Степного края.

Вопрос ассимиляции ещё ведь связан и с проблемой интеграции инородческого населения. Пристальное внимание областники уделяли инородческому вопросу и характерному полиэтническому составу сибирского общества. Решение инородческого вопроса требовало изучения жизни, языка, хозяйственной деятельности, истории коренного населения Сибири. «Если мы обратим внимание на историю развития и роста нашего государства, то увидим, что подчинение степных киргизов русскому владычеству является неизбежным последствием этого роста. Подчинение киргизов России подготовлялось постепенно и конечную целью своей имело водворение среди них начал русской гражданской жизни, обеспечившей спокойное и правильное развитие инородцев» [Киргизская степная газета 1994: 620].

Таким образом, освещая и способствуя разрешению указанных «областнических» вопросов, местные периодические издания должны были обживать обширный Степной край, пробуждать местное самосознание народа, фактически создавать умственную и общественную жизнь. Местная периодическая печать (правительственная, епархиальная, общественно-политическая) проявляла регулярный интерес к межкультурному взаимодействию, который проявлялся в публикациях, посвященных верованиям, фольклору, культурным традициям, обрядам народов, населяющих Степной край.

Как отмечает Н. В. Жиликова, «В ситуации фронта, на стыке двух культур – русской и инородческой, происходило развитие сибирской журналистики, вбиравшей в себя и великое общерусское наследие, и старинные предания местных жителей, переселенцев, и идейные искания нарождающейся сибирской интеллигенции. Освоение нового культурного пространства происходило одновременно с поиском собственной идентичности, с развитием идеи регионального самосознания, что привело к формированию сибирской областнической доктрины» [Жиликова 2016: 19].

Таким образом, Омск формировался как город многонациональный и многоконфессиональный. Леонид Мартынов в книге «Воздушные фрегаты» писал: «Омский уезд, жители русские и киргизы-кочевники. Да, конечно, я хорошо помню этих казахов, продававших кумыс на улицах и мясо на базарах, этих всадников в цветных малахях на лисьем меху, этих наездников на верблюдах – казашек в зеленых и фиолетовых бархатных шубах и в шапочках с перышками птиц. Но наряду с этими детьми природы я помню и торговавших на том же Казачьем базаре одетых в

гоголевские свитки украинцев и кутающихся в сибирские тулупы рыжих немцев-колонистов. И помню разговоры о том, что масло лучше всего брать у латышей, а яйца у эстонцев. Эти воспоминания трудно согласуются с энциклопедическим словарем, утверждающим, что в эти годы вокруг Омска обитали только русские и казахи... В начале двадцатого века с проведением железной дороги Зауралье быстро заполнялось переселенцами из Европейской России, с Украины, из западных районов, и вполне естественно, что Омск и его окрестности быстро меняли свой энциклопедический облик. И я с уверенностью могу сказать, что в том же 1910 г. Омск представлял собой скопище людей, по крайней мере, двенадцати национальностей» [Мартынов 1974: 4-5].

В связи с историей города, транслирующей постепенное формирование благоприятной среды для толерантного взаимоотношения этнических групп, населяющих территорию области, в современном Омске и его области на сегодняшний день отмечается высокий уровень толерантности среди горожан, отсутствие ксенофобии к трудовым и этническим мигрантам, к проживающим в регионе этническим меньшинствам.

Причинами укрепления межэтнических контактов и отсутствия межнациональных конфликтов среди омского многонационального народонаселения можно считать и специфические условия территории и времени, которые обуславливались местонахождением города на торговых и политических путях, климатическими особенностями области Сибири, кризисными природными катаклизмами на землях переселенцев, национальной политикой государства и пр.

Процесс эмоционального сближения и знакомства горожан с этнической культурой, протекающий в толерантной среде через непосредственное общение с национальными организациями, успешен в наличии у объединений средств массовых коммуникаций, которые бы обеспечивали связь с так называемой «аудиторией».

Как показывает проведенный анализ, в Омске на сегодняшний день зарегистрировано 24 национальных объединения, чья деятельность направлена на сохранение этнокультурного потенциала своей национальности, укрепление дружбы между народами, осуществление культурно-просветительной деятельности.

По последним данным в Омской области официально существуют 5 региональных этнических СМИ: «Омбы Казактары» («Казахи Омска»), «Татар дөнъясы» («Татарский мир»), «Культура. Немцы Сибири», «Ihre Zeitung» («Ваша газета») – газета Азовского немецкого национального района, «Ахдут» («Единство») – еврейская газета.

Кроме того, на основании контент-анализа медиатекстов издания «Аргументы и Факты в Омске» сделан следующий вывод: информационное пространство межнациональных взаимоотношений в Омске и Омской области носит положительный, толерантный характер. Омские средства массовой информации поддерживают бренд этнокультурного региона, способствуют развитию многообразия культур, нейтрально транслируют вопросы межэтнического взаимодействия, создают толерантную атмосферу для мирного сосуществования этносов. В ходе контент-анализа медиатекстов общественно-политической газеты

«Аргументы и факты в Омске» были выделены тематические группы материалов, отражающие многонациональность региона как один из ведущих признаков его региональной идентичности. Межэтнические праздники и события, проходящие в регионе: «В Омской области состоится первый парад национальностей» (материал от 05.06.2018); власть и национальные отношения: «Омская мэрия решила отметить Международный день цыган» (материал от 26.04.2018); межэтнические взаимодействия: «Сябры – значит друзья. Что связывает Сибирь и Беларусь» (материал от 09.07.2019). В журналистских текстах газеты «АиФ» можно заметить заголовки с положительной оценкой отношений между нациями, в которых автор обращает внимание на специфику многонациональности Омска: «Ген добра». Как складываются межнациональные отношения в Омской области» (материала от 25.01.2018); «Дружить национальностями. Как сохранить традиции и культуру народа» (материал от 13.08.2018); «На всех одно небо. История об аборигенах Омского Прииртышья» (материал от 15.11.2019). Отдельной темой в межнациональных отношениях можно выделить этнокультурные предпочтения и взаимовлияния в пище. В издании «АиФ» есть несколько публикаций, посвященных национальным кухням и обычаям: «Омичей приглашают в «юрту дружбы» знакомиться с казахскими обычаями» (материал от 26.07.2018). Понятия, которые наиболее часто встречались в данных материалах, составляют основу концептов: «традиции», «народ», «дружба», «единство», «праздник» помогают в создании той интерпретации текста, где культура толерантного отношения выходит на первое место, как базис современного культурного наследия омского региона и самосознания его населения.

Таким образом, СМИ играют ключевую роль в процессе формирования региональной идентичности, формируя общий менталитет на определенной территории. «Чувствуя свою сопричастность к некоторому локальному сообществу, человек переносит на себя и/или свою социальную микрогруппу прошлые, настоящие, потенциальные будущие и даже вымышленные достижения и достоинства региона, в котором проходит его жизнь» [Бочаров 2011: 93].

Литература

Бочаров, А. В. Сибирская региональная идентичность в контексте исторического сознания (по результатам контент-анализа томских СМИ) / А. В. Бочаров // Вестник РУДН. – Серия: Социология. – 2011. - №4. – С. 93-100

Жилякова, Н. В. Диалог русской и инородческой культур на страницах периодической печати томской губернии (конец XIX – начало XX века) / Н. В. Жилякова // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. – 2016. – № 6. – С. 19–25.

Киргизская степная газета: Человек, общество, природа: 1888-1902 / составитель У. Субханбердина; Национальная академия наук Республики Казахстан, Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. – Гылым, 1994. – 814 с.

Малинов, А. В. Философия и идеология областничества / А. В. Малинин. – С-Пб: Интерсоцис, 2012. – 128 с.

Потанин, Г. Н. Областническая тенденция в Сибири / Г. Н. Потанин. – Томск: Паровая типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. – 64 с.

Труды частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 97 с.

Ядринцев, Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц / Н. М. Ядринцев. – С-Пб: Издание И. М. Сибирякова, 1891 – 308 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Боброва Мария Владимировна, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург. E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Большакова Валерия Владимировна, студент, Вологодский государственный университет, г. Вологда. E-mail: valerya.bolschakova@yandex.ru

Бурцев Владимир Анатольевич, доктор филологических наук, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец. E-mail: ivburcev@yandex.ru

Военушкина Екатерина Алексеевна, кандидат филологических наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар. E-mail: voenushkina.kat@yandex.ru

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственный университет, г. Кострома. E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Жданова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, г. Ижевск. E-mail: zhdanovaeva@gmail.com

Загребина Ульяна Сергеевна, магистрант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск. E-mail: ul.zagrebina@yandex.ru

Катышев Павел Алексеевич, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва; E-mail: rakatyshev@pushkin.institute

Килина Лилия Фаатовна, кандидат филологических наук, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск. E-mail: kilin_74@mail.ru

Коконова Анна Борисовна, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва. E-mail: annakokonova@gmail.com

Комлева Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, Вологодский государственный университет, г. Вологда. E-mail: k.nati@mail.ru

Лушпей Анастасия Александровна, старший преподаватель, Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово. E-mail: ana1534@ya.ru

Неганова Галина Дмитриевна, кандидат культурологии, Костромской государственный университет, г. Кострома. E-mail: g_neganova@ksu.edu.ru

Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск. E-mail: nvpatr@list.ru

Петрова Мария Юрьевна, студент, Вологодский государственный университет, г. Вологда. E-mail: mariyapetrova.2001@mail.ru

Рулева Анастасия Евгеньевна, магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск. E-mail: ruleva.anastasiya_02@mail.ru

Ставрова Арина Дмитриевна, магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск. E-mail: arina_stavrova@mail.ru

Федосеева Лариса Николаевна, доктор филологических наук, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань. E-mail: ln-fedoseewa@yandex.ru

Филиппова Анна Олеговна, магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск. E-mail: ao.filippova@mail.ru

Шашкова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского», г. Омск. E-mail: shashkova-lenochka@list.ru

Научное издание

**РУССКОЕ СЛОВО:
ГОРИЗОНТЫ АНАЛИЗА**

(к 80-летию со дня рождения Людмилы Григорьевны Яцкевич)

Электронное издание

БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека»
г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д.1; т/ф. 8(8172) 21-17-69;
e-mail: adm@booksite.ru

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; т/ф. 8(8172) 72-50-53; e-mail: rio@vogu35.ru